

ОГОНЁК
№ 34 АВГУСТ 1958
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Город Горький. Улица Коминтерна в Сормове.
Фото Н. Капелюша.

На первой странице обложки: Аргентинский певец Антонио Пантохи.

На последней странице обложки: Старинная церковь в аргентинском городе Сальте.

Фото А. Софронова.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

№ 34 (1627)

17 АВГУСТА 1958

36-й год издания

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Волжская, имени Ленина...

Торжества у Жигулей-на-Волге нашли радостный отклик в сердцах всех трудящихся нашей страны: ведь это огромная победа — окончание строительства крупнейшей в мире гидростанции мощностью 2 миллиона 300 тысяч киловатт. Весь наш народ участвовал в сооружении величайшей гидростанции и продемонстрировал высокий уровень советской науки и техники, мощь социалистической индустрии, талантливость советских людей.

Указом Президиума Верховного Совета СССР гидроэлектростанция названа Волжской, ей присвоено имя Владимира Ильича Ленина.

Большая группа строителей и монтажников удостоена высокого звания Героя Социалистического Труда, многие награждены орденами и медалями; орденом Ленина отмечен Куйбышевгидрострой Министерства электростанций СССР.

На торжественный пуск станции прибыли товарищи А. Б. Аристов, Л. И. Брежнев, М. А. Суслов, Н. С. Хрущев, Д. С. Полянский.

Выступая на митинге строителей Волжской гидроэлектростанции имени В. И. Ленина, товарищ Н. С. Хрущев сказал: «Создание на Волге крупнейшей в мире гидроэлектростанции — это событие огромного экономического и политического значения, важное звено в выполнении программы электрификации страны, осуществляемой нашим народом по бессмертным заветам великого Ленина».

Руководители партии и правительства побывали также на предприятиях Куйбышева, Новокуйбышевска, посетили колхоз «Путь Ленина», находящийся неподалеку от Волжской ГЭС.

Митинг строителей Волжской гидроэлектростанции имени В. И. Ленина.

Руководители партии и правительства, строители и гости в машинном зале гидроэлектростанции.

Фото Ф. Кислова и А. Устинова.

ПРЕБЫВАНИЕ К. Е. ВОРОШИЛОВА В БЕЛЬГИИ

Председатель Президиума Верховного Совета СССР К. Е. Ворошилов посетил Всемирную выставку 1958 года в Брюсселе, на которой 11—13 августа отмечаются национальные дни СССР.

11 августа король Бельгии Бодуэн I дал в честь К. Е. Ворошилова завтрак.

На снимке (слева направо): посол СССР в Бельгии В. И. Авилов, К. Е. Ворошилов, первый заместитель министра культуры СССР С. В. Кафтанов, Его Величество король Бельгии Бодуэн I, министр здравоохранения СССР М. Д. Ковригина.

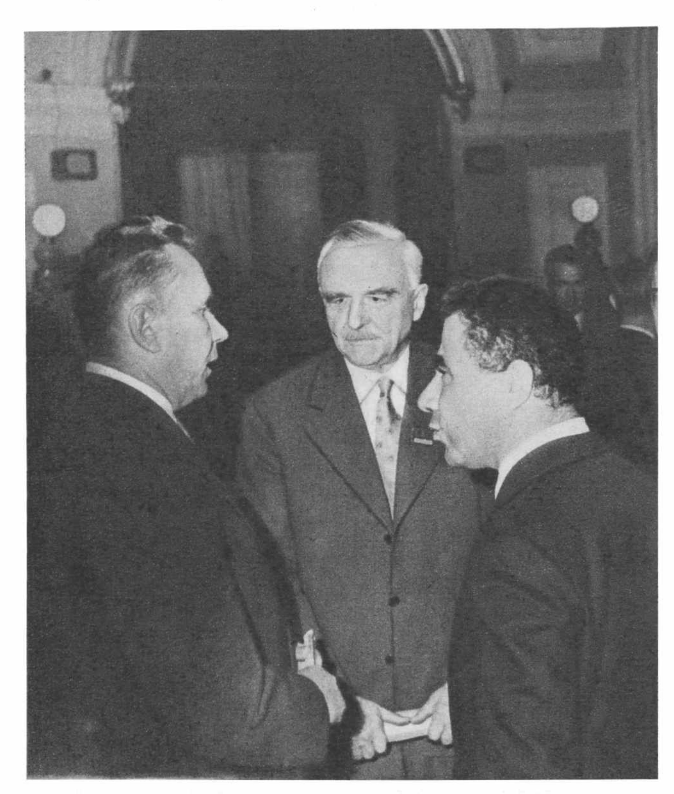
Снимок принят по фототелеграфу.

НА ПОЛЬЗУ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА!

«У всех истинных ученых вне зависимости от их политических или религиозных убеждений имеется единая высокая цель—познание объективных законов окружающего нас материального мира и использование познанных законов мира на пользу человечества».

Эти слова, сказанные заместителем Председателя Совета Министров СССР тов. А. Н. Косыгиным на торжественном открытии X Международного астрономического съезда, хорошо выражали настроения делегатов, приехавших в Москву из тридцати пяти стран. Среди тысячи участников съезда виднейшие современные астрономы СССР, США, Англии, Франции, Польши, Китая и других государств.

В речах президента Международного астрономического союза профессора А. Данжона, вице-президента Академии наук СССР А. Топчиева и председателя оргкомитета съезда академика В. Амбарцумяна прозвучал искренний призыв и впредь укреплять сотрудничество ученых разных стран.

Заместитель Председателя Совета Министров СССР А. Н. Косыгин, президент Международного астрономического союза профессор А. Данжон и академик В. А. Амбарцумян.

Фото О. Кнорринга.

О ЧЕМ МОЛЧИТ «ГОЛОС АМЕРИКИ»

В Соединенных Штатах только что появился доклад о положении венгерских беженцев, подготовленный по просьбе председателя так называемого комитета помощи венграм. Это в высшей степени красноречивый документ.

Председатель комитета Трейси Вурхиз несколько недель занимался «частным и неофициальным изучением положения», чтобы установить, требуется ли «специальное вмешательство» и какую «форму» оно должно принять. О чем же заботятся добрые американские дяди? О судьбе заброшенных на чужбину венгров? Отнюдь нет. В докладе написано черным по белому: «За границей может создаться неприглядное впечатление об Америке, если значительное число венгров будет испытывать постоянные экономические трудности и если значительное число беженцев вернется в Венгрию».

Таким образом, цель доклада вполне ясна: помешать как можно большему числу венгров вернуться на родину, где они смогли бы рассказать правду об Америке.

Озабоченные этим «попечители» делают все, чтобы преуменьшить трагедию венгров на американской земле. Так, председатель «координированной помощи венграм», в Вашингтоне, некий доктор Мейди, утверждает, что безработица среди них будто бы достигает «всего» 10—15 процентов. Но обследование Вурхиза показывает, что уровень безработицы среди венгров близок к 40—60 процентам, иначе говоря, к половине тех тысяч беженцев, которые мечтали пополнить собой ряды американских миллионеров, а теперь увеличивают растущую армию американских безработных.

Из Нью-Йорка, Детройта и Кливленда, из Бриджпорта и Нью-Хейвена, из Чикаго, Питсбурга и Буффало поступают сообщения о безработице, нужде и голоде среди венгров, которые позволили заманить себя в Соединенные Штаты. В таких центрах автомобильной и металлургической промышленности, как Детройт и Питсбург, нужда «перемещенных» венгров достигает наибольших размеров. Когда нужен был дешевый труд, их брали на работу. Но принцип «последними нанимают, первыми увольняют» был применен к ним тотчас, как начался спад.

Преподобный Эндрю Джекобс из католической церкви в Детройте сообщает: «Многие венгры, которые находятся здесь полтора года, имели работу лишь в течение 5—6 месяцев... Положение весьма тяжелое. Около 50 человек уже вернулись обратно в Венгрию, и есть большая группа, которая тоже готова уехать. Многие — на улице, без всяких перспектив: без работы, без пособия по безработице. На днях один из них зашел ко мне. Он сказал: «Я собираюсь уехать. Я не могу попрошайничать. Я не могу просить милостыню. Я уеду в Венгрию».

Другой молодой венгр говорил отцу Джекобсу со слезами в голосе: «Что мне писать домой? Я не могу сказать своей матери, что мне приходится протягивать руку на улице, чтобы жить. Я не знаю, что мне делать. Не могу же я заняться взломом сейфов!»

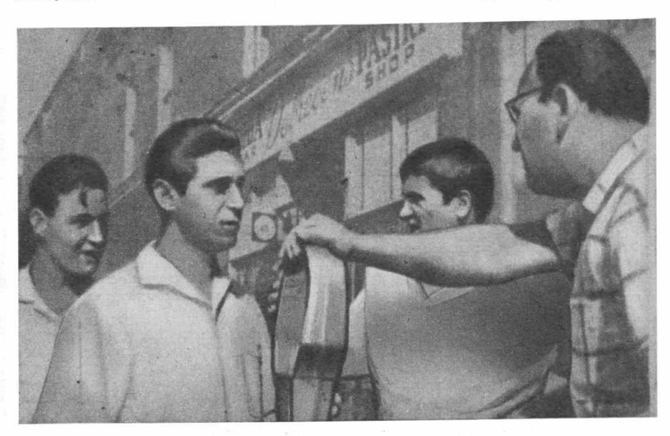
Отец Джекобс рассказывает дальше, что один знакомый ему безработный венгр взял кирпич, разбил витрину ювелирного магазина и спокойно сказал полицейским: «Ну, теперь забирайте меня. По крайней мере у меня будет место, где спать».

Таковы факты, говорящие о том, в какую действительность превратились мечты венгерских беженцев о «милой золотой Америке» за эти полтора года. Не удивительно, что тысячи этих сбившихся с правильного пути людей требуют разрешения вернуться на родину.

Но до сегодняшнего дня лишь около 500 человек сумели уехать из американского «рая». Все виды давления и запугивания применяются для того, чтобы помешать другим последовать их примеру.

Но, несмотря на эти ухищрения, правда встает перед людьми во всей своей печальной наготе — правда, которую никогда не услышишь в завываниях «Голоса Америки» и не увидишь на покрытых глянцем пестрых страницах американских иллюстрированных журналов.

Джон ДЭЙВИС

«Безработные венгры бесцельно проводят время у дверей венгерской кондитерской. Из двух тысяч венгров-беженцев в штате Огайо около 800 уже не имеют работы» — с такой подписью опубликовала эту фотографию газета «Нью-Йорк таймс».

ДЛЯ СЕБЯ, ДЛЯ СВОЕЙ СТРАНЫ

17 августа Индонезийская Республика в тринадцатый раз отмечает День независимости.

Что, казалось бы, могло измениться за тринадцать лет в стране, возраст которой измеряется тысячелетиями?

На первый взгляд, как будто те же залитые водой поля, такие же, как прежде, крестьяне в огромных шляпах, защищающих от зноя и дождя, тот же изнуряющий труд под экваториальным солнцем. Но так может показаться только на первый взгляд.

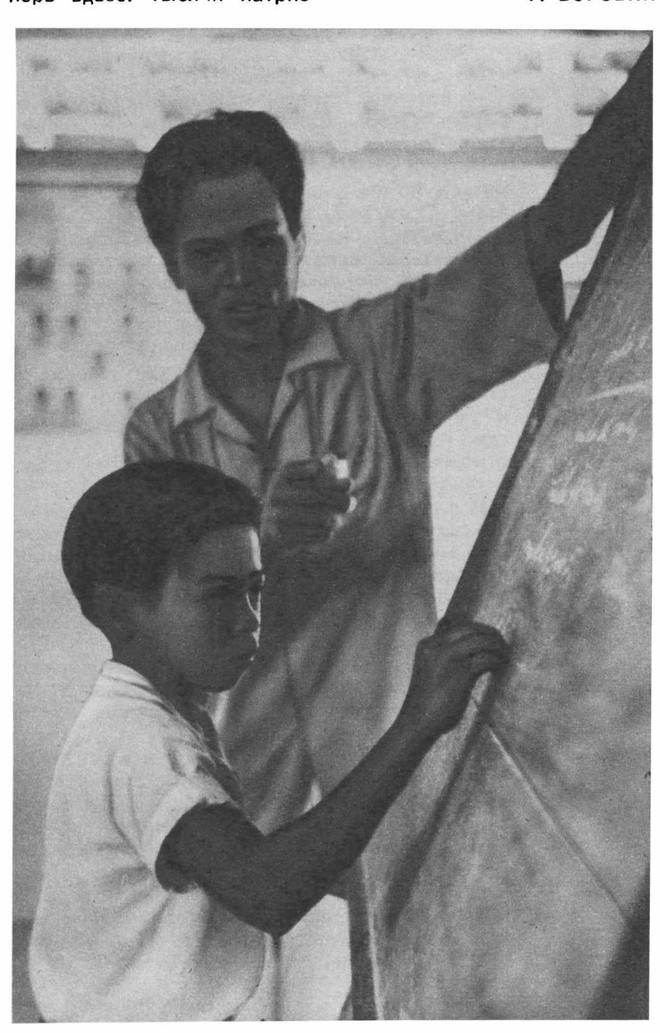
Девяносто процентов неграмотных было здесь при голландском владычестве. Эта цифра уменьшилась теперь вдвое. Тысячи патриотов добровольно, в свободное от работы время, обучают своих соотечественников грамоте.

Есть и другие существенные изменения.

Года три тому назад в городе Чилачап, на Яве, была построена текстильная фабрика, оборудованная по последнему слову техники. На ней, как и на многих других предприятиях страны, работают только индонезийские инженеры, техники, рабочие. Они обходятся без иностранных специалистов. Это тоже результат независимости.

— Работаем для себя, для своей страны,— с гордостью говорят рабочие фабрики.

Г. БОРОВИК

Маленький Юсуф будет грамотным.

Итальянцы клеймят интервентов позором

По всей Италии поднялась бурная волна протеста против вооруженной интервенции США и Англии в Ливане и Иордании. Массовые демонстрации, митинги, потоки писем и резолюций в адрес правительства и членов парламента — так итальянский народ выражает возмущение действиями англо-американских агрессоров, поставивших человечество на грань новой войны. Трудящиеся Италии требуют от правительства прекратить использование итальянских портов и аэродромов для переброски оккупационных войск США и Англии на Ближний Восток. В этом единодушны самые различные слои населения, рабочие-коммунисты, социалисты, католики.

Власти и полиция пытаются противопоставить всенародному движению протеста аресты, насилия, избиения. В Риме произошли серьезные столкновения с полицией во время демонстрации перед зданием английского посольства. Полиция арестовала участницу демонстрации, видную общественную деятельницу Карлу Каппони, награжденную золотой медалью за участие в движении освобождения Италии от гитлеровских оккупантов. В Неаполе во время демонстрации тяжело избит 60-летний мелкий торговец, активно выражавший протест против агрессии на Ближнем Востоке. В Болонье, Милане и других городах «скорые» суды приговаривают арестованных демонстрантов к тюремному заключению.

Но репрессии не помогают. Народ Италии протягивает руку солидарности арабским народам, борющимся за свою независимость.

Альберто ЯКОВЬЕЛЛО

Рим.

Полиция разгоняет демонстрантов у здания английского посольства в Риме.

Агенты полиции арестовывают Карлу Каппони, активную участницу движения за освобождение Италии от гитлеровских захватчиков.

ВЫСТАВКА ПРОИЗВЕДЕНИЙ Д. А. НАЛБАНДЯНА

В Академии художеств СССР открыта интересная выставка произведений действительного члена Академии художеств СССР Д. А. Налбандяна. В экспозиции представлены портреты и пейзажи, жанровые полотна и большие композиции.

Фото Г. Санько.

Гости «Огонька»

Редакцию «Огонька» посетила гостившая в СССР группа индонезийских журналистов и общественных деятелей. Гости познакомились с организацией работы редакции журнала.

Фото Я. Рюмкина.

Известный вьетнамский поэт То Хыу также был гостем «Огонька» на прошлой неделе.

Фото М. Савина.

Спея доверена молодым

Н. ТАРАСЕНКОВА

Фото Риммы Лихач.

На реке

Солнце взошло над селом... Брызнули лучи, запутались в огромных мохнатых ветвях акации, а потом вынырнули из-за них, подожгли торопливую воду Днестра. Река в этом месте извилистая и заворачивает настолько круто, точно выходит из нового истока. Так и говорят, будто возле села Спея целых три Днестра.

Чуть отойдешь от реки, поднимешься на пригорок — и перед тобой Спея. Но только кажется, что село отсюда близко. А надо пройти к нему через большие сады. А потом какая-нибудь из улиц поднимет в село. Улицы в Спее узкие, неровные. Не поймешь, откуда начало берут, где кончаются. Есть и такие, что идут с разных концов и сливаются на одном пятачке.

Сейчас в селе так тихо, что слышен скрип журавля в садах, всплеск переполненного ведра. И вдруг тишину разрубила веселая песня. Даже не сразу сообразишь, откуда она. Да ведь это радио! Но, позвольте, время-то — всего только пять часов! Однако в Спее свой колхозный радиоузел, и уж так заведено, что песня будит сельчан. Сначала музыка, а через полчаса выступает по радио председатель колхоза «Победа» Александр Тихонович Марьян. Впрочем, сказать «выступает» будет не совсем верно. Это очень простой разговор, точно председатель собрал возле себя колхозников и беседует с ними.

О чем говорит Марьян? Да о самом различном: о том, как работали вчера, какая бригада лучшая, что нового в соседних селах. И о том, какая кинокартина будет сегодня в клубе. А если председатель видел этот фильм, то коротко расскажет содержание.

Председателя колхозники слушают дома. А к шести часам все уже у правления. Отсюда и разъезжаются по своим участкам.

Вот усаживается в двуколку ветеринарный фельдшер комсомолка Валя Лунгу. Завел мотоцикл инженер по механизации Иван Калиниченко, сейчас умчится в тракторную бригаду. Садится на машину вместе со своей бригадой Алексей Лободюк. Окончил он сельскохозяйственный техникум, решил сначала поработать бригадиром на винограднике, а потом уже идти в агрономы. Смеются в колхозе: встретили парня первые трудности — попал в женскую бригаду, попробуй наведи порядок. А вот уже открыла дверь хаты-лаборатории агроном Тамара Шляхтич, или, как ее еще называют в колхозе, «доктор по борьбе с вредителями».

Рабочий день начался. И, может быть, потому чуть смущенно чувствует себя Ирина Завтур, что идет она сегодня не на работу, в школу, а на Днестр, просто так — посидеть в лодке. Завтра в Тираспольском педагогическом институте начнется сессия, и завтра она уже не учительница математики, а студентка.

Ирина пришла на реку, притянула к себе лодку, села в нее. Так уж у нее положено — перед отъездом обязательно прийти сюда. Родные с детства места. После десятилетки впервые уехала она из села — в учительский институт, а потом вернулась в ту же школу. Смешно, трогательно и чуть грустно было войти в тот класс, где училась сама.

Будто совсем рядом зарычал мотоцикл, прервал ее мысли. «Кто это? Да ведь это Наташа Консокару».

Часто можно было видеть, как Наташа со Степаном ходили любоваться новыми посадками.

— Эге-ге-ге! — закричала Ирина, выбежала на дорогу, остановила мотоцикл и спросила, запыхавшись:

— Куда ты?

Спросила и сама удивилась своему вопросу, будто не знает, куда. Да, конечно же, в сады!

Наташа только улыбнулась в ответ.

— Чего-то давно не видела тебя?

— Уезжала в Кишинев кандидатский минимум сдавать, только вернулась,— отвечает Наташа.

— А я сегодня еду на сессию, в педагогический.

— Ну так, значит, ни пуха, ни пера.— Наташа включает мотор.

— К черту, к черту! — смеется Ирина.

Хозяйка садов

Марьян сказал строго:

— Вот что, Наташа, мотоцикл я у тебя отбираю. Скоро матерью станешь, и машина эта тебе противопоказана.

Наташа улыбнулась. Конечно, придется смириться, но как она будет успевать во все бригады? Сады ведь разбросаны. Пока объедешь на бричке. А надо обязательно каждый день побывать во всех садах. Так у нее заведено.

Наташа Консокару приехала в колхоз «Победа» несколько лет назад студенткой-практиканткой. И все казалось ей тогда легко и просто. Привезла она с собой в колхоз хорошее настроение и тему преддипломной работы «Реконструкция садов». Пришла в сады и ужаснулась: яблони, сливы, груши растут где попало, все вместе. Стоит одинокая огромная яблоня, точно выбежала из сада и остановилась, испугалась чего-то.

И с первых же дней, к великому удивлению бригадиров, студентка пошла в наступление. Для многих смешным казалось, что эта молодая девушка собирается переделывать сады.

— Да зачем же выкорчевывать еще плодоносящие деревья, вытягивать на этом месте ленточки-плантажи новых посадок?

— Как зачем? А как же ухаживать за таким садом, когда груша требует одного, а слива — другого? Как работать машинам, как же хорошего урожая добиться?

Спорила Наташа до слез. Но к кому пойти, доказать свою правоту? Один из стариков сказал: «Молодо-зелено, учить нас приехала». Другой — отмалчивался, ухмылялся. А председатель колхоза уехал в педагогический институт сдавать государственные экзамены. Так и не увидела его.

Кончилась практика. Простилась Наташа с колхозом, увозя с собой злость, и обиду, и толстую тетрадь, исписанную мелким почерком.

Через месяц написала она председателю, что сделала в садах. Сначала хотела написать все, что на душе, все, что думала о колхозе. А потом решила: «Зачем? Не возвращаться же мне туда». Потому, может, письмо получилось сухое: цифры, факты, и только.

Через несколько дней получила ответ:

«Здорово вы разозлились на наш колхоз, хоть и тщательно старались скрыть это. Вот мне такой «свирепый» агроном и нужен. Работы в садах много. Приезжайте к нам, ждем. Непременно приезжайте...»

Наташа читала и смеялась. Почему это вдруг она должна возвращаться в колхоз, где переругалась со всеми бригадирами, где каждый день председателя поминала недобрым словом? Да и потом, судьба ее решена. Сдаст государственные экзамены и уедет из Кишинева преподавать в сельхозтехникум. Такое получила назначение.

О письме скоро забыла. Однажды, когда занималась в институтской библиотеке, прибежали к ней девушки:

— Наташа, тебя спрашивают.

Сошла вниз. Стоит перед ней незнакомый человек и улыбается.

— Здравствуйте, я и есть председатель колхоза Марьян.—И, точно он уже не сомневался, что девушка будет работать в колхозе «Победа», добавил просто: — Пришел проведать нашего агронома.

Шесть утра. В колхозе «Победа» начался рабочий день.

«Да что он, шутит или серьезно?» — думала Наташа. Сердилась и все-таки стала расспрашивать его о колхозе. Вместе с ним строила планы реконструкции садов.

И вот вернулась в «Победу». Может быть, потому, что не хотелось передавать в другие руки начатое самой. А может быть, потому, что интересно смолоду именно там, где труднее.

...Менялись сады. Умирали старые деревья, вырастали новые. Теперь председатель во всем помогал молодому агроному. А иногда просил у нее и совета...

— Ты, Наташа, уже агроном, а я педагогический вначале одолел, а теперь в сельскохозяйственном учусь. Вот посмотри контрольную, правильно написал?

Многому и она училась у председателя. Как-то по радио Марьян прочел лекцию, которая называлась несколько странно: «Нищета инициативы, или потерянный миллион». Кое-кто в районе подшучивал: «Чудит, оригинальничает наш Марьян». А чудачества тут никакого не было. Был это простой и увлекательный разговор о том, как люди не умеют правильно расходовать время и сколько из-за этого теряют. Многие, наверное, даже обиделись на председателя: ведь факты были «местные» и весь разговор шел о людях этого же колхоза...

Когда выбрали Наташу заместителем председателя колхоза, она часто вспоминала эту лекцию и проверяла себя. Правильно ли построила свой день, нашла ли, что главное сегодня в работе? Увлекалась она по-настоящему новой должностью, но сады... Они, конечно, стали от нее чуть дальше. А тут еще поступила в заочную аспирантуру, выбрала интересную тему для диссертации: об уплотнителях — яблонях и грушах в высокорослых садах. Взмолилась, чтобы оставили ей только сады.

Этой зимой сыграла Наташа веселую комсомольскую свадьбу. Муж ее, Степан Луполов, окончил финансовый техникум и работает в правлении колхоза. Но очень быстро Наташа сумела передать ему свою любовь к садам. Часто ходили они вместе за село, где с горы видны все молодые посадки. Экскурсии эти не пропали даром. Степан вдруг объявил в колхозе, что поступает в заочный сельскохозяйственный институт.

Пятница молодежная

Спея — село веселое. Умеют здесь повеселиться в воскресенье. Но, кроме воскресенья, есть еще один день, к которому особенно готовятся парни и девушки, к которому особенно наряжаются. День этот так и называется — пятница молодежная.

Сегодня пятница. Вечером вышел Марьян посмотреть, собирается ли молодежь. Пока тихо. Только вот подъехал к клубу на мотоцикле Антон Запорожан.

Клуб в селе хороший, а заведующий клубом Запорожан всегда вроде казался подходящей кандидатурой. Окончил художественное училище, вернулся в родное село. Но вот стал замечать председатель, что не тянет что-то в последнее время молодежь в клуб, веселятся так, кто как сумеет. И нет-нет вспомнит кто-нибудь из колхозников:

— Был когда-то у нас Иваненко, хочешь не хочешь, а в клуб пойдешь. Обязательно что-нибудь придумает веселое, интересное.

Решил Марьян поговорить с Антоном начистоту.

— Что-то не клеится у тебя?

— Видно, не работать мне здесь: только и знают, что старого заведующего клубом вспоминают.

— А чего сердишься? Хорошее только на очень хорошее люди хотят променять. Я за Иваненко до сих пор слежу, хотя жена и сманила его в другое село. Вот он, например, ходит с магнитофоном по фермам, записывает разговор доярок, песни, шутки, а потом вечером в клубе все и слушают. Инициатива, брат, великое дело. Я часто наблюдаю, как к тебе в клуб придут девушки, подождут-подождут, да и уйдут. Другие придут, видят, что никого нет,— уйдут. Не можешь ты сделать, чтоб уж как человек вошел в клуб, ему сразу и весело и интересно — уходить не хочется? Потом вот что хотел давно сказать: парень ты способный, хорошее окно сатиры сделал. Но ты ведь и художник, а что нарисовал, когда в свое село вернулся? А тут, брат, писать каждую улицу можно. Село-то вон какое красивое! Смотри, время идет, многое теряешь...

Помог ли разговор, задумался ли Антон? Ну что ж, время покажет.

— Буна сяра! — приветствуют парни председателя. — На нашу пятницу идет посмотреть.

— Да я как будто уж не молодежь, сорок три стукнуло,— смеется председатель.— А вроде самый дисциплинированный.

...Но вот и оркестр стал собираться. Сейчас рассядутся, начнут играть. Съедутся парни на велосипедах, расставят их у стен клуба. Девушки придут позже. Всегда появляются они неожиданно, словно хотят поразить своими нарядами.

Заиграл оркестр и сразу же разбил нависшую над селом тишину. В середине сидит капельмейстер Иван Пынзарь, играет на кларнете. Марьян вспомнил, как впервые появился он в колхозе, и улыбнулся. Пришел Пынзарь прямо в правление и сказал:

— Хочу работать в вашем селе капельмейстером. Учился в Кишиневском музыкальном училище.

— Много у нас было капельмейстеров,— ответил ему тогда Марьян. — Одни слишком вино любили, долго не продержались, другие работали лишь бы отделаться: оркестр сам по себе, а капельмейстер сам по себе. А нам нужен настоящий музыкальный руководитель. Вот что, у нас сейчас правление начинается, а я вам соберу колхозников; народ у нас музыкальный, пусть послушают, свое слово скажут.

Идет правление колхоза и вдруг: что это? Звучит «Дойна» на всех музыкальных инструментах: на кларнете, баяне, альте, аккордеоне. Вышел кто-то вроде как покурить, затем другой, третий, и наконец решили сделать перерыв, посмотреть, что делается на улице. А там такая картина. Сидит капельмейстер, возле него все музыкальные инструменты, которые есть в колхозе. Поиграет на одном — и в сторону, за другой инструмент берется. А колхозники в один голос говорят председателю:

— Такого человека, Марьян, брать надо, такого выпускать нельзя.

И взялся сразу по-настоящему за работу Иван Пынзарь. Начал с того, что заставил всех учить музыкальную грамоту. Правда, многим это не понравилось. Марьян бывал на репетициях и слышал, как ребята говорили капельмейстеру «Нум баты капу», что по-молдавски значит «Не морочь голову».

Вишь чего задумал, всегда играли на слух, а тут новые заботы: музыкальная грамота! Но Пынзарь настоял на своем. Тот, кто не хочет как следует заниматься, пусть уходит из оркестра.

...Ну вот, теперь, кажется, начинается веселье: девушки пришли. Сейчас заведут песни и пляски, а потом кто-нибудь крикнет: «Ребята, сыграем в нашу игру «А ну, разбей горшок»!» Завяжут какому-нибудь парню глаза, вручат дубинку, а в круг положат большой глиняный горшок. Вот и будет парень смешно размахивать палкой.

Солнце давно ушло в землю, заснула Спея, только на площадке возле клуба не смолкает оркестр, звучат веселые песни. И, быть может, увидев не первый сон, проснется кто-нибудь в селе и только захочет помянуть недобрым словом неугомонных, как тут же вспомнит: сегодня нельзя, сегодня пятница молодежная...

Алексей Лободюк со своей бригадой на отдыхе.

Партийный билет

КИМ СУН СОК

Снаряд за снарядом. Огненный шквал
Бруствер срезáл...
Земля — не щит!
Командир на колено припал:
Партийный билет
Осколком прошит.

Фонтаны земли под режущий вой
К небу летят у окопной черты.
— Возьми мой билет. —
И вперед головой
Упал командир.—
Не сдавать высоты!..

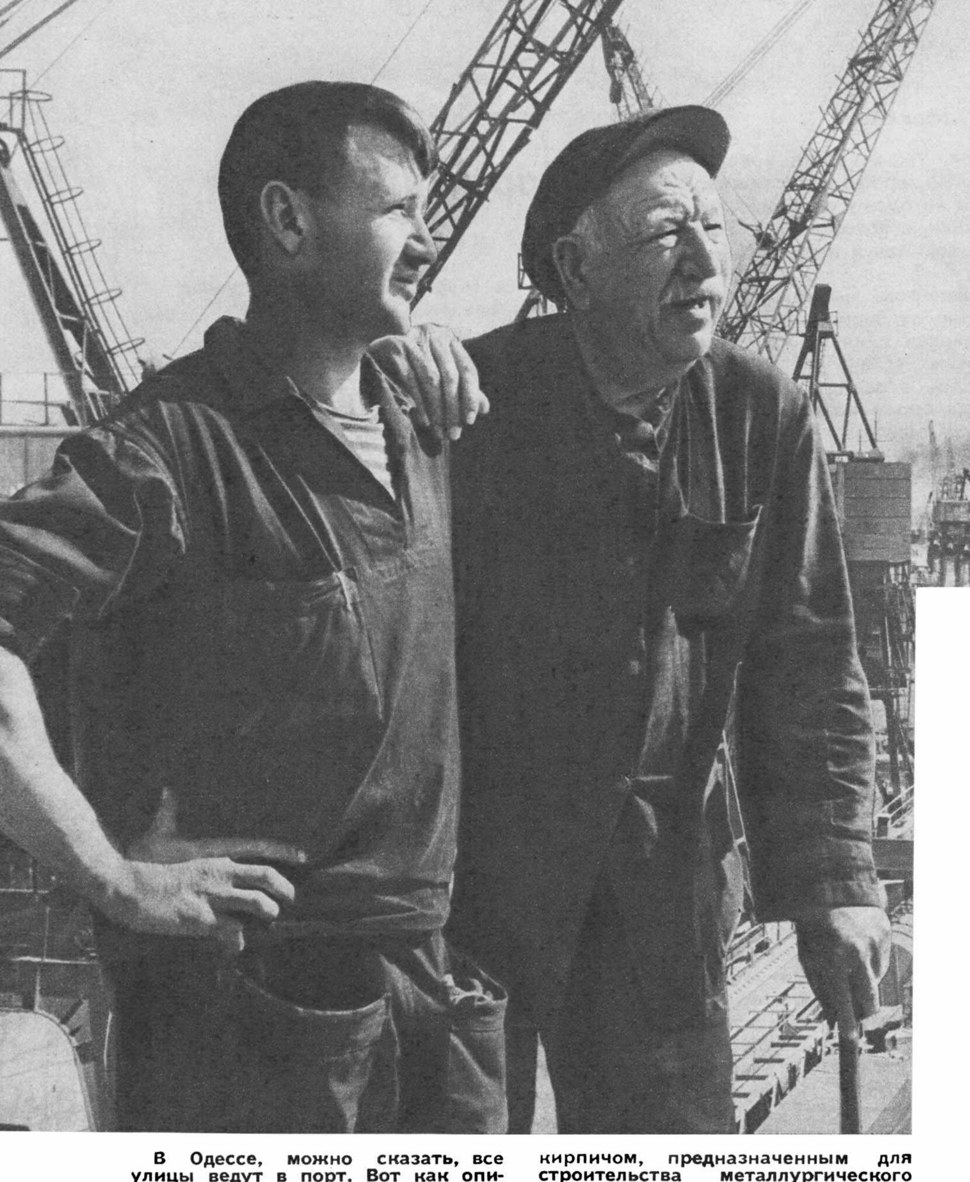
Но силы иссякли, и близок конец.
Ждет пуля солдата на каждом шагу.
— Есть не сдавать! —
Отвечает боец
И последней гранатою бьет по врагу.

Билет командира прижал он к груди.
Откуда и сила и стойкость взялись!
Билет на груди —
Коммунистом гляди,
До последнего вздоха борись!

У партии сотни горячих сердец,
Их слышит боец.
Бьется боец.
Побеждает боец.
И если вдруг враг оборвет ему путь,
Билет этот ляжет
Другому на грудь.

...Падает снег ли, идут ли дожди,
Рождается жизнь,
Умирает ли жизнь, —
Партбилет на груди —
Коммунистом гляди,
До последнего вздоха борись!

Перевел с корейского
Анатолий ЛЕДНЕВ.

НА УЛИЦАХ

В. ВИКТОРОВ, Н. КОЗЛОВСКИЙ

Надо ли убеждать читателей, что Одесса — один из колоритнейших городов страны, что ее граждане славятся своей любовью к родному городу и пронесли они это чувство через многие испытания, что южное солнце в сочетании с морской синевой делает Одессу особенно привлекательной и что она, несмотря на эти чисто курортные черты, славится

В Одессе, можно сказать, все улицы ведут в порт. Вот как описывал его А. И. Куприн в рассказе «Гамбринус»: «Громадный порт, один из самых больших торговых портов мира, всегда бывал переполнен судами... От судов к бесчисленным пакгаузам и обратно по колеблющимся сходням сновали грузчики: русские босяки, оборванные, почти оголенные, с пьяными, раздутыми лицами, смуглые турки в грязных чалмах и в широких до колен, но обтянутых вокруг голени шароварах, коренастые мускулистые персы, с волосами и ногтями, окрашенными хной в огненно-морковный цвет».

Где они, все эти грузчики, на своих спинах перетаскавшие в пароходные трюмы полмира? Долго мы наблюдали погрузку итальянского парохода «Федучиа». В его объемистые недра уплывали огромные металлические конструкции и бесконечные ящики с огнеупорным кирпичом, предназначенным для строительства металлургического завода в Индии, и не было ни колеблющихся сходен, ни согбенных спин. Бесшумно и быстро сновали краны.

Но еще живы люди, которые помнят Одесский порт времен Куприна. С одним из старейших грузчиков, ныне персональным пенсионером, Константином Николаевичем Добровольским, мы встретились у причала. Его по-прежнему тянет к морю, к кораблям, к труженикам порта. И хоть живет Константин Николаевич далеко — в слободке, но несколько раз в месяц он обязательно приходит посмотреть, как работают бригады.

Ему доставляет удовольствие следить за тем, как трудится ныне портовая молодежь. Мы и застали его за этим занятием. Опершись на плечо своего бывшего ученика Евгения Бельского, он следил за разгрузкой греческого парохода.

← Морские проводы всегда насыщены особой торжественностью. Наше внимание привлекло прощание этой молодой пары. Они стояли в стороне от шумной и яркой толпы, и мы, взглянув на них, решили: традиционная сценка — моряк уходит в плавание. Но вот прозвучала команда убрать сходни, и к теплоходу бросился... не матрос, а девушка. Это она уходила в море.

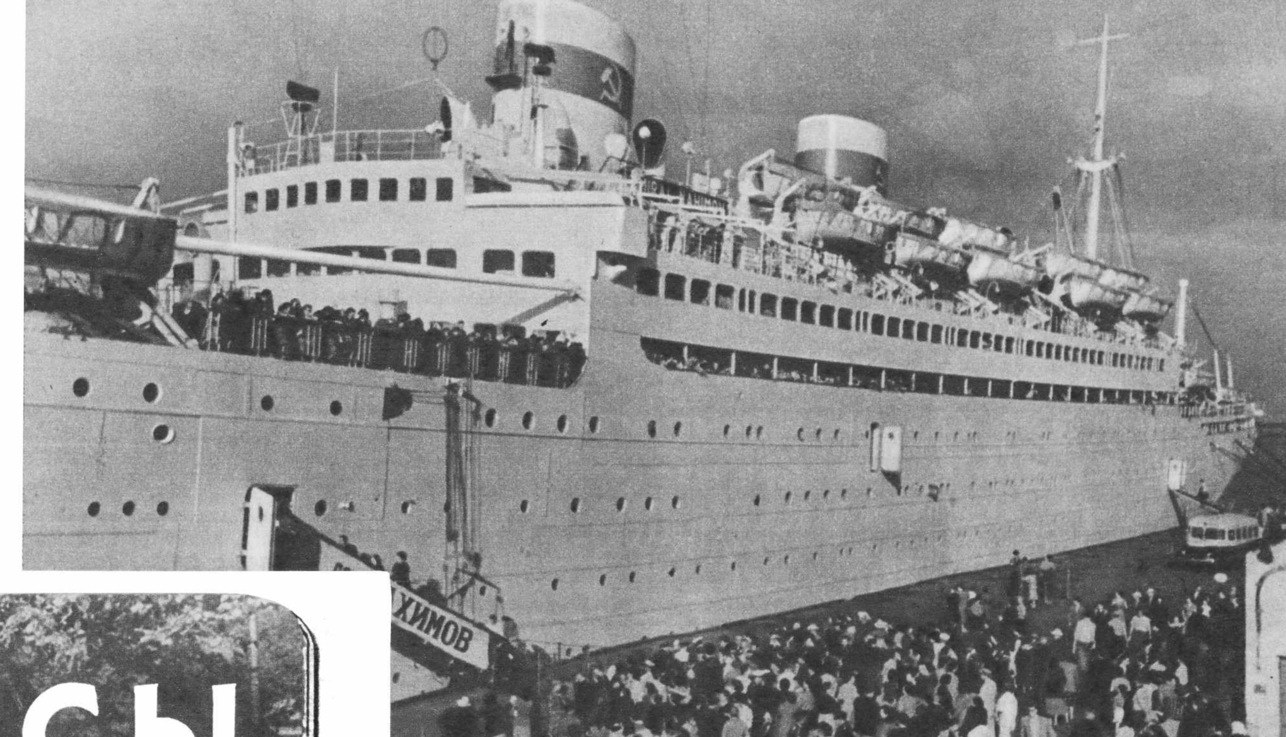

→ Капитан—директора антарктической китобойной флотилии «Слава» Алексея Николаевича Соляника мы застали на отдыхе в санатории имени Чкалова. Он вернулся из 12-го антарктического рейса.

Какой-то английский ученый подсчитал, что человек, проживший в Антарктике год, сокращает свою жизнь на пять лет. Если верить таким подсчетам, это значит, что Соляник, проведший в Антарктике 8 лет, должен сейчас выглядеть, как 80-летний старик. Как же не рассмеяться врачу санатория Вениамину Львовичу Левинзону: ведь его пациенту и 40 не дашь!

Побывали мы и в пассажирском порту, чтобы проводить в море теплоход «Адмирал Нахимов».

От причалов порта каждый день уходят в плавание белоснежные красавцы-корабли, и вот теперь их строй пополнился еще одним прекрасным теплоходом. «Адмирал Нахимов» — комфортабельное судно, располагающее бассейнами для плавания, нарядными салонами, просторными палубами для прогулок, удобными каютами.

ОДЕССЫ

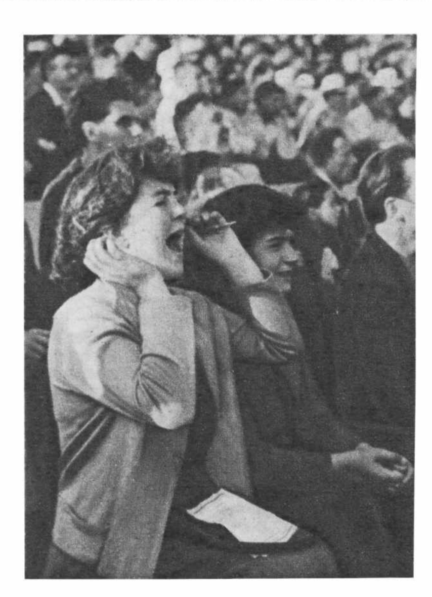
В полдень на Дерибасовской.

своим трудолюбием. Да, в Одессе морем не только любуются — здесь на море живут, работают. Кто не слышал об одесских грузчиках, моряках, рыбаках! И кто не знает, что Одесса не только город-труженик, но и город-герой, вписавший не одну страницу в летопись Великой Отечественной войны!

Пройдемся же по ее улицам.

Хороши лилии на рынке!

На стадионе «Пищевик» футбольный матч, и на что способны одесские болельщики, вы можете увидеть на снимке.

← В Одессе чувствуют себя как дома не только советские моряки, но и иностранные. Греческие матросы пьют на Приморском бульваре жигулевское пиво.

→ Мы закончили нашу прогулку по городу на аллеях парка имени Т. Г. Шевченко, где так любят посидеть над морем жители Одессы. На одной из скамеек мы увидели молодую женщину с ребенком на руках. Все вокруг — и зелень, и солнечный свет, и тишина, и сама фигура молодой женщины — дышало покоем. Мирной, светлой жизнью живет южный город.

Из новых стихов

Ярослав СМЕЛЯКОВ

Рисунки Ю. РЕБРОВА.

ПЕРВАЯ СМЕНА

Каждый день неизменно
мимо наших ворот
утром первая смена
на работу идет.

По всему тротуару
и по всей мостовой...
Тут и юный и старый,
добродушный и злой.

Здесь отыщет психолог
и таких и сяких,
только больше веселых,
большинство — молодых.

Нам тоска не годится,
скукота не про нас...
Я люблю эти лица
в раннеутренний час.

Деловито шагая,
всем врагам на беду,
пареньки истребляют
пирожки на ходу.

(Их девчонка с усмешкой —
ей усмешка идет —
прямо с белой тележки
на углу продает.)

Не смолкает — куда там!—
молодой разговор.
В этой смене девчата
хороши, на подбор.

Не ленивые дуры,
не из жалких франтих.
Маляры, штукатуры —
вот профессии их.

Стооконные зданья,
от угла до угла,
эта смена со знаньем
для людей возвела.

Мне бы стать помоложе
да вернуть комсомол —
в эту смену я тоже,
только б в эту пошел.

Вот спешит крановщица,
вот монтажник идет.
Я люблю эти лица,
этот русский народ.

НЕСКОЛЬКО СЛОВ О ЦИОЛКОВСКОМ

В те дни, когда мы увлеченно
глядим в занебесную гладь,
я должен о старом ученом
хоть несколько строк написать,

напомнить о том человеке,
что жизнь проработал сполна
еще в девятнадцатом веке
и в наши потом времена.

Он путь пролагал без оглядки
к светилам, мерцавшим во мгле,
старик, в неизменной крылатке
ходивший по нашей земле.

Ах, сколько ума и старанья
и сколько недюжинных сил
еще в одиночку, заране
он в вас, корабли мирозданья,
и в вашу оснастку вложил!

Ему б полагалось за это
(да некого тут упрекать)
при запуске первой ракеты
на месте почетном стоять.

Ему бы, шагнув через время,
войти, как к себе, в этот год
и праздновать вместе со всеми
ее межпланетный полет...

Я знаю неплохо, поверьте,
и спорить не думаю тут,
что нету у гениев смерти
и мысли их вечно живут.

Я все это знаю, и все же
сегодня печалит меня,
что сам прорицатель не дожил
до им предреченного дня.

ЯГНЕНОК

От пастбищ, высушенных жаром,
в отроги, к влаге и траве,
теснясь нестройно, шла отара
с козлом библейским во главе.

В пыли дорожной, бел и тонок,
до умиленья мил и мал,
хромой старательный ягненок
едва за нею поспевал.

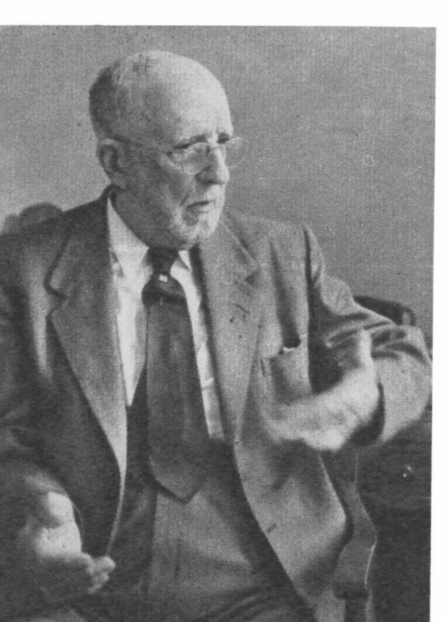
Нетрудно было догадаться:
боялся он сильней всего
здесь, на обочине, остаться
без окруженья своего.

Он вовсе не был одиночкой,
а представлял в своем лице
как бы поставленную точку
у пыльной повести в конце.

Я это очень понимаю
и в час раздумья своего
с веселой грустью вспоминаю
ягненка малого того.

ГЛАВНОЕ — МИР

Он носит мягкий серый костюм, сугубо гражданский костюм. И лицо его похоже на лицо профессора античной истории или филологии. Но все друзья — венесуэльские и московские — зовут его «генерал».

И я стараюсь представить его таким, каким он был много лет назад, и его голос не старческим, а юным и решительным, отдающим военные приказы.

Хосе Рафаэль Габальдон всю жизнь был солдатом, и храбрым солдатом: в 20 лет он уже стал бригадным генералом. Но, избрав военную службу профессией, он не сделал ее ремеслом уничтожения.

Он сказал мне: «Именно потому, что как солдат я видел много смертей и ужасов войны, я знаю, что главное для людей — это мир».

Миру посвящает все последние годы жизни генерал Х. Р. Габальдон.

В период диктатуры в Венесуэле борьба за мир считалась почти антигосударственным актом. Тогда, возглавляя Постоянный комитет сторонников мира, генерал был чуть ли не единственным работником «аппарата комитета».

Сейчас, когда мы встретились в Москве, куда г-н Габальдон прибыл после Стокгольмского конгресса, он с гордостью сообщил, что процент венесуэльских делегатов на этой ассамблее мира по отношению к численности населения страны был самым высоким.

Свержение диктатуры в стране расковало силы и чувства народа, который поднялся на борьбу за идею, вынашиваемую генералом много лет: превратить Латинскую Америку в надежную зону мира.

И теперь, еще не вернувшись домой, Х. Р. Габальдон уже рисует планы того, как вскоре во всех районах Венесуэлы возникнут местные комитеты мира, как в мае будущего года на конгрессе мира стран Латинской Америки Венесуэла сможет рапортовать о первых серьезных победах на этом пути.

В Стокгольме Х. Р. Габальдон был избран в бюро Всемирного Совета Мира. Он воспринял это не как признание его заслуг, не как выражение уважения к нему и к его деятельности. В этом акте для Габальдона ощущалось рождение живой нити, связавшей венесуэльский отряд защитников мира со всей его многомиллионной армией. Он, солдат, понимал, как важен чуткий и неразрывный контакт подразделения с жизнью целого фронта.

Мы встретились накануне отъезда Х. Р. Габальдона на родину, и все его вещи были уже упакованы, кроме одной, которую он, видимо, собирался спрятать в последний момент. Это была фотография Н. С. Хрущева с надписью: «Хосе Рафаэлю Габальдону в память о нашей приятной беседе. Н. Хрущев».

За день до того венесуэльский генерал был принят Председателем Совета Министров СССР. Разговор глубоко взволновал его и, как он сказал, «оставил потрясающее впечатление от встречи с истинным руководителем огромной страны».

Когда г-н Габальдон отправлялся в путь из Венесуэлы, десятки людей говорили ему: «Вы будете в Москве, расскажите, что люди Венесуэлы хотят установления отношений с Советским Союзом, дружбы с ним».

Он передал эти слова главе Советского правительства, а своим соотечественникам расскажет о беседе с Н. С. Хрущевым.

— Это очень важно.— Габальдон торжественно поднял руку.— Ведь мы с господином Хрущевым говорили как друзья, где основной закон беседы — искренность.

Эту искренность и откровенность гость из Венесуэлы встретил повсюду в советской столице, которая, как он выразился, «готова принять в свои объятия любого, кто стремится к миру на земле».

Вероятно, оттого, что он провел последние недели в обстановке обнадеживающей дружбы, Х. Р. Габальдон был полон именно этого чувства.

Г. ШЕРГОВА

Фрол Романович КОЗЛОВ.

К пятидесятилетию со дня рождения.

«Огонек».

Фото Г. Вайля.

Новое стекло

Член-корреспондент Академии наук СССР
Н. КАЧАЛОВ

Море выбросило на берег зеленоватый стеклянный сосуд. Из тонкого горлышка повалил дым, клубы стали сгущаться, и вот, расправив плечи, упираясь головой в облака, появился джин. Он взмахнул руками — и вместо маленького, неказистого сосуда перед нами, как из-под земли, вырос великолепный хрустальный дворец, сверкающий тысячами граней всех цветов радуги.

Так порой начинаются восточные сказки. Но сказки мирно покоятся на книжных полках, хрустальные дворцы исчезают, как только перевернешь страницу, а слова «тысяча и одна ночь» привычно выражают нечто фантастическое. Мы не задумываемся, а часто и не знаем о том, что фантастическое превращение зеленого бутылочного стекла в сверкающий хрустальный дворец и во множество не менее прекрасных вещей происходит сегодня наяву, без участия джинов и клубов дыма... Впрочем, это не совсем точно: некий волшебник помогает нам совершать подобные превращения; зовут его химия.

Шесть тысяч лет назад египтянин, разрывая остывшую золу костра на берегу Нила, обнаружил в ней блестящий слиток зеленоватого оттенка. Так из смоченного нильской водой песка, расплавленного огнем костра, родилось стекло. Ему суждено было определить многие пути развития человеческой культуры, производства, искусства. Так пришли люди к современному полированному стеклу, вправленному в рамы зеркал или в кабины воздушных реактивных экспрессов; к оптическому стеклу, решившему успехи астрономии и биологии; наконец, к художественному стеклу.

Большую роль в создании художественных изделий из стекла играет Ленинградский завод художественного стекла, открытый в свое время по инициативе Алексея Толстого и Веры Мухиной. Его изделия по праву «поселились» в шкафах ленинградского Русского музея. Работники завода в совершенстве овладели варкой всевозможных цветных, молочных, полупрозрачных опаловых стекол, а также классического «свинцового» хрусталя, называемого так благодаря тому, что добрая треть его состава — свинец.

Одна из последних новинок завода — сульфидное стекло. Его качества определяются сочетанием в нем сульфида цинка и железа.

Специалисты утверждают, что тончайшие по аромату духи делаются из отвратительно пахнущих составных частей. Нечто подобное происходит и с сульфидным стеклом. Сульфид цинка является глушителем стекла, то есть делает его непрозрачным, молочно-белым. Железо же придает ему тот неприятный зеленоватый оттенок, который характерен для пивной бутылки. Однако если к такому зеленоватому бутылочному стеклу, в котором содержится железо, прибавить немного сульфида цинка, то произойдет нечто напоминающее чудеса сказочных джинов. Часть серы из сульфида цинка перейдет к железу, образуя сульфид железа, который расцветит стекло самыми разнообразными цветами — от нежно-розового до почти черного.

Вазы, кувшины и другие сосуды, изображенные на вкладке, показывают, какого богатства в окраске можно здесь достигнуть. Есть тут изделия, которые точно воспроизводят знаменитую средневековую филигранную технику обработки стекла, за овладение которой мастера Венецианской республики приобретали права патрицианства. Здесь и так называемое многослойное стекло, бывшее очень модным в прошлом веке и носившее название «Галле».

Надо надеяться, что авторы этого изобретения — сотрудники Ленинградского завода художественного стекла инженер-исследователь Е. А. Иванова и главный инженер А. А. Кирьенен — не остановятся на достигнутом. Красивое и дешевое стекло должно стать доступным широким слоям населения.

На вкладке: член-корреспондент Академии наук СССР Н. Н. Качалов и инженер завода художественного стекла Е. А. Иванова.

Фото Б. Уткина.

15 августа — день освобождения Кореи Советской Армией

ВРЕМЯ, ВПЕРЕД!

Моника ВАРНЕНСКА,
польская писательница

Вторичная поездка в далекие страны — это как бы повторение урока. Будто перелистываешь когда-то прочитанную книгу, в которой видишь новые, не замеченные ранее достоинства. Такое именно обаяние имела для меня поездка в Корею спустя четыре года после того, как я впервые узнала эту страну.

Моим неразлучным спутником в этой второй поездке стала толстая тетрадь в потрепанной голубой обложке, на которой видна сильно стертая надпись по-корейски и цифра «1954». Я нахожу там записанные по горячему следу впечатления и наново совершаю путешествия по городам, которые оставили в памяти только зрелище руин и пепелищ.

Большая химия Кореи

Я опять еду из Хамхына на ближайший химический завод в Понгу. День такой же, как и тогда, пасмурный, и ветер с моря гонит плотные сизые тучи. Еще не выехав на «газике» из города, мы видим на окраинах новые корпуса — это жилой район, строящийся под наблюдением архитекторов из ГДР.

Заглядываю в старые записи:

«...и завод перенесли под землю... Под бомбами, на шаг от смерти, рабочие спасали ценнейшее оборудование, маскировали трансформаторы, вывозили станки и машины. Часть их была перенесена в пещеры, за два километра от предприятия, остальное эвакуировано подальше на север... Жерло подземного входа. Над ним тяжело висят гранитные глыбы, громкое эхо, повторяющее звук шагов, глухо гудит под скалистым сводом. Резкий свет электрических лампочек выхватывает из мрака ого给ленные шершавые камни и металлический блеск машин...»

Я записала тогда фамилию сопровождавшего меня товарища, хорошо владевшего русским языком. Это был инженер Тен Дон Хен. А вот его слова:

«5 марта 1954 года мы пустили в ход первый наш цех, цех карбида. Первый раз с начала войны над нашим заводом появился дым. Это означало, что предприятие живет, работает...»

— Продолжает ли тут работать товарищ Тен Дон Хен? — спросила я, едва мы приехали в Понгу.

— А как же!

Он тут же появляется и снова готов, как и четыре года назад, вести приезжего, которого интересуют перемены после войны.

Тен Дон Хен показывает: вот цех синтеза аммиака, цех электролиза воды, цех карбида... В 1954 году с большим трудом пустили четыре «башни», в которых добывался хлор, а теперь их восемь... Из уст моего спутника сыплются технические термины и названия сложнейших химических реакций. Я вспоминаю, что в годы японской оккупации в стране не было ни одного инженера-корейца. Я думаю также о том, что химия — это искусственные удобрения, до зарезу необходимые сельскому хозяйству Кореи, это жиры для промышленности, это мыло и химикалии широкого потребления и, наконец, синтетическое волокно, полимеры самых разнообразных видов. Тен Дон Хен выражает надежду, что и тут, в Корее, это дело скоро перейдет из сферы мечтаний в действительность...

Самое главное, есть люди! Для восстановления и пуска комбината в Понгу много сделали советские специалисты. В последнее время некоторым цехам помогли практически венгерские химики. Теперь из университетов и вузов стран лагеря социализма возвращаются первые группы корейских студентов, успешно окончивших курс обучения. Возвращаются, чтобы отдать полученные знания и опыт восстановлению своей многострадальной Родины.

Коллектив комбината вырос вдвое. Четвертую часть рабочих составляют женщины. Я осмотрела заводские ясли и клуб. Дети! Они растут уже в мирной жизни — здоровые, шумные, непоседливые, как и все дети в мире. Растут и деревья, посаженные вдоль дороги, пересекающей территорию предприятия, они, пока еще маленькие и юные, великая гордость рабочих и предмет повседневной любовной заботы.

Я спрашиваю инженера Тен Дон Хена:

— Расскажите что-нибудь о себе, товарищ! Что изменилось в вашей личной жизни? Я помню, что вы, как химик-органик, рвались к работе в этой наиболее любимой вами области...

Тен Дон Хен, выпускник Уральского университета, улыбается и степенно отвечает:

— Это стремление скоро осуществится. Но пока неорганическая химия еще владеет мною. Комбинат требует своего, и я подчиняюсь его велениям с охотой... Что касается моей личной жизни, то в ней изменилось к лучшему очень многое. Я женился, у меня теперь две дочки. Жена работает здесь же, в заводских яслях. Мы недавно получили вон там, — показывает он рукой, — в поселке, недалеко от завода, квартиру из двух комнат с кухней...

...Еще одно огромное химическое предприятие: комбинат в Хыннаме.

Опять перелистываю старую тетрадь:

«...Раздавленные чудовищной силой взрывов резервуары и цистерны... Искореженные груды металла — некогда части машин и аппаратов. Кладбище уродливо изогнутых, словно застывших в предсмертных конвульсиях балок, перекрученные листы кровельного железа... Кошмарный, мрачный пейзаж...»

Я ищу и не могу найти следов этого пейзажа. Я вижу совершенно новый промышленный город, завод на ходу. Он продолжает строиться: широкие котлованы, фундаменты новых цехов, готовые и недостроенные сооружения. Вверху все затянуто густой паутиной линий высокого напряжения. Еще до конца 1958 года это предприятие вновь будет иметь сорок наиболее важных для производства крупных агрегатов, из которых всего четыре остались целыми после войны. Всюду кипит напряженная работа. Если бы я не видела кладбища, каким был Хыннам осенью 1954 года, я ни за что не поверила бы своим глазам.

Но вот живой человек, он связывает для меня прошлое с настоящим. Директором комбината, как и прежде, является товарищ Чен Куан Ин. Да, это он, такой же рослый и крепкий, весь вид его, подтянутый, энергичный, выдает военного.

Во время войны он командовал дивизией, участвовал во многих сражениях, в том числе в славной битве на реке Нактонган. А вскоре после перемирия начал не менее трудную битву за Хыннам, за его восстановление!

После короткого сердечного приветствия и столь же короткого обмена воспоминаниями мы переходим к делам нынешнего дня.

— После перемирия, когда Хыннамский комбинат начал возвращаться к жизни, на нем работало всего несколько человек из чис-

Корейские катеры могут снова спокойно выходить в море на лов рыбы.

ла корейской технической интеллигенции. Теперь у нас 500 своих инженеров и техников. Да, конечно, образование они получили в СССР и странах народной демократии либо в нашем институте... На комбинате есть и свой техникум.

— Вы сказали тогда,— продолжаю я, заглядывая в голубую тетрадь,— что в ближайшие годы коллектив получит 4 тысячи новых комнат.

Директор смеется:

— Запомнили эту цифру? Да, мы подтягиваемся к ней, хотя и с немалым трудом! Кроме старых, кадровых рабочих, которые работают в Хыннаме по двадцать — тридцать лет, многие выросли здесь,— мы используем демобилизованных солдат, просто молодых людей, и молодежь составляет около 70 процентов коллектива. Появляются новые семьи, сами знаете. С жильем все еще нелегко. Легче было создать ночной санаторий, который уже функционирует, восстановить и расширить заводской клуб, озеленить территорию, чем полностью решить жилищную проблему.

— Трудности роста...— подтверждаю я, закрывая свою тетрадь. — Но это рост своего, народного хозяйства Кореи...

Я просеиваю сквозь пальцы белый мягкий порошок — результат многих сложных химических процессов — и думаю о рисовых полях Кореи. Корейские крестьяне хорошо знают: чем больше выпустит искусственных удобрений Хыннамский комбинат, тем больше соберут они зерна со своих полей. Недавно в Хыннам приехала крестьянская делегация, которая привезла рабочим комбината в подарок и в знак благодарности 300 тонн фруктов...

Покоренная река

Река Ялу, или Амноккан, хорошо известна каждому, кто в свое время внимательно читал сообщения с фронтов войны в Корее. О ней писали стихи и пели песни. Здесь через мост, поврежденный ударами авиационных бомб, проезжали в Синыйчжу, первый город на корейской стороне, врачи из стран народной демократии, неся героически сражавшейся Корее дружбу и помощь. Тут с песней о реке Ялу шли отряды китайских добровольцев на поддержку братского корейского народа. Через эту реку они ушли сегодня домой, провожаемые благодарностью и лучшими пожеланиями корейцев.

Чем ближе к Супхуну, тем больше изменяется пейзаж, тем больше множатся признаки, свидетельствующие о замысле человека: обуздать, принудить к послушанию непокорную стихию. Река, бегущая с гор, пересекающих корейский полуостров могучими хребтами, несет огромные запасы энергии. Это корейский «белый уголь».

По крутому склону мы поднимаемся выше, чтобы увидеть колоссальное водохранилище.

Японцы спешили со строительством этой электростанции: энергия нужна была для их военной промышленности. Первые агрегаты были пущены в 1941 году, но работы выполнялись подрядчиками плохо. Несколькими годами позже — уже после освобождения Кореи — бетонная стена не сдержала напора разбушевавшейся реки во время наводнения весной 1947 года. Авария повторилась и годом позже.

Уже тогда советские товарищи поспешили на помощь рабочему коллективу Супхуна. Слова «сорен тонму» («советский товарищ») стали символом великой дружбы. Вскоре наступили дни и годы, которые наполнили еще более глубоким смыслом эти простые слова: это были годы военных испытаний.

Рассказ о военных днях Супхунской электростанции мог бы стать темой для отдельной книги. Страшный пожар, вызванный первым налетом американской авиации... Двое суток рабочие в мокрой от воды одежде шли приступом на огонь: падали в беспамятстве, задыхались, но гасили пламя. И снова десятки массированных налетов американских воздушных пиратов, ад и ужас, и люди, не покидающие своих постов... Бомбы замедленного действия, обезвреживаемые рабочими и специалистами, на каждом шагу рискующими жизнью.

Электростанция в Супхуне стояла насмерть, она продолжала быть одним из главных источников электроэнергии для сражающейся Кореи. И она же первой возвратилась к мирному труду.

Супхунская гидростанция — на границе с Китайской Народной Республикой. Первая помощь пришла от ближайших соседей — китайских друзей. Коллектив Супхуна принял на свои плечи такие обязательства, которые во много раз превышают все понятия о «нормальной» работе. Электростанция в Супхуне расширяется, она будет крупнейшей в Азии и одной из самых крупных в мире.

В Супхуне говорят довольно часто о Куйбышевской ГЭС. Великая электростанция на Волге стала не только символическим примером для здешнего коллектива. Сюда прибывают строители Куйбышевской ГЭС, чтобы поддержать корейских товарищей богатым запасом опыта и знаний, добытых на одной из великих строек коммунизма.

Мы стоим на верхнем бьефе плотины, равном по высоте многоэтажному дому. Ниже, на берегу Ялу-Амноккана, маячат большие растянувшиеся постройки, светящиеся белоснежной свежей побелкой. Напрягая слух, я довольно ясно ловлю долетающее оттуда мерное пульсирование машин. Они работают без передышки, претворяя в электрическую энергию могучую силу, которую несет в себе из глубины корейских гор широкая и теперь уже укрощенная река.

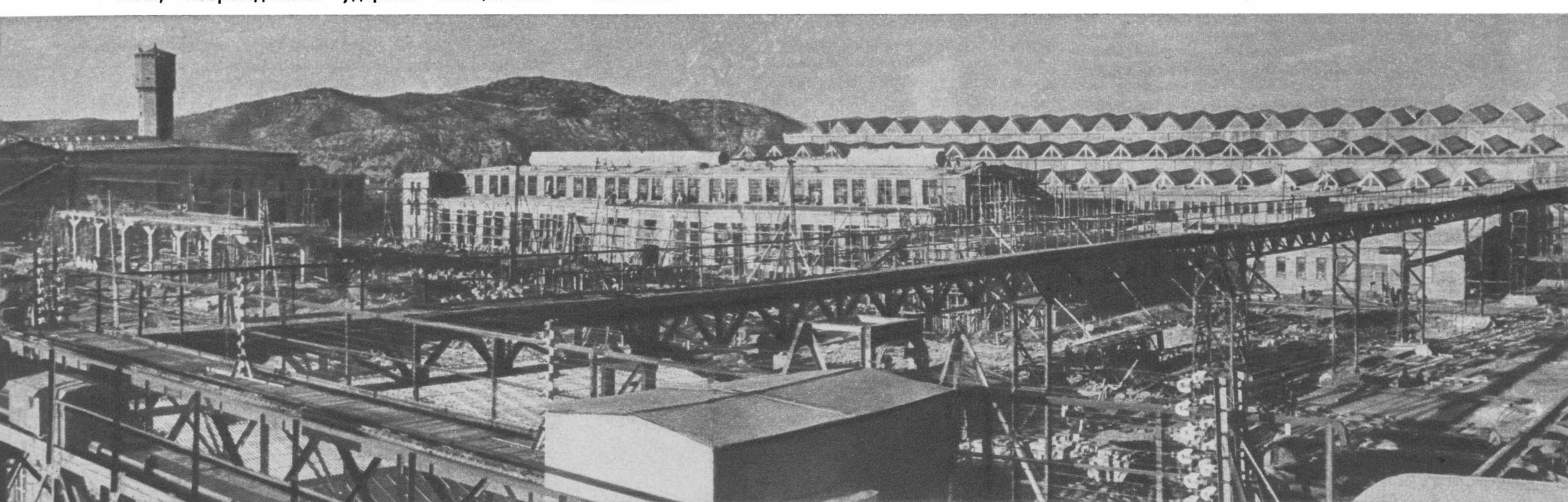
И снова так же, как и в Понгу и Хыннаме, приходит на память книга В. Катаева периода первых советских пятилеток «Время, вперед!». Теперь и на многострадальной земле Кореи звучат эти слова, наполняя гордостью сердца всех друзей корейского народа:

Время, вперед!

Перевод с польского.

Пхеньян — Хамхын — Хыннам — Супхун.

Завод по ремонту железнодорожного подвижного состава, восстанавливаемый польскими специалистами.

СТРАНА ДОБРЫХ ДРУЗЕЙ

Николай КРУЖКОВ **Фото Б. КУЗЬМИНА.**

Специальные корреспонденты «Огонька»

Немного истории

Болгария! У кого из русских людей не возникает в душе теплое, сердечное чувство при мысли о том, что где-то за голубым Дунаем, в долинах балканских и родопских, живет народ, нам до чрезвычайности близкий, народ-брат?! Далекие пространства разделили нас. Разные исторические судьбы были нашим уделом. Но всегда мы, и деды наши, и прадеды знали: у болгарского народа, живущего под сенью Балканских гор, бьется такое же, как наше, славянское сердце.

Как раз к тому времени, когда складывалось могучее Московское государство, сокрушившее ненавистное татарское иго, Болгария пала под ударами турок. Раздавленный и обескровленный болгарский народ, испытывавший под жестокой властью османов все виды бедствий и насилия, где-то в глубине своей души хранил надежду, что придет время, и могучий «дядо Иван», северный славянин, сильный брат, придет на помощь болгарам, вызволит их из неволи. По мере того как росло Русское государство, расширялись его пределы, множилась его мощь, крепла и эта надежда. Могущественная Оттоманская империя, раскинувшаяся на трех континентах, почувствовала на себе силу Русского государства. Постепенно, медленно, но верно, оттеснялись оттоманы на юг с захваченных их нашествием территорий. Победы Петра I, Румянцева, Суворова, Кутузова громом раздавались на Балканах, укрепляли надежды, напоминая порабощенным славянским народам, что час освобождения грядет. По балканским землям вихрем проносились восстания против султанской власти, лилась славянская кровь, и в совместной борьбе ковалось славянское единство. «Дядо Иван» ломал хребет надменным оттоманам, считавшим балканские народы своей райей — стадом, — над которой каждый турецкий бей или ага был властен так же, как над скотом.

Почти пятьсот лет длилось турецкое владычество в Болгарии, едва восемьдесят лет прошло с тех пор, как оно пало.

Потоками пролитой болгарской крови отмечен последний этап турецкого владычества. Под ногами оттоманов горела земля. Призыв Георгия Раковского: «Наша свобода зависит от нас» — нашел горячий отклик в сердце болгар. Погибли все до одного человека героические четники Хаджи Димитра, но на смену им поднимались другие. Боевой революционер-демократ Василь Левский, выдвинувший лозунг «Свобода и подлинная республика», был повешен турками в Софии, но дело его продолжало расширяться. Учитель Христо Ботев, пламенный поклонник идей Герцена, Добролюбова, Чернышевского, отец болгарской свободы, был убит в неравном бою, но зерна были надежно посеяны, и борьба продолжалась. Повстанцы Перуштицы — ремесленник Кочо Чистеменский, торговец Спас Гинов — застрелили своих жен, детей и еще семнадцать женщин, моливших о смерти, и покончили с собой, но кровь мучеников Перуштицы не пролилась даром. В родопском селе Батак башибузуки вырезали пять тысяч человек, не щадя ни пола, ни возраста, но это побоище только подлило масла в огонь. Вся передовая Европа была потрясена зверствами турок; только лорд Биконсфильд, глава английского правительства, хранил благостное молчание, утверждая, будто королевскому правительству об этом ничего официально не известно.

В 1876 году Иван Вазов, тогда еще 26-летний молодой поэт, писал:

По всей Болгарии сейчас
Одно лишь слово есть у нас,
И стон один и клич: Россия!
. . . .
И мы тебя зовем святой,
И, как сыны, тебя мы любим,
И ждем тебя мы, как Мессию —
Ждем, потому что ты Россия!

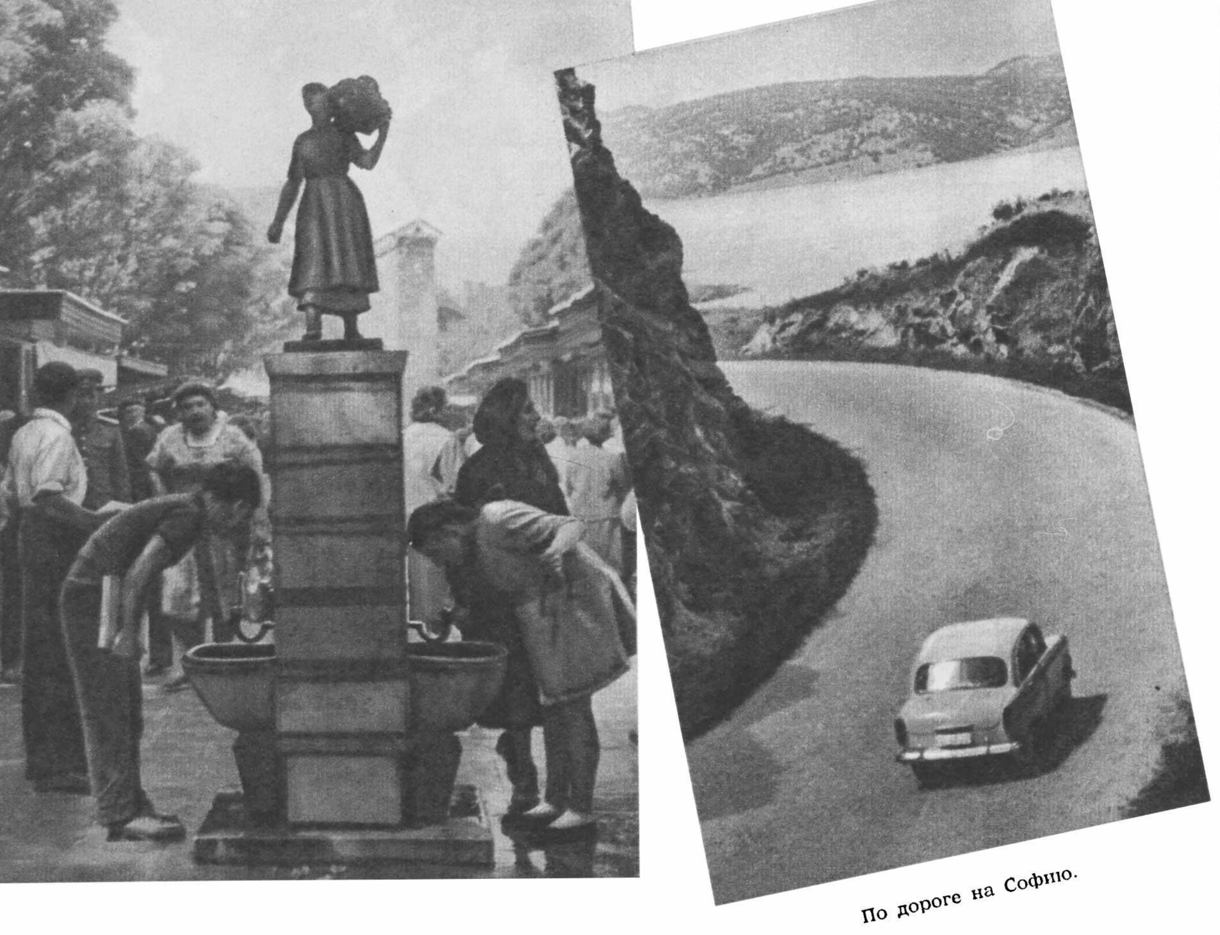
15 июня 1877 года русские войска перешли Дунай и вступили в пределы Оттоманской империи; «дядо Иван» пришел в Болгарию, старший брат протянул руку помощи брату, томившемуся в кровавой и тяжелой неволе. Над Болгарией занялась заря национальной независимости. Гром русских пушек обозначил собой конец турецкого владычества в Болгарии. В героических боях под Плевной и Шипкой, под Стара-Загорой и Шейново, под Софией и Пловдивом выковалось боевое незабываемое братство русских солдат и болгарских ополченцев. Священным остался для болгарского народа подвиг русской армии.

И ничто, никакие последующие события истории не могли погасить в болгарском народе чувство глубочайшей признательности к русскому народу, особенно среди простых, трудовых людей. Происки болгарских богатеев-чорбаджиев, турецких прислужников, встречались народом с отвращением. Первый князь болгарский, Александр Баттенбергский, племянник супруги Александра II, был откровенный австро-германский агент; вся его политика была направлена на отрыв Болгарии от России. Политика эта не поколебала народные чувства.

Фердинанд Кобургский, авантюрист и прохо- →

Памятник Советской Армии-освободительнице в Софии.

По дороге на Софию.

Рынок у Римской стены.

На Витошу!

димец, ввергший Болгарию в пропасть тягчайших бедствий, продал ее вильгельмовской Германии на корню, но народ продолжал любить Россию и верить в нее. Под животворным влиянием русского революционного движения в Болгарии создалась крепкая, боевая, рабочая социал-демократическая партия, ставшая впоследствии партией коммунистов. Рабочий класс, выдвинув из своей среды таких неукротимых борцов, как Благоев, Димитров, Коларов, сплачивал народ, вел его за собой. Мужественный и героический путь прошла Болгарская коммунистическая партия. Кровью ее лучших сынов обагрена болгарская земля, но кровь эта сплотила в еще большей мере болгарский и русский народы и сделала дружбу двух братьев навеки нерушимой.

Сын Фердинанда и его преемник царь Борис превратил страну в гитлеровский плацдарм, привязал ее к фашистской военной колеснице, отдал оккупантам богатства Болгарии на поток и разграбление, но это дало противоположный результат: в маленькой Болгарии, как нигде, кипели братские чувства к героическому советскому народу, сражавшемуся против гитлеризма, гремели выстрелы партизан, летели под откос военные поезда...

Все это надо припомнить, чтобы понять, почему, попав в Болгарию, русский, советский человек никак не чувствует себя за границей. Все здесь для него родное, свое! Чувства болгар наглядно постигаешь в дружеских рукопожатиях, в блеске глаз, в радостных улыбках, в приветливых речах, во внимании ко всему советскому, русскому: к русской литературе, к музыке, к русским песням, к русскому слову, к русской истории. Так же, как нам дорого все болгарское, болгарам дорого все русское. Два брата встретились наконец-то на одном жизненном пути. И они обнялись и пошли вместе.

Красавица София

Болгария! Хороши твои просторы, твои долины с тщательно обработанными полями, полными плодов земных; твои горы со снеговыми вершинами, синеющие вдали; твои селения в красных черепичных крышах с аккуратными кирпичными домиками в два этажа, окруженными веселыми садами, с обязательной чешмой — источником, дающим свежую, чистую горную воду; твои маленькие, но уютные города с тенистыми улицами, тихими днем и шумными по вечерам, когда все выходят погулять, отдохнуть, посидеть в кафе, в «сладкарнице», в «пивнице»... Лежит на стране отпечаток довольства, доброй трудовой жизни, добропорядочности, честности, и это ощущается сразу, как только попадаешь в ее пределы.

Мы приехали в Софию рано утром — еще не было шести часов. Яркое, горячее балканское солнце взошло над городом, и он уже шумел, наливаясь красками жизни. Здесь просыпаются рано, учреждения и предприятия начинают работать в разные часы, чтобы не создавалась транспортная толчея. Чистый, красивый город раскрылся перед нами. Улицы его то были широки, то вдруг суживались до такой степени, что казалось, раскинь руки — и коснешься обоих противоположных домов. Великолепные старинные парки, полные лип и дубов, окрашенные буйными газонами, широко раскинули свои пространства. Около семисот тысяч жителей насчитывает София — главный и самый большой город болгарского народного государства, а так как софийцы — истые южане, то улицы полны народу, особенно по вечерам. Гора Витоша возвышается над Софией, подобно облаку, которое, кажется, вот-вот прольется зеленым дождем своих кущ. Но оттуда веют ласковые ветерки, дышащие прохладой, и сразу начинаешь любить эту славную гору, оберегающую софийцев от летней утомительной жары. Приехавшему в Софию, может быть, лучше всего начать знакомство с городом, взобравшись на склоны Витоши. Оттуда столица Болгарии видна, как на ладони, со всеми своими примечательными зданиями, театрами, памятниками, бульварами, с сонмом красных черепичных крыш.

София стоит в кольце гор, словно положенная на блюдо. В годы войны город пострадал очень сильно, однако сейчас следов разрушений нигде не найти: все раны залечены.

Поднялись целые кварталы новых домов, построенных при народной, социалистической власти, и строительство это продолжается бурными темпами. В какой район ни забредешь, везде видишь подъемные краны, из десяти домов города один новый.

Дымят трубы заводов Софии, новых, построенных при народной власти; бегут от вокзала поезда, связывающие столицу со всеми концами страны; автобусы, трамваи, легковые и грузовые машины наполняют улицы.

Болгары любят свою страну, и в названиях улиц столицы, как в зеркале, отражена эта любовь.

Прогуливаясь по столице, можно проследить все этапы болгарской истории. Улица древнего царя Симеона пересекает бульвар Христо Ботева, неподалеку легла улица хана Аспаруха, бульваром Георгия Киркова можно выйти на улицу Кирилла и Мефодия. Незабытыми оказались и царь Шишман, и царь Асен II, и отец Паисий, болгарский просветитель. Самый красивый бульвар города называется Русским, он переходит непосредственно в бульвар В. И. Ленина.

Тесную связь болгарского и русского народов можно легко проследить в названиях столичных улиц: бульвар Дондукова находит свое продолжение в бульваре генерал-полковника Бирюзова; бульвар маршала Толбухина упирается в бульвар Сталинграда. Мы найдем в Софии и улицу Шипки, и улицу Шейново, и улицы русских писателей Достоевского, Аксакова, Гоголя, равно как и болгарских писателей Ивана Вазова, Елина Пелина, Николы Вапцарова.

Все это очень трогательно, все это ярко характеризует отношение болгар к русскому народу, дважды освободителю: от турок и от немецко-фашистского гнета. Никакие ухищрения Кобургов и их челяди не могли разрушить святой мост дружбы между нашими народами. А след Кобургов простыл вовсе. Никто не вспоминает о них иначе, как с отвращением и ненавистью.

Думалось мне, что увижу я в Болгарии людей, обликом своим непохожих на наших. Нет, неправда! Всматриваюсь в жизнерадостные, веселые толпы, заполняющие Софию, и всюду вижу те же славянские черты, как и в Москве или где-нибудь в Ростове. Одеваются софийцы просто, без особых претензий на моду, любят ходить без шляп и без галстуков, утомительных в жаркую погоду. Среди жителей смуглые лица попадаются вряд ли в большем проценте, чем у нас в Одессе или Ростове.

Болгарский народ на редкость деликатен. Болгарское «мо́ля», обозначающее и обращение и вопрос, без которого не строится ни одна фраза, звучит нежно и приветливо. Многие болгары понимают русский язык, и, если вы спросите, как пройти или проехать куда-либо, вам непременно все подробно растолкуют, а то и проводят. Я бродил по Софии и днем и ночью и ни разу не увидел ни одного пьяного, хотя болгары любят посидеть, именно посидеть, за рюмкой сливо́вой или за стаканом доброй «тракии». По вечерам многочисленные кафе, рестораны, «сладкарницы» полны народу, столики без всякой условной стеснительности расставлены прямо на тротуарах; в кафе или в ресторан прихо-

дят целыми семьями с чадами и домочадцами. Идет оживленный разговор, молодежь танцует, детишки бегают меж столиками, и все это, вместе взятое, носит какой-то милый семейный характер.

В воскресенье, а то и в субботу к вечеру София принимает другие черты. Появляются люди, среди них пожилые и старые, в коротеньких штанишках, с рюкзаками за плечами, и все они, поодиночке или группами, отправляются на Витошу. Туризм чрезвычайно распространен в Болгарии; рюкзак здесь — самый ходовой товар. Провести выходной день в городе без вылазки в горы считается чем-то предосудительным. Кто посильнее, тот забирается высоко, к самому снегу, который даже в жаркие месяцы лежит на вершине. Кто послабее, ограничивается ближайшими склонами. Этих последних несколько презирают, именуют «кашкавал-туристами». «Кашкавал» — болгарский сыр, постоянный участник всех ресторанных и домашних меню. Турист, уставший после первого подъема, располагается под сенью старого дуба или липы и закусывает «кашкавалом», дальше ему идти не хочется. Вот отсюда и название «кашкавал-турист».

Впрочем, к услугам тех, кто устал, канатная дорога, она вас быстро вознесет к далеким горам, покрытым густым ельником. Надо вам сказать, что висеть в воздухе, сидя в небольшом креслице, не так уж приятно для непривычного человека. Слезть вы сможете только тогда, когда ваша утлая люлька доставит вас к месту назначения. Добрых полчаса вы болтаете ногами в воздухе, разглядывая великолепные виды. Ветерок раскачивает ваше кресло и вас вместе с ним; под ногами по крайней мере десять метров пустоты; поскрипывают блоки, и сила электротока тянет и тянет вас все выше и дальше.

Болгары очень любят свою горную канатную дорогу. По воскресеньям она перевозит до пятнадцати тысяч человек. Усядется какой-нибудь толстяк с супругой, да еще и внука захватит и чувствует себя над своей Витошей, как дома. Молодежь, та еще при этом распевает песни. Я, прямо надо сказать, песен не пел...

Витоша, где когда-то в лесных зарослях бродили дикие козы, теперь объявлена народным парком. Там действительно и сейчас уже можно хорошо отдохнуть, пообедать. Даже если вы доберетесь до Алеко — очень высокой точки,— и здесь вас в туристской базе «Витошский тюльпан» ждет добрый завтрак, простой и вкусный, с непременным участием «кашкавала» и липового чая. Софийские архитекторы планируют создать на Витоше целый комплекс баз, домов отдыха, гостиниц, ресторанов. Часть из них уже создана. Весьма поэтично архитектор Станев описывает в болгарском журнале «Наша родина» красоту Витоши: «Она доступна, привлекает своей тучной зеленью, прозрачной холодной водой, своей чудесной красотой... Только тот, кто летним знойным днем не проходил по берегу Владайской реки, направляясь к «Золотым Мостам», и не освежался в ее прохладной пенистой воде, не знает удовольствия, которое получают тысячи любителей гор».

Побываешь на Витоше, посмотришь чудесную панораму Софии, серебряные Рильские горы, цветущие долины внизу, увидишь плывущие над головой золотые, пронизанные солнцем облака, полюбуешься цепью синих Балкан и невольно вспомнишь слова популярной болгарской песни:

Мило родино,
Ти си земен рай...

Мелодия этой песни использована софийской радиостанцией «Христо Ботев» для своих позывных, расходящихся по всей стране.

В воскресенье София отдыхает солидно и основательно: улицы пусты, все магазины закрыты, только кое-где работает дежурный продовольственный магазин или палатка. Жизнь начинается с понедельника.

Во время войны Болгария пережила немало трудностей. Гитлеровские друзья царя Бориса, расположившиеся в стране, как у себя дома, выкачивали из нее все. Богатейшая болгарская земля оскудевала. Гитлеровская саранча пожирала подчистую хлеб, мясо, молочные продукты. Крестьянин переходил на кукурузу, горожане голодали. В розовой долине, где процветала культура знаменитой казанлыкской розы, немецкие заправилы вместо роз приказывали сажать картофель для фашистской солдатни.

Новый Центральный универмаг.

Потом, трудом, усилиями всего народа Болгария залечивала раны. В 1951 году была отменена карточная система. Сельское хозяйство страны росло и крепло, твердо вступив на путь кооперации. Нынешняя Болгария — страна, не знающая нужды. Это ощущается в любом магазине, на любом прилавке. И не только в столице, но и в каждом маленьком городишке.

А софийские рынки! Огурцы величиной с добрую бутыль, помидоры, лежащие горой, сверкающие солнцем; какой-то необыкновенной густоты салат; клубника, черешня и абрикосы, соперничающие друг с другом красотой и вкусом, и, конечно, прославленный болгарский перец. Впрочем, для русского человека сей овощ весьма злокознен: горе вам, если вы, вкушая какой-нибудь с виду весьма заманчивый «шопский салат», не остережетесь неприметного с виду кружочка зеленого перца — ад возникнет у вас во рту, кромешный ад!

Мы были в ЦУМе — центральном магазине столицы. Он истинно порадовал нас своим распорядком, отсутствием толчеи, обилием всевозможных товаров, вежливым обращением продавцов. И, если верно утверждение, что торговля — лицо экономики, то надо сказать: состояние болгарской экономики, судя по болгарским магазинам всех видов, не внушает никаких опасений. Трудности, пережитые страной, остались позади.

Хороша болгарская столица вечером, когда особенно многолюдны ее улицы, когда бесчисленные бульвары манят сенью своих могучих деревьев, когда сладко пахнут газоны цветов, раскиданных всюду, где только нашлось для них место.

У подъездов одиннадцати софийских театров всегда народ. И так же, как в Москве, молодежь спрашивает: «Нет ли лишнего билета?» Здесь, в Софии, любят театр. Да это и понятно: в оперном театре мы слушали «Отелло» Верди; это был во всех отношениях великолепный спектакль, свидетельствующий о большой культуре софийского театра. Темпераментно и тонко дирижировал Найденов — публика горячо приветствовала его. Узунов в роли Отелло захватил всех зрителей мастерством актерского исполнения и красотой своего голоса. Георгиева, игравшая Дездемону, создала образ нежный и обаятельный. Петров в роли злодея Яго был живописен. Слушали мы этот спектакль и искренне сожалели, что в нашем Большом театре не идет «Отелло» — одна из лучших опер Верди, — и искренне радовались, что довелось ее посмотреть в Софии.

Мы были в музыкальном театре имени Стефана Македонского и смотрели там комическую оперу Адольфа Адана «Если бы я был королем» в постановке Христо Попова. И здесь мы увидели спектакль высокой культуры, оставивший большое впечатление.

Болгарская столица не такой уж большой город, но все в Софии как-то светло, радушно, чисто, жизнерадостно. Софийский университет. Здесь сейчас учатся рабочие, дети трудовой интеллигенции, крестьяне — те, кому раньше вход сюда был закрыт. Образцово работает большая Государственная библиотека имени Коларова. В ней более пятисот тысяч томов; ежедневно в ее читальных залах занимается 1 000—1 200 человек. В бывшем царском дворце сейчас разместилась национальная художественная галерея, показывающая картины и скульптуру болгарских художников. Искусство их зрело, полно своеобразия, насыщено большой силой. Народные промыслы представлены в особом кустарном музее. Чудесные вышивки, превосходные ковры, полные солнца и красок, богатая керамика, разукрашенная национальными цветами, наглядно свидетельствуют о художественном даровании болгарского народа. Были мы и в одном совершенно своеобразном учреждении — музее болгаро-русской боевой дружбы. Сердце русского человека не может не быть взволновано тем тщанием, с каким здесь собраны экспонаты и документы, показывающие путь общей борьбы болгар и русских со святославовых времен до наших дней.

Шум болгарской столицы затихает так же внезапно, как внезапно здесь наступает ночь. Только что зашло солнце, и сразу нахмурилась Витоша, все вокруг потемнело, и на небе загорелись яркие звезды. София ложится спать рано и рано встает — в одиннадцать часов вечера на улицах попадаются только люди, возвращающиеся из театров. И сразу же из всех домов выходят дворники и начинают мыть, именно мыть, а не только поливать улицы. Воздух становится приятно влажным, чистым.

Горят фонари дневного света; отблески их мерцают на мокрой мостовой. Тише и тише становится вокруг, зазвенит запоздалый пустоватый троллейбус, пройдет в обнимку молодая пара, пробежит какой-нибудь деловой человек с портфелем, торопящийся домой с вечернего заседания, ветер неожиданно сорвется с гор, заставив шуметь деревья бульваров...

Мавзолей Димитрова — святыня болгарской столицы — горит изнутри зеленым светом; ме-

няется недреманный караул у его дверей; гулко в ночной тишине разносятся шаги солдат.

Засыпает София...

Долина Роз и Шипка

Через горные перевалы змеей вьется дорога. Черная ночь вокруг, только кое-где, то внизу, то вверху, загораются огни встречных селений и городов, загораются и гаснут вновь, и кажется, что плывешь в каком-то мареве и нет дороге конца и края. Изредка выбежит заяц, оцепенеет на мгновение, а потом, попав в полосу слепящего света, мчится и мчится, пока наконец черт его догадает свернуть в сторону. Лиса попалась на дороге, глаза ее блеснули изумрудом, она внимательно огляделась вокруг и спокойно ушла в кусты. Здесь заповедник, охота запрещена, и лесной четвероногий народ чувствует себя независимо и вольготно.

Путь наш лежит в розовую долину. Кто же из путешествующих по Болгарии минует эту благодатную сторону, где выращивается казанлыкская роза?!

Утро медленно и нехотя шло на смену ночи. Моросил дождик — явление в здешних местах редкое и весьма отрадное. По склонам окружавших долину гор ползли седые туманы. Церковь выплыла из утренней мглы, неподалеку от нее возникла мечеть, стройный минарет набожно поднялся к небу. Село Розино только что просыпалось. С полей тянуло нежным и грустным запахом роз, от которого возникало какое-то элегическое настроение. Старики плелись в мечеть. Муэдзин не звал их. Видимо, эта должность стала анахронизмом. Ишаки во всех дворах кричали благим матом, приветствуя начинающийся день. На стене одного из домов нам бросился в глаза лозунг: «Роза — наша честь и слава».

В селе живут и болгары и турки. Все работают дружно, всех кормит славная казанлыкская роза.

Розу собирают рано утром, когда еще роса блестит на лепестках. Казанлыкская роза невелика и кажется крошкой по сравнению с садовыми сортами, но ее масляпистость дает возможность вырабатывать драгоценное розовое масло, оцениваемое на вес золота. Дружной гурьбой работают сборщики на плантациях, обрывая лепесток за лепестком и наполняя ими корзины. Никакой механизации тут не придумаешь. Нежный цветок требует ласкового и нежного прикосновения.

Потом собранные лепестки сдаются на завод, производящий масло. Мы были на таком заводе, где в десятках котлов, переходя из одного в другой, варятся лепестки роз, пока наконец не рождается первая драгоценная капля. Каплю эту называют «майкой» — матерью. За ней следуют другие, и постепенно накапливается маслянистая влага, распространяющая вокруг себя густой аромат необычайной силы.

Под навесом во дворе завода мы увидели гору жестяных ящиков и по невежеству своему сделали предположение, что в них готовая продукция завода.

В ответ раздался веселый смех. Все масло, вырабатываемое заводом, можно, вероятно, разместить в одной корзине. Из четырех тонн лепестков получается всего только килограмм масла. Зато стоит этот килограмм примерно 60—80 тысяч левов.

Когда кончается «розовый сезон», завод начинает перерабатывать лаванду и мяту.

После посещения завода мы несколько дней благоухали розами. Отделаться от этого запаха было совершенно невозможно. Он преследовал нас всюду.

Розосбор проходил во всех селениях розовой долины. Куда ни поедешь, всюду видишь группы людей на плантациях с корзинками в руках. Возле небольшого селения Клисура нас встретила веселая группа молодых женщин и девушек, торопившихся к розам.

— Какое село? — спросили мы.

— Град! — был ответ.

— Как ваше село называется?

— Град! — хором закричали они.

Так мы впервые столкнулись с патриотической гордостью клисурцев: они терпеть не могут, когда их Клисуру именуют селом. Для этой гордости у клисурцев имеются законные основания. В апреле 1876 года вместе с жителями окрестных селений клисурцы восстали против турок. Крестьяне вооружились всем, что подвернулось под руку: охотничьими ружьями, косами, топорами, дубьем. Они пустили в ход «пушки», сделанные из ствола черешневого дерева, скованного железными обручами. Вместо ядер использовались гири, взятые у местных торговцев. Такая «пушка» стреляла только один раз: при выстреле она обычно разлеталась вдребезги. Среди восставших клисурцев прославился своей храбростью крестьянин по прозванию Боремечка — гигант, отличавшийся громадной силой. Он легко мог побороть медведя. Отсюда и его прозвище Боремечка — победитель медведя.

В маленьком клисурском музее, поместившемся в местном «читалище», где с большой любовью собраны документы времен апрельского восстания, мы увидели восковую фигуру Боремечки во весь рост. Можно легко представить, что встреча с ним не сулила турецким башибузукам ничего приятного.

Клисурское восстание было жестоко подавлено турками, селение разрушено, а жители почти поголовно вырезаны. В музее бережно сохраняются кости погибших повстанцев с надписью: «Те умреха за Болгария». А рядом с саркофагом стоит черешневая пушка живым напоминанием народного гнева.

Ну, конечно же, Клисура — град, славный болгарский град! Хоть и невелик этот город, но память о клисурских героях живет вечно в сердцах народа. До сих пор еще поют болгары песню, прославляющую клисурцев:

Какое чудо, чудо произошло
В этой деревне, деревне Клисуре.
Молодцы клисурцы московцами стали,
А панагюрцы — донскими казаками.

...Благословенной красотой раскрывается перед нами болгарская земля, с двух сторон возникают горные цепи, а посреди лежит долина, полная неизбывной силы. Все кругом тщательно обработано: виноградники чередуются с участками, засеянными клубникой; томаты, подвязанные к палкам, усеяны созревшими и созревающими помидорами; только что посаженный табак зеленеет нежным своим листом, а ранние зерновые уже поспели и колышутся золотом. Вся земля вокруг принадлежит кооперативам, клочковатых участков не видно: болгарское крестьянство решительно стало на путь кооперации.

Трудно разобраться, что перед тобой: город или село. Двухэтажное кирпичное здание — обычный тип крестьянского жилища. Крытое непременной черепицей, оно призвано исправно служить нескольким поколениям. Дома стоят в городском порядке, на площади — обязательные «сладкарница» и «млекарница». Самые лучшие здания — школа и «читалище».

Болгарское «читалище» — это не только читальня. Здесь и библиотека, и кинозал, а иногда и музей. Здесь можно не только почитать, но и отдохнуть, встретиться с приятелями, посидеть, поговорить, подумать, посмотреть самодеятельный спектакль.

«Читалища» возникли в Болгарии еще во времена турецкого владычества. В то время они были опорой возрождавшейся национальной болгарской культуры. Болгарская книга была тогда редкостью и драгоценностью. В ней черпал подневольный болгарин, сын угнетенной «райи», внутреннюю силу, готовность к борьбе. С тех пор утвердилось и вошло в жизнь слово «читалище». Сейчас на смену ему появляется новое обозначение — «дом культуры».

Как трогательна любовь болгар к своим национальным героям, своим писателям, борцам за свободу и национальное возрождение! В маленьком городке Вазовграде мы увидели отличный памятник Ивану Вазову, а рядом с ним — музей, созданный в доме, где родился этот патриот, художник и борец. В Левскиграде — памятник Василю Левскому, мужественному революционеру-демократу, и отличный музей его имени. В Калофере — памятник Христо Ботеву и музей, где тщательно восстановлено жилище славного болгарского патриота.

Музеи эти отнюдь не пустуют. Со всех концов страны приезжают сюда экскурсии. Благоговейно проходят через залы музеев сотни и тысячи посетителей, склоняя головы перед памятью доблестных мужей болгарской земли. Здесь наблюдаешь в постоянном действии благородную школу патриотизма. С малых лет болгарин учится любить свою страну, познает ее героическую историю, полную борьбы и подвигов. Все это достойно восхищения.

...Все ближе и ближе Балканы. Вот мы и миновали город Казанлык, широко раскинувшийся в долине, запомнившийся прежде всего тем, что, кажется, все его население село на велосипеды и куда-то поехало, и оказались на шоссе, обозначенном словом «Шипка».

Только тогда, когда взберешься на эти высоты, поросшие густым лесом, одолеешь вьющуюся винтом дорогу, увидишь, как над самой твоей головой ползут отдающие сыростью облака, подивишься крутизне обрывов, взглянешь вниз с замиранием сердца на казанлыкскую долину, напоминающую издали море, полное зеленых и желтых красок, — только тогда поймешь всю силу подвига русских войск и болгарских ополченцев, сражавшихся здесь, на Шипкинском перевале, с полчищами Сулеймана, рвавшимися на помощь Осман-паше, запертому в Плевне.

Недаром слово «Шипка» стало синонимом воинской доблести и отваги, а Шипкинский перевал — местом паломничества для всей Болгарии. Быть в Болгарии и не увидать Шипки считается чем-то невозможным.

Памятники, памятники!.. Под каждым из них сотни павших русских солдат и болгарских ополченцев. Каждый метр земли на Шипкинском перевале полит русской и болгарской кровью. Сейчас громадой стоит на главном кургане величественная и грозная башня-памятник; на фронтоне ее — названия знаменитых сражений: «Шипка», «Шейново», «Стара Загора». Немного дальше от нее, у крутого каменистого обрыва, Орлиное гнездо — решающая точка шипкинских позиций, где дрались врукопашную бойцы Орловского полка и болгарские дружинники, где в ход шли камни и бревна, когда не хватало патронов, где о мужество защитников разбилась ярость отборных турецких таборов.

Сейчас на Шипке действительно все спокойно. Спокойно спят солдаты в своих братских могилах. Парят в синем небе орлы; солнце то вспыхнет ярким светом, то закроется тучами. Вольный ветер гуляет по взгорьям. Старинные пушки поблескивают на былых редутах...

Наша молодежь, к сожалению, слабо знает деяния и подвиги Гурко, Радецкого, Тимофеева, Столетова, Скобелева, Горталова и многих, многих других, столь же славных и мужественных. А между тем любой болгарский школьник подробно расскажет вам о них.

Болгары помнят и свято чтят всех, кто сражался и отдал свою жизнь за Болгарию. В славном перечне героев сверкают имена и русских людей, пришедших сюда, на балканские вершины, освобождать братьев. Кровь их пролита недаром, ратные труды их дали могучие всходы.

Далеко внизу, у села Шипка, стоит памятник-храм. Сияют золотом его купола, в яркой росписи его стены. У дверей храма мемориальная доска с начертанными на ней стихами:

1877—1944
сентябрь

Героям Шипки от имени частей 3-го
Украинского фронта
победоносной Красной Армии.

Вдали от русской матери-земли
Здесь пали Вы за честь Отчизны милой.
Вы клятву верности России принесли
И сохранили верность до могилы.
Стояли Вы незыблемей скалы,
Без страха шли на бой, святой и правый.
Спокойно спите, русские орлы,
Потомки чтят и множат Вашу славу.
Отчизна нам безмерно дорога,
И мы прошли по дедовскому следу,
Чтоб уничтожить лютого врага
И утвердить достойную победу.

На шипкинских высотах всегда, и в праздники и в будни, множество экскурсантов. У памятной доски они задерживаются надолго. Многие записывают в свои блокноты трогательные стихи, сочиненные доблестными внуками в честь доблестных дедов.

Окончание следует.

ОБЫКНОВЕННЫЙ Костя

Варвара КАРБОВСКАЯ

Рисунки Д. ЦИНОВСКОГО.

Мы встретились случайно на улице, и я сразу увидела, как он переменился — стал почти красавцем! Я же отлично помню: у него были маленькие глаза неопределенного цвета, унылый нос и большой рот с опущенными уголками губ. Правда, сейчас глаза его не стали больше, не сделались карими или голубыми, но они блестели и смеялись, уголки губ загибались вверх в милой улыбке, а благодаря тому, что он теперь держал голову высоко, его нос больше не выглядел унылым. Определенно красивый парень! И не только я одна находила это, но и девушки, проходившие мимо, смотрели на него так, как будто хотели увести с собой. Я сказала:

— Ты здорово переменился. И к лучшему. Значит, все обстоит благополучно?

— Очень даже, — сказал он. — Наконец-то признали...

— Твои способности?

Я умышленно спросила так неопределенно, потому что, честно говоря, я не была в курсе, на какие именно способности в последнее время возлагались надежды. Я его знаю с семи лет, и мне казалось, что за это время надежд было гораздо больше, чем способностей. К сожалению.

Он усмехнулся с довольным видом и сказал:

— Наконец-то признали, что я ничем не выдающийся, обыкновенный, такой же, как все. Да!

Как все? Чему же тут радоваться, если человека признали лишенным особых способностей?

Он говорит:

— Самое главное, меня оставили в покое. Ну, и я смог нормально заниматься, держать экзамены. Третий курс, сами понимаете.

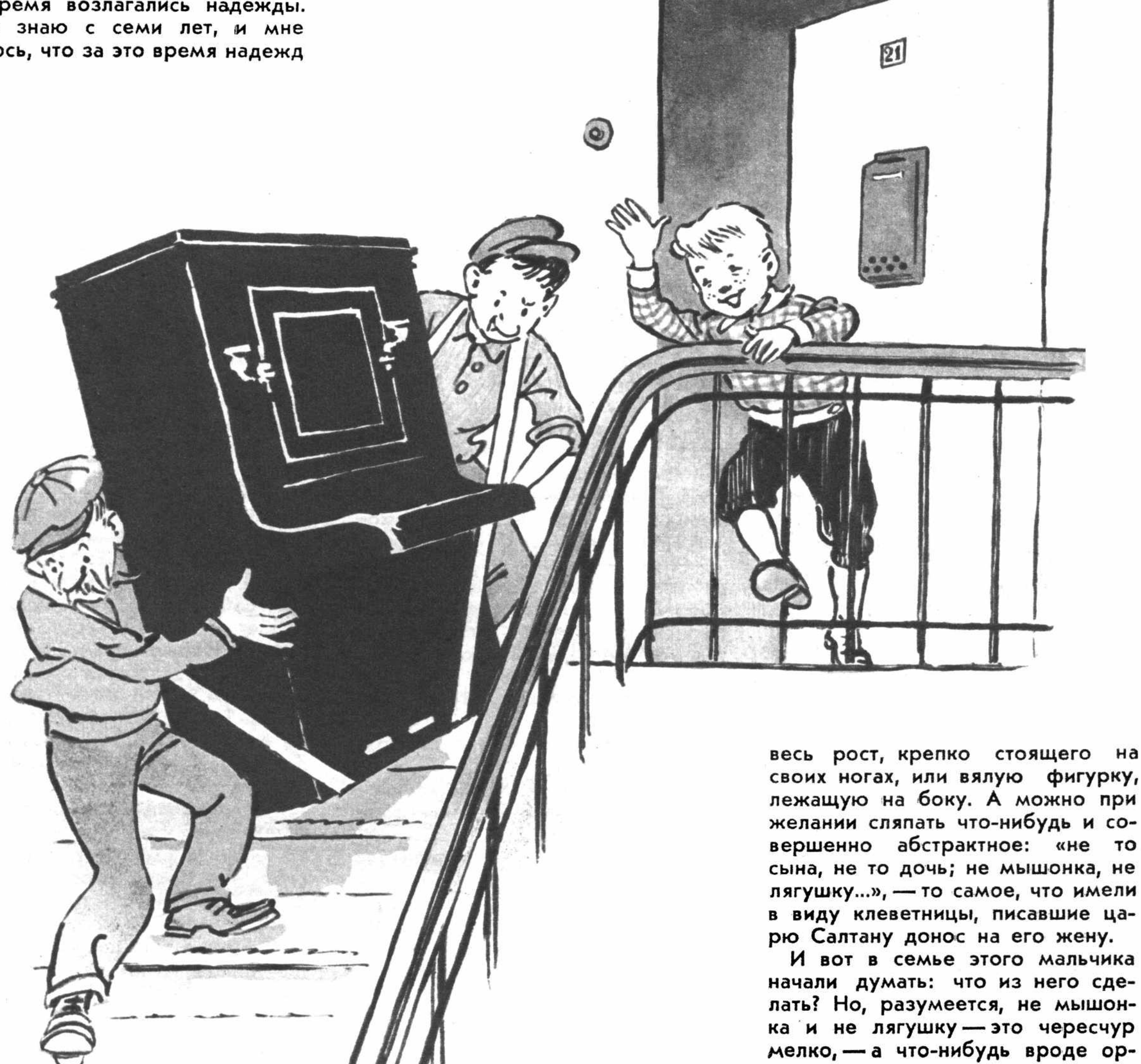
— И удачно?

— Вообще-то ничего: две четверки, три пятерки.

Да это просто блестяще! Я же прекрасно помню его тройки и семейные драмы по этому поводу.

— Нет, — говорит он, — экзамены еще ничего не доказывают. У нас есть дельные парни, которые знают больше, чем я. Но на экзаменах замирают, как кролики перед питоном. (По-видимому, он постеснялся сказать «перед удавом», имея в виду экзаменаторов.) Вообще-то законченных идиотов, таких, чтобы вовсе не занимались, лодырничали и с полным равнодушием заваливались, таких, конечно, нет или, во всяком случае, мало. Кому же охота видеть холодные лица преподавателей и выслушивать сочувственные вздохи девчонок? Но бывает и нечто похуже, чем страхи перед экзаменами...

Я поняла, о чем он говорит. Я вспомнила его маленьким, семилетним. Наверно, никто не обидится, если я сравню маленького ребенка с кусочком глины или воска, тем более что это — общепринятое сравнение. Из этой мягкой глины можно лепить что угодно: например, человека во весь рост, крепко стоящего на своих ногах, или вялую фигурку, лежащую на боку. А можно при желании сляпать что-нибудь и совершенно абстрактное: «не то сына, не то дочь; не мышонка, не лягушку...», — то самое, что имели в виду клеветницы, писавшие царю Салтану донос на его жену.

И вот в семье этого мальчика начали думать: что из него сделать? Но, разумеется, не мышонка и не лягушку — это чересчур мелко, — а что-нибудь вроде орла, лебедя, льва или кита — это подходяще.

Очень активной была двоюродная тетя, заведующая приемкой грязного белья в прачечной (хотя официально в ее должности слово «белье» упоминалось без прилагательного — это менее точно, зато более эстетично). Она была веселой женщиной, на семейных торжествах лихо пела куплеты Сильвы «Частица черта в нас!» и громко требовала:

— Пусть наш Котик растет и пускай прославит нашу фамилию!

Может быть, она первая и заронила эту мечту о славе. Мать Кости (его дома звали Котиком) готова была бы нырнуть на дно морское, если б ей сказали, что на дне лежит слава и счастье ее сына. А тут даже не нужно было нырять. Достаточно взять напрокат пианино за тридцать рублей в месяц, пригласить учительницу (тут уж скупиться нечего), и через несколько лет слава, почет, счастье, деньги и звание «заслуженный» — все обеспечено...

Костя говорит:

— Вы понимаете, я люблю музыку. Я свободно могу определить, что вот это Седьмая симфония Шостаковича, а это мазурки Шопена, я узнаю песни не по словам, а по мелодии. Наверно, музыкальному человеку это покажется смешным, но я не музыкальный, и все-таки, когда хорошо поют или играют, то на душе становится грустно и нежно. А сам я ни петь, ни играть не могу. Когда пробую запеть, у меня из горла вырываются такие странные звуки, что я даже удивляюсь, что они из моего горла...

В семь лет он никому не мог объяснить, что ему не хочется играть на пианино. Он только плакал перед приходом учительницы и после ее ухода, вспоминая, как обидно она хлопала его по пальцам. На уроке он плакать не смел, но, когда учительница отворачивалась, он потихоньку плевал на клавиши. Потом, когда он оставался один, ему становилось стыдно, он вытирал клавиши и шептал: «Я плюнул просто потому, что все мне надоело». Один раз он сказал матери:

— Своей паршивой музыкой вы испортили мое счастливое детство!

Через год учительница отказалась получать деньги даром и посоветовала не отдавать Котика в музыкальное училище. Когда из квартиры выносили пианино, Котик, стоя в прихожей, пропел почти что правильно, и все узнали, хотя он пел без слов, что это «Как родная меня мать провожала».

— Дрянной мальчишка! — крикнула мать Котика. — Он просто прикидывается неодаренным ре-

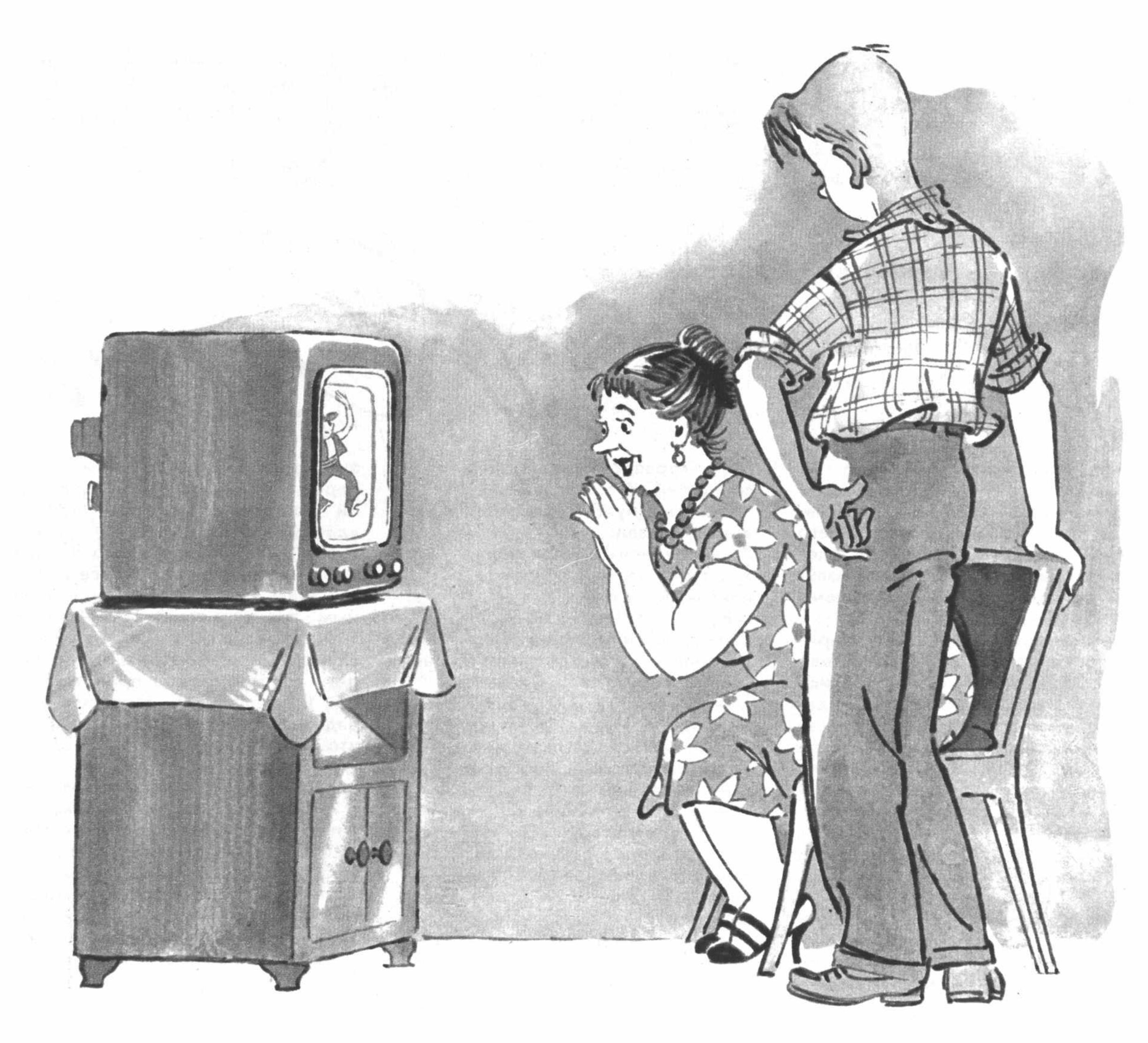
бенком! Ну, погоди же ты у меня...

Потом она каялась, что начала с музыки в своем стремлении выдвинуть Котика, вернее, вдвинуть его в ряды выдающихся людей. Пришлось целый год платить учительнице и за пианино, взятое напрокат. А если бы купить шахматную доску и заставить его играть на ней? То же самое: и слава, и поездки за границу, и портреты в газетах... А спорт? Для того, чтобы бегать или прыгать с шестом, ведь не надо брать шест напрокат! Художника из него, пожалуй, не выйдет, да к тому же художников развелось так много, что нужно быть каким-нибудь особенным или иметь связи... Актером? Танцором?..

— А вы знаете, — говорит мне Костя, — я, в общем, понимаю маму. Она сама всегда жалела о том, что не приобрела никакой интересной специальности, но уж так сложилось, ничего не поделаешь. И вот поэтому она и мечтала, чтоб я стал выдающимся.

Да, я помню, она мне тоже както говорила:

— Я пропустила время. Разве я не смогла бы стать артисткой, врачом, писательницей? Другой раз читаешь в журнале такую ерунду! Разве я не сумела бы написать такую же ерунду? Сколько угодно! А врачи? Встречаются такие, которые не могут сразу отличить аппендицит от беременности! Уж, во всяком случае, я была бы внимательнее и добросовестнее. Ну, а возьмите актрис. Немножко поиграла — и уже заслуженная! Вы думаете, что я бы так не смогла? Смогла бы.

Может быть, кое в чем она была права, когда говорила о журналах, о невнимательных врачах или о некоторых молодых актрисах, заслуги которых заключаются в том, что они добросовестно и хорошо выполняют свою работу. Но сама она не стала ни актрисой, ни врачом. Она числилась домашней хозяйкой, основным же ее занятием было чтение художественной литературы. Она читала ночью и днем, посреди неубранной квартиры, с кишкой пылесоса в руке, возле плиты, не замечая, что молоко сбежало, а вода, в которой варится картофель, выкипела.

Она говорила:

— Я люблю читать про красивую жизнь! И я хочу, чтоб у моего единственного сына была красивая жизнь!

О красивой жизни захватывающе умела рассказывать тетя, заведующая приемкой белья.

— Вот, например, как живут футболисты! Они только значатся при каком-нибудь заводе или институте, но не работают и не учатся. Им некогда: то их массируют, то их кормят, то везут на тренировку или на матч. Машины, поезда-люкс, океанские теплоходы! Каждый знает их по имени и в лицо, у них просят автографы и интервью, наперебой приглашают в гости, в рестораны! Все их балуют, девушки за ними бегают табуном! В двадцать лет они уже заслуженные мастера спорта! Заслуженные, понимаете? За год, за два уже успели заслужить перед народом, а какой-нибудь инженер, хоть век работай, заслуженным не будет, вот вам!

Костя защищал футболистов и всех спортсменов вообще от неспортивной и практичной тети:

— Зря вы говорите! Они и работают и учатся, а если ездят на океанских теплоходах, то что ж им, до Австралии вплавь добираться?

— Ах, оставь, пожалуйста! — обрывала его тетя. — Уж я-то знаю. Бабка вратаря (она называла фамилию) приносит к нам в прачечную его белье. Что рубашечки, что трусы — мечта, приятно в руках подержать, не то что у простого смертного.

Мама вздыхала: Котику не быть футболистом. Он деликатен по натуре, всегда уступает дорогу и говорит «извините». А в футболе дорогу не уступают и если извиняются, то только для виду. Но ведь остается еще гаревая дорожка, гребля, плавание, метание диска, мало ли...

Костя окончил школу. Это было два года тому назад. С большим трудом, но все-таки поступил в институт. На маленьком семейном торжестве по этому поводу тетя лихо спела: «Смотрите здесь, смотрите там, нравицца ль все это вам?» — и убеждала Костю:

— Учись, это, конечно, неплохо. Но имей в виду: инженеров до черта, никого не удивишь. Оклад будет тысяча двести, чтонибудь в этом роде. А ты постарайся стать вторым Куцем, вот это да! Прославь нашу фамилию.

Костя любил спорт: бегал, играл в волейбол, ходил на лыжах. Но слова тети его мучили и раздражали. Его просто мутило от этих разговоров. Разве нельзя заниматься спортом, не ставя перед собой единственную задачу — сделаться чемпионом?

— Только так, — уверенно говорила тетя. — Иначе что толку? Чемпиону красивая жизнь, слава, почет, курорты, заграничные командировки. Ой, смотри, не упускай, Котик! Попрыгай, побегай; чем черт не шутит, может, и допрыгнешь до славы.

В тот раз Костя поссорился с тетей. Он заявил, что не желает никаких чертовых шуток и что это — самое подлое дело: сперва узнать, что за это дадут, а потом уже постараться повыше прыгнуть.

Костя не стал чемпионом, но окреп и возмужал. А фамилия его так и оставалась непрославленной.

— С такой фигурой тебе бы на сцену,— мечтательно говорила мама, сидя перед телевизором. — Вон, посмотри, стоит, стихи читает. Что в нем? Решительно ничего нет, и даже лацкан костюма помят. Разве ты не смог бы так читать? Смог бы, конечно!

Костя говорил:

— Знаешь, мама, каждому свое. Меня это не прельщает, мне хочется быть толковым инженером.

— Твое счастье, что ты два года тому назад прорвался в институт! — вставляла тетя. — А если бы сейчас кончил десятилетку, так... не желаете ли в колхоз или к станку?

— А что, это страшно? — насмешливо спрашивал Костя.

Тетя презрительно махала рукой: «Эх ты...»

Она обожала эстрадные концерты. Когда на экране телевизора появлялась балетная пара в испанском танце, она прищелкивала пальцами, качала толстой ногой и восклицала:

— Балеринка хороша, но балерун — прямо картинка! И миллионы людей на него любуются, вот это да!

Она была уверена, что танцора следует называть «балерун».

Исполнители чечетки приводили ее в исступленный восторг:

— Ножки-то какие, как струнки! Ах, племяш, ну разве ты бы не мог с твоими-то ногами! И мы бы гордились и всем говорили: наш Котик нынче выступает по телевизору! А знакомые бы завидовали и говорили: как мы рады, что Котик у вас такой талантливый! И прославил бы нашу фамилию...

— ...В общем, — говорит Костя, — во мне разочаровались. И теперь я могу спокойно заниматься. Около меня никто не вздыхает с надеждой или разочарованием, никто не рассказывает былей и небылиц о чемпионах. Мама смирилась, сказала, что для ее счастья достаточно моих четверок и пятерок. Тетя ретировалась, заявив на прощание, что я самый обыкновенный, ничем не выдающийся, даже серый парень.

— А ты не сказал ей, что она сама серая тетя? (Ух, как это было непедагогично с моей стороны!)

— Нет, — говорит Костя, — не сказал. Зачем? Моя тетя проявляет себя только в семейном масштабе. По-моему, гораздо хуже дяди, которые раздувают славу какого-нибудь парня далеко не в семейном масштабе. Парень хорошо научился работать ногами, но мозгами работать не умеет, а дядям все равно. Значит, что же, он для них не человек, а скаковая лошадь или боевой петух? — И, наверно, чтоб мне не подумалось, будто ему хочется выказать себя уж очень рассудительным, он добавил: — Так говорят наши ребята, и я с ними согласен.

И я тоже согласилась с Костей. Мы расстались. Я посмотрела ему вслед — милый парень! Я думаю, что у него будет настоящая, красивая жизнь.

П. О. Ковалевский. 1843—1903. СПУСК К ПЕРЕВОЗУ. 1890 год.

Горьковский государственный художественный музей.

«Огонек».

И. И. Ендогуров. 1861—1898. ПОЛОВОДЬЕ.

Горьковский государственный художественный музей.

К. Ф. Юон. 1875—1958. МОСТ ЧЕРЕЗ РЕКУ ОКУ В НИЖНЕМ НОВГОРОДЕ. 1903 год.

Горьковский государственный художественный музей.

П. П. Верещагин. 1836—1886. РЫНОК В НИЖНЕМ НОВГОРОДЕ. 1867 год.

Горьковский государственный художественный музей.

Поэзия Арабского Востока

Эта книга овеяна дыханием событий, происходящих в Азии и Африке. Народы Арабского Востока не желают примиряться с колониальным ярмом империализма. Они полны решимости отстаивать свою независимость. Эта решимость отчетливо звучит в искусстве и поэзии многих стран.

ОБЪЕДИНЁННАЯ АРАБСКАЯ РЕСПУБЛИКА

Сборник «Новая арабская поэзия» ознакомит русских читателей с произведениями, написанными в последние годы. Он открывается разделом, посвященным творчеству поэтов Объединенной Арабской Республики. Здесь, естественно, нашли свое отражение события, связанные с агрессией империалистов против Египта.

Нужно, чтоб шайка
разбойников знала:
Мы перед ними
не чувствуем страха
И никогда не вернем им
канала,
Воды смешавшего
с кровью феллаха,—

пишет египетский поэт Кемаль Нашат.

Ему вторит египетский поэт Салах Тахин:

Это — наша земля, здесь
живет мой народ.
Ждет пуля того, кто
с войной к нам придет.
Здесь умер мой дед.
Здесь мой внук умрет,
Ждет пуля того, кто
на нас нападет.

Многие стихотворения сборника посвящены борьбе за мир, дружбе между народами.

Известный ливанский поэт, член Всемирного Совета Мира Нифон Саба написал после поездки в Советский Союз взволнованную поэму «Я Россию пою»:

Я Россию пою! Я душою
и мыслями — с нею!
И влюбленное сердце мое
никогда, никогда
не изменит:
Для влюбленных сердец
не страшна никакая
разлука.

ИОРДАНИЯ

ИРАК

ЛИВАН

Не забыть мне великого
дня, когда, жаждой
томимый,
Я пришел, о Россия, к тебе
и воды твоей чистой
Выпил залпом из чаши
доверья, согласья и
дружбы.

Чувством острой боли за свою порабощенную родину до провозглашения республики были проникнуты стихи иракских поэтов.

Но даже в самые тяжелые дни реакции и террора светлая вера в лучшее будущее не покидала певцов Ирака. Пророчески звучат сегодня строки Абд аль-Ваххаб аль-Баяти:

О, когда я народ мой
увижу, Багдад?
О, когда над тобой
в голубой небосвод
Он победно знамена
восстанья взметнет!..

В сборнике представлены стихи поэтов Иордании, Судана и Туниса, с творчеством которых наши читатели ознакомятся впервые.

Современная арабская лирика далеко ушла от тех канонов восточной поэзии, которые связаны в нашем представлении с традиционными соловьем и розой. Освободясь от устаревших норм содержания и формы, эта лирика сохранила национальное своеобразие, необычайную поэтичность образов, тяготение к почти афористической манере выражения мысли. Об этом убедительно говорят многочисленные лирические стихотворения, вошедшие в сборник.

СУДАН

ТУНИС

«Новая арабская поэзия» — книга интересная и своевременная.

А. ГОРБОВСКИЙ

«Новая арабская поэзия». Гослитиздат. Москва. 1958. 280 стр.

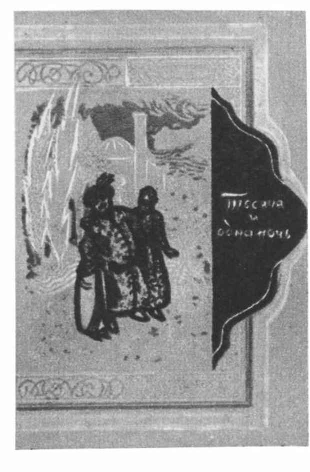
Книга тысячи и одной ночи

Редко теперь можно встретить на книжной полке небольшие томики, одетые в темный переплет с золотым тиснением причудливого восточного орнамента. Восемь томов «Книги тысячи и одной ночи» стали библиографической редкостью. Десять лет, с 1929 по 1938 год, печатало их издательство «Academia» небольшим тиражом — 15 тысяч экземпляров.

Первое полное научное издание этой книги было крупнейшим достижением советской востоковедческой науки, подвигом переводчика ученого-арабиста М. А. Салье, посвятившего многие годы изучению замечательного произведения и завершившего труд благодаря руководству и помощи своего учителя — академика И. Ю. Крачковского, первого читателя и редактора этого издания.

Горячо приветствуя русское издание сказок «Тысяча и одна ночь», А. М. Горький писал: «Среди великолепных памятников устного народного творчества «Сказки Шахразады» являются памятником самым монументальным. Эти сказки с изумительным совершенством выражают стремление трудового народа отдаться «чарованью сладких вымыслов», свободной игре словом, выражают буйную силу цветистой фантазии народов Востока — арабов, персов, индусов. Это словесное тканье родилось в глубокой древности; разноцветные шелковые нити его простерлись по всей земле, покрыв ее словесным ковром изумительной красоты».

Переплет работы художника Л. Зусмана.

Этот литературный памятник создавался постепенно, в течение многих веков.

Долог и извилист был путь скитаний сказок, прежде чем они собрались все вместе в знаменитой книге и легли на страницы замысловатой вязью арабского шрифта.

И шел этот путь из Индии или Ирана в страны Арабского Востока, в Багдад или Каир, по караванным дорогам через пустыни, по тропинкам через горные перевалы, шел по морям, океанам и рекам.

Этот путь длиною более тысячи лет пролегал из III века в век XV, пока индийские или персидские сказочные сюжеты слагались из отдельных фольклорных мотивов и, попав на арабскую почву, обрастали чисто местными подробностями, меняя одежды, обычаи, религию, язык, имена на новой родине. Здесь они застывали под рукою переписчика в «Книге тысячи и одной ночи».

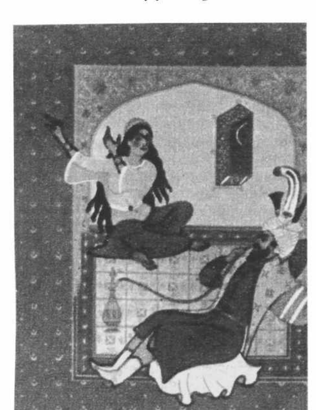
Это был, наконец, путь из уст в уста по караван-сараям, базарам и рынкам, дворцам и гаремам от творца-народа к сказочникам-профессионалам, которые собирали, записывали и обрабатывали бродившие по странам сказки.

Нет одного автора или составителя «Тысячи и одной ночи». Это творение коллективного автора возникло, по всей вероятности, на основе арабского перевода индо-персидского сборника «Хезар Эфсане» («Тысяча сказок») в IX—X веках в Багдаде — центре арабского халифата. Обрамляющий рассказ о жестоком царе Шахрияре и изобретательной Шахразаде, встречающийся еще в древних индийских сказках III века, позволил арабским сказочникам вкладывать в сборник в разное время все новые и новые рассказы, заменять старые, персидские, изменять композицию. Поэтому сказочный сборник «Тысяча и одна ночь» очень пестр не только по происхождению, но и по составу. Здесь можно найти все жанры повествовательной литературы: сказку, новеллу, рассказ, повесть и даже роман.

К наиболее древним принадлежат фантастические, волшебные сказки с участием добрых и злых духов, с превращениями людей в животных. Позднее были включены в сборник многочисленные багдадские сказки — городские новеллы, любовные истории с участием Харун ар-Рашида. Наконец, самые поздние — каирские «воровские» истории, веселые, озорные рассказы, возникшие в среде городской бедноты, ремесленников, торговцев.

Особняком стоят некоторые повести («Рассказ о царевиче и семи везирях», «Сказка о Синдбаде-мореходе» и ряд других), исторический роман об Омаре ибн ан-Нумане. Они заимствованы переписчиками позднее из исторических антологий и космографических сочинений. Многочисленные стихотворные отрывки, которыми пестрят сказки, принадлежат поэтам XII—XIV веков, чьи имена известны.

Фронтиспис работы художника Б. Дехтерева.

С завоеванием Египта турками-османами в начале XVI века дальнейший рост сборника «Тысяча и одна ночь» прекратился. Окончательные редакции различных рукописей, дошедших до нас, относятся к XIV—XVI векам.

Несмотря на разнородность образующих элементов сборника, «Книга тысячи и одной ночи» представляет собой энциклопедию позднего арабского средневековья, мусульманских нравов и обычаев. Арабские сказки — книга для взрослого, подготовленного читателя, интересующегося народным творчеством, историей, географией и этнографией, религией и философией Арабского Востока. Меньше всего это книга сказок для детей. В сказках и вольная, соленая шутка и чрезмерная откровенность, так характерные для средневековья.

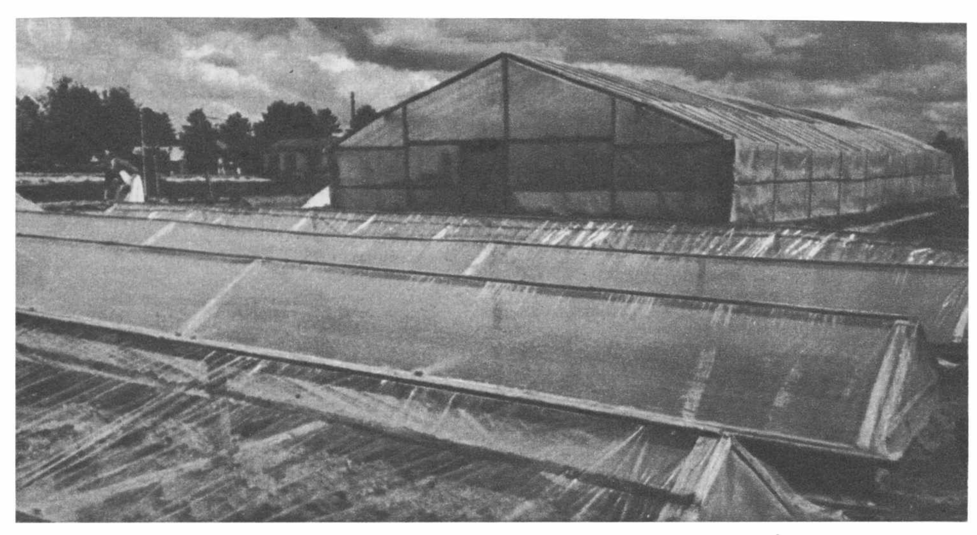
Государственное издательство художественной литературы предприняло второе издание полного собрания арабских сказок «Книги тысяча и одной ночи» в восьми томах.

Тираж издания в триста тысяч экземпляров позволит этой книге попасть в руки самого широкого круга читателей, желающих ознакомиться с замечательным памятником мировой литературы, и еще больше укрепит интерес к изумительному творчеству народов Востока, к его древней многогранной, блестящей культуре.

М. МАЛЫШЕВ

«Книга тысячи и одной ночи» в восьми томах, том 1. Перевод с арабского М. А. Салье. Гослитиздат. 1958. 384 стр.

ПЛАСТМАССОВЫЕ «ОКНА»

Парники и теплица под полиэтиленовой пленкой.
Фото Г. Санько.

В зимний морозный день особенно приятно съесть за обедом салат из свежих помидоров, огурцов, редиски, а на сладкое получить душистую, сочную клубнику.

Выращивание в парниках и теплицах овощей и ягод — дело не новое. Этим занимаются во многих городах. Но, к сожалению, до сих пор на это тратится немало средств и труда. Недавно «на выручку» овощеводам пришла вездесущая пластмасса. Прочные, выносливые полиамидные и полиэтиленовые пленки с успехом вытесняют стекло. Им не страшны сильные ветры, дожди, град, снег. Они легко переносят самый суровый «характер» погоды.

Пластмассовые «окна» во много раз снижают стоимость укрытий парников, упрощают их сооружение и притом так плотно их закрывают, что на обогрев надо тратить в несколько раз меньше топлива, чем для обычных парников. Живительные лучи солнца свободно проникают сквозь синтетические пленки, и поэтому овощи и ягоды будут быстро поспевать. Более того, применяя пленки разных цветов, можно увеличить освещаемость растений солнцем и таким образом увеличить их урожай. Помидоры, выращенные в парниках, покрытых синтетической пленкой, дают на 250—300 граммов больше с каждого куста, чем те, которые росли под стеклянной крышей, а урожай клубники увеличивается в полтора раза.

Подсчитано и проверено в опытных хозяйствах, что применение пластмасс для парников и теплиц удешевляет стоимость выращивания овощей до 10 раз.

А представьте себе, что метеорологическая сводка сулит заморозки. Как спасти целое поле овощей или злаков? Это можно легко и быстро сделать с помощью незаменимой в сельском хозяйстве полиэтиленовой пленки. Этим тончайшим теплым «одеялом» укутают поле, и урожай спасен.

В овощехранилищах и амбарах лучше сохраняются продукты, если они будут «облицованы» дешевыми пластмассами.

Пробовали укрывать большим полиэтиленовым полотнищем силосную массу, заготовляемую для скота на зимнее время. Она прекрасно сохраняется в течение шести месяцев. При этом потери питательных веществ, содержащихся в силосе, не превысили 6 процентов, тогда как при хранении в обычных силосных ямах эти потери порой достигают 50 процентов. А чем лучше корм, тем больше молока, сметаны, масла!

Для орошения фруктовых плантаций и огородов незаменимы легкие и дешевые полиэтиленовые трубы. Их быстро соединяют друг с другом при помощи особого синтетического клея. Для того, чтобы вызвать на полях «искусственный дождь», не нужны теперь тонны металла. По полиэтиленовым трубам пойдут на поля вместе с водой и растворенные в ней удобрения: ведь пластмассы не боятся химикалий.

Полиэтиленовые пленки применяются в парниках и на полях некоторых колхозов и совхозов нашей страны. В частности, в Подмосковье: в совхозе «Заречье», Кунцевского района, и колхозе имени Дзержинского, Ухтомского района, на опытной станции сельскохозяйственной академии имени Тимирязева, — в колхозе «Заветы Ленина», Кемеровской области.

М. АНГАРСКАЯ

Домик крошка — в два окошка

На Всесоюзной сельскохозяйственной выставке рядом с павильоном Эстонской ССР стоит «домик-крошка в два окошка». Это дачный домик, домик для тех, кто в жаркие летние месяцы хочет уехать из душного города к свежей зелени пригородных лесов и полей.

Домик мал, но в нем есть все: гостиная или столовая — как угодно — в восемь квадратных метров; спальня, которая в два раза меньше столовой; кухня — в два раза меньше спальни; встроенный шкаф, кладовая...

Снаружи домик обшивается узкими досками, покрашенными в яркие летние цвета, изнутри — картоном, мешковиной, фанерой.

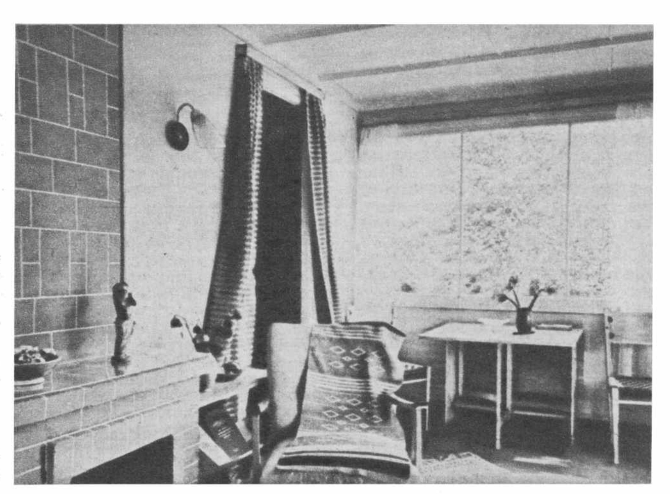
Архитекторы «Эстсельхозпроекта» Н. Кузьмин, Э. Лаази, К. Лутс, Х. Рюютлане разработали три типа таких удобных, недорогих летних домиков. Проекты их отпечатаны типографским способом в нескольких тысячах экземпляров, к ним прилагается брошюра с описанием конструкции домика, так что он легко может быть построен своими руками, без помощи строительных организаций. Конструкции домика могут быть сборными. В Эстонии леспромхозы Министерства сельского хозяйства будут выпускать комплекты отдельных деталей таких домиков, а завод «Ярваканди» планирует производство полных сборных комплектов со щитами.

Н. ХРАБРОВА

Летний домик может быть таким

...и таким.

Интерьер летнего домика с камином.

Владимирские сувениры

24 августа город Владимир будет отмечать 850-летие. Сейчас идет деятельная подготовка к знаменательной дате. Художники семеновской артели «Хохломская роспись» (Горьковская область) готовят к юбилею более 1 000 сувениров: вазочек, кадочек, бочат, коробок с эмблемами «Городу Владимиру—850 лет».

Художница артели «Хохломская роспись» Екатерина Доспалова за росписью сувениров.
Фото В. Бочкарева.

После выступления ОГОНЬКА

В ЗАЩИТУ ФОРЕЛИ

Профессор В. А. Мовчан в статье «В защиту форели» («Огонек» № 15 за 1958 год) совершенно правильно относит Киргизию к тем республикам, в которых есть все возможности для разведения форели. Наши предгорья с многочисленными балками, по которым бегут родниковые и ледниковые речки с кристально чистой водой, позволяют создать массу форелевых хозяйств.

Широкие работы ведутся по акклиматизации севанской форели в Иссык-Куле. К 1965 году выпуск мальков для озера возрастет до 2 миллионов. Уже пущено 5 тысяч мальков форели в верховья реки Чу, которая заполняет своими водами новое водохранилище Орто-Токой.

Однако и у нас в Киргизии форель страдает от браконьеров. Многочисленные факты говорят об истреблении иссык-кульской форели во время нерестового хода в реки. Постыднее всего, что этим незаконным промыслом занимаются такие люди, как третий секретарь Тонского райкома партии Асанходжаев, народный судья Тувалдиев, участковый милиционер Асралиев, сотрудник райзагса Ибраев и другие.

В 1957 году сотрудники Академии наук Киргизской ССР, изучая возраст нерестующих форелей, специальным сооружением добились отлова всех рыб, идущих на нерест и возвращающихся после него. (Обычно рыба на нерест уходит в верховья рек.) Пойманные рыбы измерялись, взвешивались, нумеровались и выпускались выше сооружения, чтобы могли идти дальше для икрометания. Всего было пронумеровано 186 рыб, а вернулся... только один полуживой самец, прибитый острогой. Остальные 185 форелей убиты браконьерами. Эти цифры относятся к 1957 году, когда, по мнению местных властей, охрана была налажена лучше, чем когда-либо... Факты эти возмутительны. Пора привлечь к ответственности браконьеров, хищнически истребляющих ценную рыбу!

А. ГОНЧАРОВ,
младший научный сотрудник Института зоологии и паразитологии Академии наук Киргизии.

Больше фруктов советским людям!

САД НА БЕЛОРУССКОЙ, 1

Когда Евгения Семеновича Янушевского спрашивают о его возрасте, он отвечает так:

— Мне всего шестьдесят. Для садовода это совсем немного.— И горячо, с полным знанием дела развивает свою главную мысль о пользе садоводства, которое доставляет человеку столько радости: — Растишь, терпеливо растишь деревцо, и наконец оно украшается плодами. Нежная, брызжущая соком груша! Налитая слива! Ароматное яблоко! Какая прелесть! Ведь даже люди, создавшие легенду о рае, представляли его в виде сада.

Что же сделал я? Постарался «приземлить» рай. Яблоки у меня не переводятся круглый год. Занявшись садоводством, я прежде всего вырастил несколько яблонь поздних сортов, плоды которых прекрасно сохраняются до нового урожая. Ну, а затем...

И Евгений Семенович перечисляет своих воспитанников и любимцев: груши «дюшес», черная сладкая рябина, виноград «шасла-розовый», сливы, крыжовник, смородина, абрикосы, персики, грецкие орехи...

Где же живет наш знакомый, в каких условиях занимается он любимым делом?

Евгений Семенович Янушевский, садовод-любитель, по образованию биолог, живет в самом центре Минска—Белорусская, дом № 1. На небольшом участке, где тридцать лет тому назад было болото, он создал чудесный уголок.

Янушевский занимается не только фруктами и ягодами, но и цветами и пчелами. Приходит весна, и вдоль дорожек сада зацветают подснежники, нарциссы, затем появляются тюльпаны, сирень, пионы, розы, георгины, и так до глубокой осени.

Большинство старых деревьев выращено из саженцев. Но несколько лет назад Евгений Семенович завел холодильник, стал промораживать семена в процессе их прорастания, и дела пошли еще успешнее.

Его заслуги отмечены тремя медалями и двумя грамотами ВСХВ. Ряд государственных питомников, несколько научно-исследовательских учреждений и многие садоводы-любители поддерживают с ним постоянную связь, обмениваясь саженцами, семенами и заимствуя друг у друга опыт.

А. ДИТЛОВ

Е. С. Янушевский в своем саду.

ДАРЫ МОСКОВСКОГО МУЗЕЯ

На ящиках, которые отправились в путешествие из Москвы в Лондон, получателем значится Британский музей. Это подарок Государственного дарвиновского музея в Москве английским ученым в связи с XV Международным конгрессом зоологов.

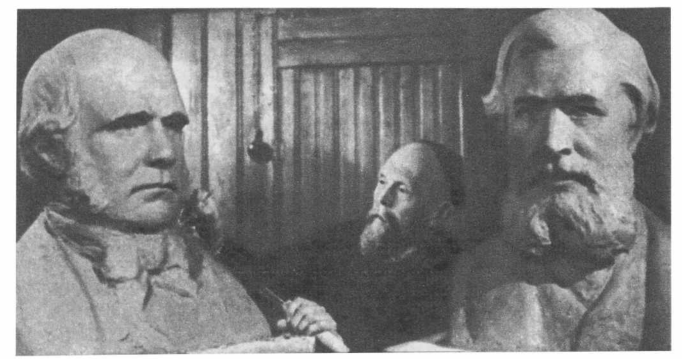
Музей послал в Лондон копии хранящихся в нем бюстов Чарлза Роберта Дарвина и крупного английского натуралиста Альфреда Расселя Уоллеса, замечательным трудам которых будет посвящен конгресс. Исполняется сто лет со дня опубликования первого сообщения Дарвина о его теории эволюции и одновременного выхода из печати труда Уоллеса о естественном отборе.

Бюсты Дарвина и Уоллеса выполнены скульптором В. А. Ватагиным.

Более сорока лет назад, когда основатель и бессменный директор Государственного дарвиновского музея в Москве профессор А. Ф. Котс был в Лондоне, зародилась дружба русских и английских дарвинистов. С тех пор ведется оживленная научная переписка и обмен ценными экспонатами.

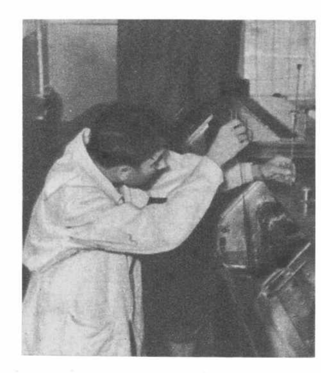
Недавно Дарвиновский музей отправил английским ученым несколько ящиков тушек птиц, обитающих на Кавказе, в Средней Азии и на Дальнем Востоке. Британский музей прислал в Москву гипсовые слепки с различных ископаемых, в том числе с африканских человекообразных обезьян. Слепки эти представляют большой научный интерес.

Я. ЛАПИН

Скульптор В. А. Ватагин у бюстов Дарвина и Уоллеса.

Первый клиент

Мастер А. Г. Шатров проверяет в лаборатории пленку. Фото Ф. Короткевича.

Известно, что в кино режиссер и сценарист часто сочетаются в одном лице. Бывает, что один человек выступает в каком-нибудь фильме в трех качествах: как сценарист, режиссер и актер.

Вероятно, это нелегко. Каково же, в таком случае, приходится человеку, если он вдобавок работает при съемках фильма еще и кинооператором! Между тем в одной лишь Москве таких кинодеятелей - универсалов насчитывается около полутора тысяч. Это любители. Создавая свои фильмы, они сами пишут сценарии, ведут режиссерскую разработку, сами играют подчас главные роли и сами же снимают.

Но когда фильм снят, нужно проявить пленку, а для этого необходима уже целая «кинопромышленность», организовать которую на дому почти невозможно. И тут-то на выручку кинолюбителям приходит кинофотолаборатория, расположившаяся в доме № 6 по Мазутному проезду в Москве.

Кинофотолаборатория открылась год назад, в дни фестиваля молодежи. Первым ее клиентом оказался... Впрочем, вот как вспоминает о том дне директор лаборатории Вячеслав Александрович Кариусов:

— Сидим мы в ожидании, волнуемся: придет кто-нибудь или не придет? Обидно же, в самом деле, если в наших услугах никто не будет нуждаться. Ведь дело новое... Глядим, останавливается перед окнами машина, и из нее выходит Морис Торез. Мы его узнали. Он привез для проявки сорок пять метров черно-белой 16-миллиметровой кинопленки. Быстро проявили пленку, высушили и тут же прокрутили в нашем просмотровом зале на проекционном аппарате. На экране перед нами прошли фестивальные эпизоды. Между прочим, у Мориса Тореза оказалась легкая рука. После его ухода клиенты начали являться к нам один за другим.

За год лаборатория прочно вошла в быт московских кинолюбителей, среди которых особой, так сказать, творческой активностью отличаются народные артисты Грибов и Станицын, профессор Нечипорович, писатель Грибачев. 1 200 метров черно-белой или 300 метров цветной пленки может обработать в день коллектив лаборатории.

О. МАРИН

Советский балет в ФРГ

Советские артисты на пресс-конференции в Мюнхене. Народную артистку СССР Г. С. Уланову приветствуют собравшиеся. Слева: главный художник Большого театра СССР В. Ф. Рындин.

Фото Хофера (Централбильд).

Гастроли балетной труппы Большого театра СССР в Федеративной Республике Германии открылись во второй половине июля в Мюнхене и совпали с торжествами в честь 800-летия этого старинного города. Встреча артистов, привлекшая тысячи людей, стала частью праздника, начавшегося. с традиционной кружки мюнхенского пива, которая была поднесена бургомистром гостям. С огромным успехом прошел спектакль «Жизель», которым открылись гастроли.

Закончились выступления спектаклями в Гамбурге.

СПЕКТАКЛЬ О ЛЕТЧИКЕ-ГЕРОЕ

Спектакль «Смелое сердце». Первый слева Анатолий Серов — артист П. Ефимов.

Фото Б. Лосева.

К 40-летию комсомола Свердловский театр юного зрителя поставил пьесу «Смелое сердце» — об одном из первых героев Советского Союза, знатном уральце, летчике Анатолии Серове. Действие пьесы охватывает 1928—1939 годы. Поставил пьесу ее автор — режиссер театра А. Вилинский-Боголюбов.

В главной роли сталевара, а затем летчика Серова выступает артист П. Ефимов.

Зрители тепло встретили сценический рассказ о славной жизни своего знаменитого земляка.

Свердловск.

П. ЕВГЕНЬЕВ

На реке Паране.

4. ВОДА ИЗ РЕКИ СИВИ-СИВИ

А. СОФРОНОВ,

специальный корреспондент «Огонька»

Фото автора.

Что такое пихерей!

Все-таки наше желание поплавать по Паране осуществилось. На приеме в советском посольстве мы встретили одного из известнейших аргентинских писателей, Альфредо Варела, и попросили его помочь нам нанять моторную лодку для прогулки по этой самой судоходной реке Аргентины.

— Нам говорили, что там можно поймать суруби весом до восьмидесяти килограммов.

Варела воспринял наше заявление, как шутку.

— Да, конечно, если очень постараться... Суруби не суруби, а пихерея поймать можно.

— А что такое пихерей?

— Небольшая рыбка.

— Какая?

— Ну, вот такая,— показал Варела на руке чуть выше кисти.— А о лодках не беспокойтесь, я их достану сам.

Ранним утром мы мчались по пустынным улицам Буэнос-Айреса в яхтклуб «Сан Фернандо». Перед шофером такси было изображение какого-то святого и надпись: «Боже, сохрани меня в пути».

На одном из перекрестков, на заднем борту старенького грузовика, мы прочли надпись: «Я тоже был когда-то последней моделью».

— Зловещее начало.

— Как кто, а я лично собираюсь поймать если не суруби, то пихерея обязательно,— самоуверенно сказал Грибачев.

Варела превзошел самого себя. К тому моменту, когда мы подходили к берегу, к деревянным мосткам причаливали три моторные яхты.

— Прошу,— сказал Варела.— Занимайте любую из трех.

Мы предпочли «Мими-2». Через минуту мы неслись по широкой водной глади, окаймленной с двух сторон отлогими песчаными берегами. Возле берегов, привалившись боком к песку, лежали ржавые корабли. Некоторые из них были окружены деревянными лесами и поблескивали свежекрашенными бортами.

Вскоре берега сузились. На них появились пестрые домики, окруженные багряными деревьями. У некоторых домов были маленькие пристани. Каждый домик носил свое название. «Рай», «Кондор», «Бульон»,— читали мы на табличках. У разветвления реки возвышалось изваяние белого быка.

— Символ Аргентины,— сказал Варела.

Промелькнула чистенькая бензозаправочная станция для моторных лодок и яхт.

Реклама: «Здесь продается мед».

— А почему все надписи обращены к реке?

— Здесь только водные пути. Островки, окруженные водой. Очень дорогая земля. В этих местах Сармиенто когда-то все было дешевле.

— Почему вы называете эти места Сармиенто?

— Сармиенто — один из аргентинских президентов второй половины прошлого века. Он был человеком широких демократических взглядов. Многое из того, что он говорил, живет до настоящего времени. Это он на склонах Кордильер вырубил слова: «Идеи нельзя убить!». Выступая однажды в парламенте в защиту прав простого народа, Сармиенто сказал: «Я пришел к вам с кулаками, полными правды». Он был строитель, музыкант, историк и публицист... Борец против всего реакционного, очень волевой человек,— говорил Варела.— И эти места начал осваивать Сармиенто. Он завез сюда цитрусы, приказал разбить плантации, увлек тысячи людей на посадку деревьев... Да что цитрусы!.. Он сюда доставил самых разных птиц и добился их акклиматизации... При нем здесь селились хорошие люди. А теперь... Вон видите название дачи? «Это не здесь».

— Не понимаем.

— Это не здесь, нечего вам здесь останавливаться, проезжайте дальше — вот что говорит название этой дачи.

У руля лодки стоял пароходный

См. «Огонек» №№ 31—33.

механик Оскар Гони, мускулистый человек в рубашке в крупную, белое с черным, клетку.

— Потому мы и едем все дальше,— сказал Оскар.— Едем туда, где нет таких надписей.

Варела задумчиво смотрел на тонкие ветки, сплетавшиеся на берегу, на рыбаков, сидевших на скамеечках с удочками в руках. И вдруг мне вспомнилось, как десять лет назад еще сравнительно молодой аргентинский писатель Альфредо Варела появился в Москве, на улице Воровского, в Союзе писателей. Мы его уже знали тогда как автора незадолго до этого переведенного в Москве романа «Темная река». Нещадная эксплуатация местными и приезжими капиталистами рабочих, добывающих в лесах Аргентины мате, и их борьба за свои права были содержанием романа. Вернувшись из Москвы в Аргентину, Варела написал несколько очерков о жизни Советского Союза и был брошен в тюрьму. Десять лет — срок достаточно большой. Варела густо поседел, осунулся, только смоляные его глаза, как и десять лет назад, сверкали молодо и даже озорно.

Мы не давали нашему другу отдыха:

— Что это за красные цветы растут по берегам?

— Это анаи. О нем у индейцев существуют легенды и песни. Одна из легенд говорит, что индианка Анаи была украдена испанцами. Они пытались узнать у нее, где находятся индейские воины. Анаи молчала. Ее пытали — она молчала. Тогда ее сожгли. Анаи обуглилась и превратилась в красный цветок. Это теперь как бы национальный цветок Аргентины. — Варела помолчал и тихо добавил: — У меня дочь зовут Анаи...

Оскар выключил мотор, резко повернул штурвал, и «Мими-2», тихо разрезая воду, направилась к мостку. За ней подходили остальные яхты.

В яхтах оказались ящики с помидорами, сыром, мясом, кровяными сосисками.

— Здесь живет доктор Виниджо. Его самого нет, он в отъезде. А его супруга встречает нас,— сказал Варела.

На берегу мы познакомились с хрупкой молодой женщиной.

Возле дома стояли деревья, увешанные созревающими апельсинами. Пахло мокрым сеном. На полянке росли одуванчики. Оскар и Варела разожгли костер, на железную решетку положили куски мяса и цепочки сосисок. Тонкий дымок поднялся над поляной. Варела сказал:

— Пока будет готова ассада, предлагаю погулять.

— А скажите, у вас удочки нет? — с надеждой спросил Грибачев.

Нашелся спиннинг.

— А все-таки что такое пихерей? — спросили мы у Варелы.— Это переводится на русский язык?

— Не знаю... Но рыба очень вкусная.

Грибачев решительно двинулся к реке. Мы пошли за Варелой вдоль берега.

Перепрыгнув через канаву, мы оказались на другом участке. Здесь горками были сложены деревянные ящики. Какой-то человек, сидя верхом на гребне сарая, покрывал его листами старой фанеры.

— Бог на помощь! — сказал Варела.

Человек на крыше пробормотал что-то нечленораздельное: гвозди, которые он держал в зубах, мешали ему говорить.

Мы перепрыгнули еще одну канаву и пошли по двору, на котором кудахтали куры и, блаженно похрюкивая, в луже лежала свинья.

— Идемте за мной,— скомандовал Варела.

Вытянувшись цепочкой, мы пошли в глубь апельсинового сада. Но вдруг послышался сердитый мужской голос.

— Одну минуту,— сказал Варела.— Обождите, я пойду на переговоры.

Минут через десять Варела вернулся.

— Экскурсия кончается,— сказал он весело,— нам не доверяют. Хозяин участка боится, что мы его обворуем. Его, оказывается, уже недавно обчистили. Ночью высадилась какая-то шайка, погрузила его ящики с фруктами на катер... Сказали, что прирежут, если он подымет шум, и исчезли. Здесь у нас это бывает... Я говорил ему, что со мной русские журналисты, но он не понял, что это такое...

Мы прошли мимо дома, у порога которого стоял седой человек, провожая нас злыми глазами.

Прежде чем отправиться к столам, где дымилась ассада, мы подошли к мосткам, где, похожий на изваяние, стоял Грибачев, пристально смотря на красный поплавок.

— Поймал?

— Не клюет,— сказал наш товарищ так, как будто до этого у него всю жизнь клевало.

— Брось, идем есть ассаду.

Наш друг с сожалением посмотрел на воду, но по железному закону товарищества не стал возражать и смотал леску спиннинга.

Столпившись возле деревянных столиков, мы отдавали должное ассаде — этому древнему блюду аргентинских скотоводов.

Вырвавшись из-за туч, солнце окрасило все в красноватый цвет. Даже недозревшие апельсины показались золотыми.

И тут мы вспомнили, что сегодня поздно вечером нам предстоит отъезд в Кордову. Все заторопились к берегу и вдруг снова увидели там Грибачева, стоящего со спиннингом в руке.

— Клюет?

— Да клевать-то клюет, но не ловится,— ответил застенчиво рыболов.

— Ну, сматывай удочки... Пора!

— Минутку, минутку! — вдруг проговорил Грибачев, взмахнул рукой, и под солнцем что-то блеснуло.— Есть! — торжествующе крикнул он, держа перед собой на крючке небольшую рыбку.

— Это пихерей? — спросили мы Варелу, рассматривая колючую, шершавую рыбу.

— Нет. Не пихерей... Но тоже съедобная вещь.

— Что же такое пихерей? — приставали мы к Вареле.

— Подождите, подождите,— вдруг наморщил он лоб.— У вас на Кавказе, в озере наверху...

— На Рице?

— Вот-вот...

— Форель! — раздался ликующий возглас.— Форель!

Яхты вырвались на широкий простор Параны — рабочей реки Аргентины. Навстречу шли катера, небольшие пароходики, баржи, груженные лесом, камнями и песком. «Мими-2», оставляя за собой пенистый след, неслась к Буэнос-Айресу.

Довольны ли вы своей судьбой!

«Довольны ли вы своей судьбой?

Не хотите ли изменить ее? Насладиться жизнью, иметь успех в делах, любви, быть человеком, которому сопутствует удача? В вашем личном гороскопе спрятан секрет вашей судьбы и выгравированы почти с точностью до одного дня периоды, когда вам должно везти. Узнайте это! Проконсультируйтесь с профессором Ермэс. Гостиница «Виктория», ул. 25 мая, д. 238».

Объявление это мы прочли в одной из газет, сидя в ресторанчике "Виндзор-отеля", пытаясь выработать план нашего короткого пребывания в Кордове. Вытащив блокноты, мы приготовились записать все объекты, которые нам предстояло посетить. Но записать ничего не могли, так как объектов было слишком много и они наезжали один на другой.

В это время принесли кофе. Среди нас оказались любители пить кофе с молоком. Официант извинился:

— Бастуют рабочие, доставляющие молоко из провинции. Четвертый день в городе нет молока.

— А как же маленькие дети?

— Кое-что все-таки подвозят, но не хватает и детям... Так что извините...

Роза Ганнер — секретарь местного отделения института «Аргентина — СССР»,— видя, что с планом ничего не получается, сказала:

— Пойдемте со мной без плана.

Мы вышли на улицу. У подъезда стоял мальчик лет тринадцати.

— Вы русские журналисты?

— Да.

— Вы приехали с дружеским визитом?

— Да.

— До свидания. Теперь я могу идти в школу и всем говорить, что разговаривал с вами. Я сегодня из-за вас опаздываю в школу.

Мы остановились на углу, пережидая, пока пройдет поток машин. К нам подошел человек в легком сером пальто.

— Будете ли вы в нашем музее?

— Да, вероятно, будем.

— Пожалуйста, найдите время. Вас там ждут,— сказал он строго.

На следующем углу к нам подошли три девушки.

— Будете ли вы в университете?

— Вероятно.

— Обязательно. Вас там ждут.

Мы обратились к Розе Ганнер:

— Откуда все знают о том, что мы в Кордове?

— А вот же напечатано сообщение.— Она показала нам газету, где неподалеку от объявления профессора Ермэса стояла информация о нашем приезде.

В мэрии нас приветствовал исполняющий обязанности мэра сеньор Эрнандес:

— Очень приятно, что вы в Кордове. Мы считаем, что установление контактов в наших обоюдных интересах. Нас очень интересует прогресс, достигнутый в Советском Союзе. Не смогли бы вы рассказать о системе народного образования?

Едва Алексей Аджубей коротко ответил о системе нашего образования, как нас засыпали другими вопросами:

— Продолжает ли действовать система Макаренко?

— Расскажите нам о вашем пионерском движении и дворцах пионеров.

Над столом Эрнандеса висела картина, изображающая старую Кордову. Темные, густые тучи нависли над древними стенами домов. Картина резко контрастировала со всем тем, о чем говорилось в кабинете. Роза Ганнер нервно смотрела на часы: нас уже ожидали в другом месте.

— Так я вас прошу,— говорил один из членов муниципалитета, держа Аджубея за пуговицу.— Пришлите нам полное описание, как у вас организованы дворцы пионеров. Нас это очень интересует.

Мы посетили губернатора и побывали в тесном кабинете директора туристской конторы. И всюду Роза Ганнер незаметно смотрела на часы и незаметно поднимала нас со стульев. После она призналась, что план у нее, конечно, был, но такой напряженный, что она, боясь, что мы отвергнем его, решила выполнять роль буксира.

После того, когда мы вышли из редакции газеты «Кордова», Роза сказала:

— А теперь мы поедем к вице-президенту палаты депутатов Аргентины, к президенту нашего отделения института «Аргентина — СССР» сеньору Энрике Марио Сани. Он адвокат, специалист по трудовому законодательству. Он сейчас болен и просил посетить его на дому.

Все это уже говорилось в маленьком скрипучем автобусе, громыхавшем по булыжной мостовой. Автобус остановился возле двухэтажного домика с узкими окнами. По узкой лестнице мы поднялись на второй этаж и вошли в небольшую полутемную столовую со старинной испанской мебелью. На комоде стояли серебряные безделушки. Жена Энрике Сани предложила нам занять места за столом. В комнату вошел укутанный в темно-красное пончо [1] и сам хозяин дома.

— Извините, немного простужен, но уж очень хотел повидать вас.

На столе появились чашечки кофе — неизменное сопровождение всех встреч. Первый раз за этот день мы получили возможность задавать вопросы. Все были довольны, но, кажется, больше всех Роза Ганнер. Отвечая на вопросы, Сани говорил:

— Сейчас в Аргентине большой интерес к жизни Советского Союза. Достаточно сказать, что здесь, в Кордове, более тысячи человек являются членами нашего института... Очень много среди них из интеллигенции... Нас интересует ваша наука и техника. К сожалению, иногда не хватает материала. Почему бы вам не издавать хотя бы популярный журнал на иностранных языках? Вы же заинтересованы, чтобы о Советском Союзе больше знали... Концерты Татьяны Николаевой, Давида Ойстраха, Арама Хачатуряна прошли у нас с огромным успехом. А кинокартины? Некото-

[1] Пончо — большая теплая шаль.

рые из них идут по семь недель... Вас интересует наш город? Пятнадцать лет назад жителей было около трехсот тысяч. Сейчас более полумиллиона. А всего в провинции Кордова более двух миллионов человек. За последние годы построено три завода. Но мы хотим еще строить заводы. Мы должны решить проблемы нашей нефтяной, энергетической и металлургической промышленности. Нам предстоит большая работа по строительству дорог и плотин...

...Перед вечером мы пришли в здание полиции. Туда был доставлен заказанный нами венок, который мы хотели возложить у памятника борцу за независимость Аргентины генералу Хосе Сан-Мартину. Нас встретил начальник полиции Кордовы Оскар Певарелли. Стены кабинета были со щербинками, небольшими углублениями.

— Это следы пуль, — сказал Певарелли. — Свидетельство нашей борьбы за свободу. Здесь во время свержения Перона засели его сторонники, нам пришлось с ними сражаться. Следы пуль остались как память.

Прощаясь, он сказал:

— Мы очень расположены к дружбе со многими странами и особенно с Советским Союзом. Мы, молодые люди Аргентины, желаем этой дружбы.

В сопровождении двух отделений солдат мы подошли к памятнику Сан-Мартину. Солдаты застыли по команде «смирно». Из медного горна полились тревожно-призывные звуки. Мы положили венок рядом с венком, положенным накануне делегацией Объединенной Арабской Республики.

На другой день муниципалитет Кордовы устроил для нас прогулку за город и в полном составе принимал нас в одном из загородных ресторанов на берегу красивого синего озера. Звучали речи:

— Одно и то же солнце светит над полями Украины, Сибири и Аргентины... Латинская Америка сейчас переживает новую эпоху. Народы сбрасывают рабские оковы. Мы рады, что вы являетесь свидетелями этого. Мы удивим весь мир своей борьбой за свободу!

Уже смеркалось, когда мы возвращались в Кордову. В автобусе гремели русские и аргентинские песни.

— Но это еще не все, — сказала Роза Ганнер. — Сегодня еще предстоит встреча в психиатрической больнице.

— ?!

— Не пугайтесь, вам это ничем не угрожает. Вас приглашает в гости вице-президент аргентинского Совета мира доктор Берман. Он известный психиатр, у него своя лечебница...

— А больные?

— По-моему, сейчас их там нет.

— Значит, есть вакантные места?

...И еще до трех часов ночи сидели мы за столом в лечебнице доктора Бермана, семидесятилетнего человека, большого нашего друга. В центре комнаты, над камином, висел большой портрет женщины, недавно умершей жены Бермана, известной певицы Кремер, дружившей с Федором Шаляпиным.

В центре города Кордова.

Функции официанток исполняли веселые сестры психиатрической лечебницы.

— Довольны ли вы своей судьбой? — обратилась к нам Роза Ганнер словами рекламного объявления профессора Ермэса, видимо, и не подозревая об их существовании.

— Да, довольны, — искренне ответили мы. И это была правда. Если мы за двое суток пребывания в Кордове не так много узнали о жизни этого растущего города Аргентины, то во всяком случае почувствовали, что к советским людям в Кордове относятся очень сердечно и жадно интересуются всем, что происходит на нашей Родине. А это был неплохой материал для советских журналистов.

Трое на одном диване

Из Кордовы мы улетали в город Сальта, расположенный в предгорьях Анд.

Самолет задерживался. Долгие часы мы провели в аэропорту Кордовы, с надеждой всматриваясь, когда рассеются темные тучи, ползущие над аэродромом. Наконец вместо пяти утра в три часа дня мы поднялись в воздух. Сильно качало. Красная табличка, рекомендовавшая пассажирам привязываться, не гасла. Стюардесса сказала:

— Пойдем над Сьеррой.

— Буквально Сьерра — это пила. Здесь это горы, — пояснил наш переводчик Поляковский.

— Ну, что ж, пойдем над пилой!

Горы под нами были закрыты облаками, только кое-где они высовывались, словно желая погреться под ярким солнцем. На втором часу полета красная табличка погасла. Облака рассеялись. Самолет опустился ниже. Показалась зеленая долина с невероятно петляющей вдоль желтых берегов рекой. Замелькали ровные прямоугольники изумрудно-зеленых посадок.

— Через десять минут Тукуман, — сообщила стюардесса.

Мы уже знали: Тукуман — центр района, возделывающего сахарный тростник.

Самолет подрулил к маленькому зданию аэропорта. В аэропорту было безлюдно. Через здание аэропорта мы вышли на улицу. Там тоже было пустынно. Только у стены, на которой висел плакат: «Здесь оставлять велосипеды запрещено», — лежало несколько велосипедов...

Полет продолжался над горами. Справа и слева тянулись бурые хребты, высоко поднимая пики вершин. У пилы были острые зубья. Солнце шло на закат, золотя горные отроги и крылья самолета. Как синие жилы, темнели внизу горные впадины. Наконец мы проскочили две последние, стоявшие, как ворота, вершины и понеслись над широкой долиной... Выйдя из самолета на какой-то удивительно тихий и красивый аэродром, мы захлебнулись свежим, наполненным озоном воздухом. Нас встречало несколько министров провинции. Дружелюбно они поздоровались с нами. Сын губернатора, по его поручению, передал нам «добро пожаловать».

Меж сочных полей, по узкому асфальтовому шоссе, мы помчались к Сальте. Где-то посреди дороги мы встретили мчавшегося на предельной скорости мотоциклиста.

— Это фотокорреспондент нашей газеты,— сказал ехавший с нами в машине сын губернатора Бернардо Биэла. — Мы вас ожидали целый день. Он трижды был уже на аэродроме, но, как и положено настоящему фотокорреспонденту, в нужный момент опоздал.

В вестибюле гостиницы «Сальта» собралась небольшая группа молодежи. Все они хотели принять участие в нашей судьбе. Вдруг в вестибюле раздался приветственный клич, и в то же мгновение мы все увидели, как Вадима Поляковского обнимал очень высокий молодой человек.

— Познакомьтесь, это Марио,— сказал Поляковский. — Он был в Москве на фестивале.

Марио, широкоплечий, почти на голову выше самых высоких из нас, крепко пожимал нам руки.

— О, я много рассказывал о Москве, когда вернулся! У нас здесь огромный интерес к вам.

Было уже темно. На улицах зажглись фонари. Наши новые друзья предложили пройтись. Как почти в каждом небольшом городе Аргентины, центром Сальты являлась квадратная площадь, окаймленная высокими пальмами. В этот вечерний час, когда уже были закрыты магазины, здесь было тихо. Только в небольших кафе за столиками сидели группами люди, помешивая ложечками в маленьких чашках. Мы спросили Марио:

— Есть ли в Сальте люди выше вас ростом?

— Среди моих шестерых братьев есть и повыше... А здесь, в Сальте, есть еще два человека выше меня, но они тоже наши родственники. Раньше, когда я был боксером, рост этот мне очень помогал... — Марио взглянул на часы. — О, извините, я должен вас покинуть. У меня, кажется, сегодня будут роды.

— У вас?

— Да, я врач-гинеколог... Завтра утром мы увидимся.

Оставшиеся с нами друзья сказали:

— Мы понимаем, вы устали, но дело в том, что вас ожидают.

— Где?

— В многоголосом хоре... У нас есть для вас небольшой сюрприз.

Мы отправились в небольшое здание клубного типа, в котором для нас действительно был приготовлен сюрприз. Смешанный хор под руководством Мигеля Антонио Грасо исполнил русскую песню «Колокольчик» и «Гопак» Мусоргского.

Утром пришел Марио. Глаза его были немного опухшие.

— Ну, как прошли роды?

— Не легко, но одним мальчиком стало больше на свете. У меня большая просьба.— Марио из карманов доставал какие-то маленькие пакетики. — Передайте в Москве моим друзьям сувениры. — И он снова заторопился. — У меня должны быть еще роды... Я отлучился всего на пятнадцать минут...

Нас пригласили на передачу поста управляющего шахтами и минералами.

В тесной комнате маленького одноэтажного здания собралось несколько человек. Все они были пожилые, поседевшие, кроме одного, небольшого роста, с живы-

ми черными глазами. Это был Хуан Педро Диего. Заложив руки в карманы, он стоял, слушая напутствие представителя провинциальных властей. Он принимал пост из рук Мариано Эстебано, покидавшего эту должность.

Вся церемония длилась пятнадцать минут, но была исполнена глубокого смысла. Чувствовалось, что вступавший в должность Хуан Педро Диего приложит все силы, чтобы содействовать расцвету своего края.

После того, как церемония была завершена и Мариано Эстебано без обиды пожал руку своему преемнику, Диего подвел нас к небольшим витринам, в которых, обложенные ватой, лежали куски минералов.

— Наша провинция очень богата. Мы надеемся, что сумеем торговать со всем миром. Посмотрите, — говорил Диего, — вот бор. Для ваших спутников, кажется, он необходим. Здесь молибден, сера, слюда, свинец, барий, золотоносные кварцы... Когда-то считали, что Аргентина — это только коровы, скот. А вот аметисты, руды с примесью тантала... А какие у нас мраморы! — Диего открыл одну из витрин и вытащил кусок дымчато-голубого мрамора. — Анды, благословенные Анды входят в нашу провинцию... На востоке провинции открыта нефть, в других местах есть уран и торий. Кто говорил, что Аргентина — это только коровы? Теперь все должны знать, что Аргентина богата...

Мы шли по залитым солнцем улицам города, под сине-сиреневыми цветами дерева Санта-Рита. Вдали со всех сторон город окружали голубовато-синие предгорья Анд. Высота в 1 200 метров над уровнем моря давала городу высокогорную свежесть.

— Нам нелегко, — говорил Диего, — нас беспокоят военные. Они привыкли всегда иметь власть. Это сильная, сплоченная каста. Нам мешает духовенство: оно связано с Ватиканом. Но мы все поддерживаем Фрондиси. В нашем движении много молодежи. А у нас даже один министр еще студент. Знайте, что мы полны желания сделать нашу страну сильной и независимой.

Возле резиденции губернатора стояла большая толпа. В большинстве здесь были женщины. Диего сказал:

— Раньше этого не было. — И, видя наше недоумение, добавил: — Раньше к губернатору ходить было бесполезно. Теперь пошли многие. Всем помочь невозможно, но новый губернатор старается сделать все возможное.

Губернатор, высокий седой Бернардино Биэлая, принял нас очень радушно.

— Вы представители великого народа, и я рад, что вы находитесь в нашей провинции. Дружба народов всегда плодотворна. Мы восхищены тем, что происходит в Советском Союзе. У вас богатства общества распределяются равномерно, идет большой рост культуры и приобщение народа к культуре. Я уверен, что наши народы будут дружить. Я могу сказать, что у нашего правительства нет предвзятого отношения ни к кому. У нас большие природные богатства. Мы хотим торговать со всеми. Вместе с тем я должен сказать, что то, что произошло с одним из представителей правительства Соединенных Штатов в Латинской Америке, — это урок всем тем, кто хотел бы вечно держать наши народы в состоянии национального рабства.

Мы вышли от губернатора, у подъезда нас ожидала машина.

— Губернатор просил пользоваться его автомобилем, — сказали нам.

— А как же он?

— Он будет счастлив ходить в этот день пешком.

Мы побывали в редакции местной газеты «Эль Трибуно». Затем друзья повезли нас в предместья Сальты, где готовилась ассада. Но главное было не в этом. Незнакомый человек, едва увидев нас, сказал:

— Да, господа-товарищи! Знаете ли вы о том, что запущен новый советский спутник?!

Мы этого еще не знали.

— Весит 1 327 килограммов.

— Кто вы по профессии? — спросили мы человека, сообщившего нам радостную весть.

— Бухгалтер. Хуан Руйс.

Когда мы к вечеру вернулись в гостиницу, раздался телефонный звонок, и один из работников радио, с которым мы виделись утром в редакции, прорычал в трубку: «Я не могу себе простить! Я ведь знал уже все о спутнике... Я целый день разыскиваю вас, чтобы сообщить... Не могу себе простить!»

Наутро вышла газета «Эль Трибуно». На первой странице, выше названия газеты, большими буквами было напечатано: «Третий советский спутник вращается по своей орбите. Маленькая луна весит 1 327 килограммов и имеет коническую форму».

Бухгалтер, как ему и положено было быть, оказался точен. Одна из заметок называлась «Три главных редактора на одном диване».

Привожу ее почти целиком:

«С искренностью и сердечностью, которая присуща людям этой профессии, приняли мы вчера в нашем доме делегацию советских журналистов, гостящую в нашей стране.

Русские коллеги посетили «Эль Трибуно». По правде говоря, мы не ожидали, что они такие симпатичные люди. Может быть, мы ожидали «сухо-советскую серьезность», за которой прячется личность, мечты и внутренний мир человека, живущего по ту сторону так называемого железного занавеса. Но мы увидели другие лица. Полный господин оказался главным редактором очень распространенного журнала; элегантный молодой человек, брюнет, смуглый, приехавший в качестве переводчика, оказывается преподавателем испанского языка в Московском университете; высокий блондин нам показался большим шутником, структура его фраз необычна, вопросы и ответы легки и остроумны.

Группа очень веселая. Все это немедленно устанавливает непринужденность. На диване помещается аргентино-советское журналистское братство: там сидят главные редакторы «Огонька», «Комсомольской правды» и «Эль Трибуно».

Тотчас же начинается дуэль. Мы первыми начинаем нападение вопросом:

— Как вы находите духовное состояние нашей страны?

— Прозрачно-чистым, как воздух... Климат не может быть лучшим...

— Он не похож на климат, в котором мы жили год назад?

— Нет...

Теперь спрашивают они:

— А как вы оцениваете наш журналистский визит? Какие мы вызываем у вас впечатления?

— Нам нравится ваша манера работать. Слушаете, смотрите и говорите, что думаете. Говорите только правду о своих наблюдениях, а это очень хорошо...

Затем мы поговорили о различных проблемах советской культуры, поговорили о фестивале молодежи. И все это в обстановке самой большой сердечности.

Потом мы попрощались и расстались с конструктивным заключением: «Мы узнали больше, чем знали до сих пор».

К тропику Козерога

Узнав о том, что от Сальты до Жужуя всего километров сто, мы решили проделать этот путь в автомашинах. И не ошиблись. Жарко пекло солнце. Слева лежали каменистые берега реки Гандеры. Небольшие речки бежали к ней с гор. У реки шла работа. Гремели, поднимая столбы желтой пыли, грузовики, тарахтел оранжевый трактор.

Мы обогнали религиозную индейскую процессию. Четыре человека несли на плечах носилки, на которых в стеклянном ящике виднелось изображение какого-то святого. Впереди шел мужчина, трубя что есть сил в трехметровый жестяной рог. Несколько широколицых молодых женщин ехали верхом на конях. Мы вытащили фотоаппараты. От процессии отделился мужчина и подошел к нам:

— Не будете ли вы любезны прислать нам фотографии? — сказал он.

— А чему посвящено ваше моление?

— Мы просим бога помочь нам в трудах.

— Всегда ли он вам помогает?

— Когда мы хорошо просим, тогда помогает.

Дорога уходила все выше. Вдали виднелись снежные вершины Анд. Мы обогнали женщину, несшую за спиной ребенка. Около одного из придорожных домов нас остановил встревоженный старик.

— Вы едете из Сальты?

— Да.

— Не видели ли где автомобильной аварии? Я жду сына из Сальты... Его нет, а проезжие говорили, что где-то по пути свалилась машина.

Следов аварии в пути мы не видели. Успокоили старика и поехали дальше.

На каком-то повороте было уж слишком красиво, и мы не могли не остановиться. Далекие синие горы, зеленые долины, стада коров и несколько маленьких домиков вдалеке. Кажется, ничего необычного, и в то же время широта и простор. Мы подошли к краю дороги — и словно радуга замелькала перед нами. С кустов поднялись сотни ярких бабочек.

— Бабочки! — закричал Аджубей так, будто он видел их первый раз в жизни.— Ведь я же обещал привезти в Москву аргентинских и бразильских бабочек! У нас есть страстные коллекционеры! Я умоляю вас задержаться.

Началась охота за бабочками. Видимо, бабочкам было абсолютно неизвестно человеческое коварство. Они сами летели в наши ладони. Потребовалась тара. Ее не оказалось. Тогда из коробочек был выброшен пирамидон, стрептоцид, сульгин и прочие снадобья и туда водворены бабочки. Но они трепыхались и сбивали с крыльев драгоценную пыльцу. Их надо было сначала прокалывать, но не было булавок. Были использованы какие-то колючки. Но бабочек надо было еще и усыплять.

— Может, им дать понюхать нашатырного спирта? — спросил Леонид Камынин, возивший с собой аптечку с более широким ассортиментом.

Нашатырный спирт подействовал: бабочки засыпали вечным сном.

В конце концов бабочки, еще оставшиеся на свободе, видимо, поняв, с кем имеют дело, затрепетали крыльями под солнцем и исчезли, утопая в сиянии голубого дня. Мы отправились дальше. Мы ехали словно по зеленому туннелю. Над головами сплелись могучие деревья. Дорога была сырая: недавно прошли дожди. К дороге спускались толстые жгуты лиан. К стволам деревьев прилепились огромные наросты, напоминавшие произведения скульпторов-абстракционистов.

На каком-то повороте, словно пламя из поддувала, вылетела красная плохонькая машина. Шофер дал резкий поворот, и мы едва не свалились под обрыв. В другом месте поперек пути стояла массивная черно-белая корова. Она не двигалась с места до тех пор, пока шофер радиатором не столкнул ее на обочину.

Промелькнул столб, на котором с одной стороны было написано «Сальта», с другой — «Жужуй». Дорога пошла под гору. Вдали ослепительно засверкала синяя вода.

— Это Сьенага, искусственное озеро,— сказал наш шофер Дональд Сингх, отец которого когда-то переселился в Аргентину из Индии и женился на аргентинке.— Сюда в субботу и воскресенье приезжают отдыхать из Жужуя.

— Можно ли здесь пообедать?

— Ресторан на другом берегу.

Мы помчались к берегу, где виднелись пестрые домики и несколько десятков лодок. В ресторане был мужчина в белом халате.

— Ресторан закрыт. Повариха ушла до вечера.

— Но, может, что-нибудь найдется перекусить?

— Ничего, кроме нескольких рыбок пихерей.

— Пихерей? Так это же знаменитая рыба!

Человек в халате удивился:

— Ничего знаменитого, мы ее ловим в озере.

Ничего похожего на форель в пихерее не было. Тем не менее она оказалась очень вкусная.

— Если это не форель, то во всяком случае ее двоюродная сестра,— решили мы, закусывая хрустящей под зубами жареной рыбой.

Солнце было уже на закате, когда мы, запыленные и уставшие, но довольные интереснейшим путешествием, въехали в столицу самой северной и самой жаркой провинции Аргентины, город Жужуй.

В маленьком отеле «Париж» для нас были забронированы номера. Смуглая горничная принесла в номер щетку. Минут через пятнадцать раскрылись две-

ри, и в комнату без стука вошла пожилая растрепанная женщина.

— Щетка освободилась?

— Еще нет.

— Что вы так долго чиститесь?

— Но мы целый день были в дороге!

— Пожалуйста, побыстрее.

— У вас что, на весь «Париж» одна щетка?

— А что же, прикажете мне держать две щетки на один отель?

Это была хозяйка гостиницы, старая француженка. На беду, нас поселили рядом с ее номером, и все время, пока мы находились в отеле, слышалась ее ругань, которую она обрушивала на головы молодых белозубых горничных. Впрочем, они не обращали на нее ни малейшего внимания и, беззаботно улыбаясь, скользили по цветному кафельному полу, где важно прогуливалась похожая на фламинго сизовато-дымчатая птица гарса. Эта серьезная птичка, кажется, была единственным близким существом сумасбродной старухи.

Утром мы отправились к губернатору. Нас встретил его помощник Альберто Гусман.

— Мы ожидали вас вчера на аэродроме,— сказал он.

— Нам обещали в Сальте, что к вам позвонят и скажут, что мы поехали машинами.

— В горах была повреждена линия. Может, вы пожелаете посмотреть первое знамя Аргентины?

В большом зале под стеклом хранилось полуистлевшее, старое знамя.

Альберто Гусман сказал:

— Этому знамени наши предки дали присягу в 1812 году у реки Посахе. Они клялись тогда, что не пожалеют жизни, чтобы Аргентина стала независимой.

Пришли министры провинции — Пабло Болдуин, Доминго Орасио Бака, президент Института социального страхования архитектор Хосе Махиха, редактор газеты «Прегон» Луна Эспече. Нас пригласили в кабинет губернатора. Губернатор Горасио Гусман сказал:

— Мы желаем, чтобы вам было хорошо в провинции Жужуй, где вы можете пользоваться полной свободой, исполняя свою миссию познания и изучения столько времени, сколько вы пожелаете.

Нас интересовали вопросы экономики провинции Жужуй.

— Одной из главных культур у нас является сахарный тростник,— говорил Доминго Бака.— В провинции есть три фабрики по переработке тростника, технически очень отсталые. Хозяева их — английские, французские и немецкие компании. Они пользуются очень дешевой рабочей силой, преимущественно трудом боливийцев. Наша провинция граничит с Боливией. Оттуда идут безземельные крестьяне. Труд тяжелый — тростник убирают руками. Компании платят гроши. Здесь же есть американские и английские компании, добывающие цинк, серебро и свинец. Прибыли этих компаний уплывают в Нью-Йорк и Лондон. Но мы добьемся, и это является нашей программой, что все богатства Аргентины будут принадлежать только аргентинцам. Я хочу, чтобы вы отметили эти слова в своих записях.

Старый квартал в городе Сальта.

— Куда бы вы хотели поехать? — спросил нас губернатор.

— Если можно, к тропику Козерога.

И вот уже снова машины мчатся по пыльным дорогам. Мы осматриваем строящуюся электростанцию на реке Рейсе. Жужуйцы очень гордятся и ею — она накануне пуска — и отличным санаторием с целебной водой, где можно лечить ревматизм. Нас сопровождает министр юстиции Пабло Болдуин. Это еще молодой человек, владелец книжного магазина, недавно вступивший на стезю общественной жизни.

Машина мчится мимо полей, засыпанных камнями. Изредка встречаются дорожные бары. «Хороший друг», «Забудь свои печали»,— читаем мы на вывесках.

Болдуин говорит:

— Это была дорога конквистадоров. Именно по ней в 1813 году они шли в Аргентину. В эти годы население ушло отсюда, все уничтожив, оставив конквистадорам камни да эти колючки. — Болдуин указывает на огромные кактусы, словно взбирающиеся на красные склоны гор. — Между прочим, испанцы принимали тогда эти кактусы за наших солдат и обстреливали их из пушек.

Проезжаем селение, называющееся Вулкан.

— Есть ли здесь действующие вулканы?

— Есть, но опасней вулканов происходящие в период дождей огромные камнепады.

Встречаем табун груженых осликов и нескольких всадников.

— Это жители гор едут продавать в Жужуй соль.

— А кто живет в горах?

— Индейские племена. Это сильные люди. У них свои обычаи: например, свадьбы здесь происходят после того, как молодые поживут друг с другом несколько лет. Они считают, что надо хорошо узнать друг друга, прежде чем жениться.

Машина круто поворачивает в гору.

Безмолвный серый камень. Красные вершины, озаренные заходящим солнцем. Ощерившиеся рыжими колючками, высокие, изодранные ветрами кактусы. Ровно уложенные каменные могилы.

— Здесь похоронены инки. Они сражались с пришельцами. Никогда не сдавались. Уходили в горы и умирали с голода... Но не сдавались,— говорит Болдуин.

Машина мчится все выше, и вдруг за оградой из колючей проволоки возникает большая белая остроконечная глыба, вознесенная в синее небо.

— Это отметка тропика Козерога. Высота — 2 600 метров, — сообщает нам Болдуин.

Тихо. Пустынно. Бурая трава. Красные отроги гор. Откуда-то доносится тонкая печальная мелодия.

— Это местные жители... Они делают из тростника что-то вроде флейт и сочиняют свои грустные песни, которые никогда не повторяются.

Пыль. Зной. Ветер. Очень хочется пить.

— Заедем в один дом,— говорит Пабло Болдуин.

Еще несколько километров в сторону Боливии. На пороге небольшого отеля стоит полная женщина в белом переднике.

— Здравствуйте, сеньор Болдуин,— говорит она.

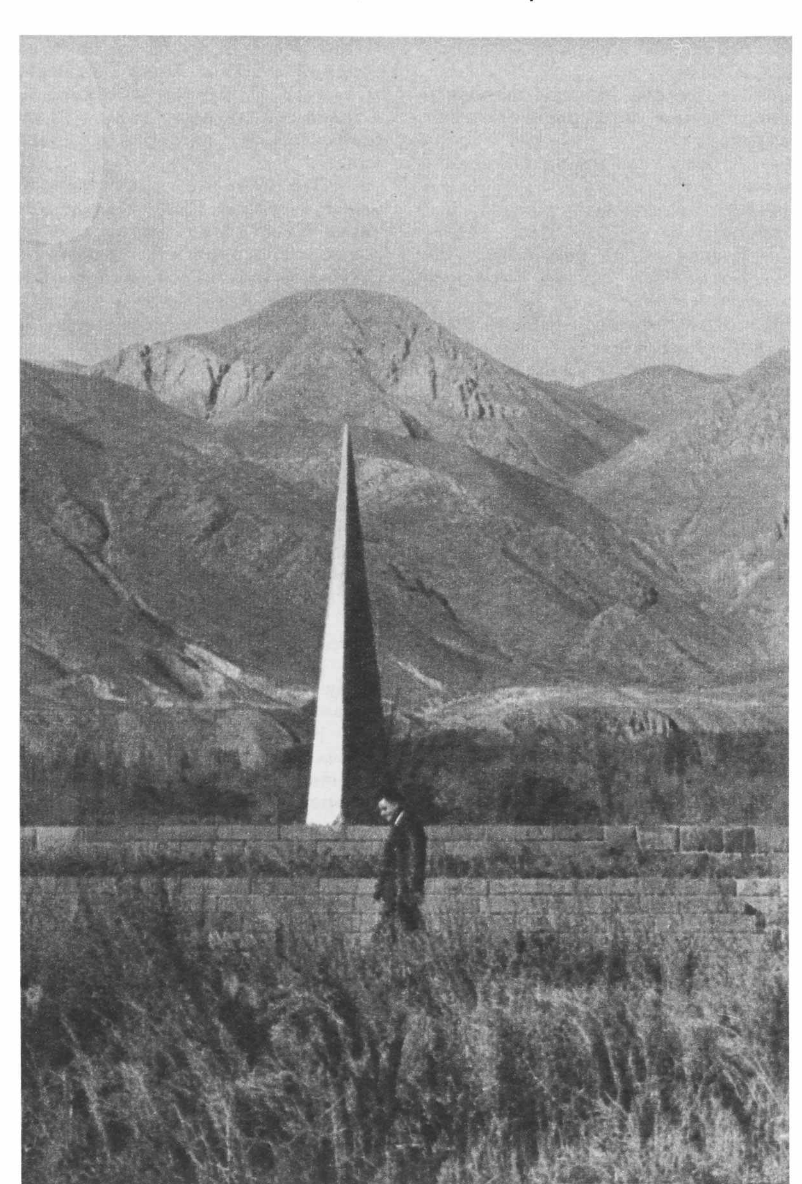
— Здравствуйте. Со мной гости из России. Они хотят пить.

Женщина приносит кувшин со студеной водой. Мы жадно пьем и благодарим.

— Не благодарите,— отвечает она.— У нас есть легенда. Однажды в наши края приехал иностранец. В него влюбилась девушка и из ладоней дала ему выпить воды нашей реки Сиви-Сиви. Иностранец уехал, но не мог долго оставаться вдалеке и вернулся.

— Что же было причиной его возвращения: девушка или вода?

— Вода из реки Сиви-Сиви. Мы хотим, чтобы вы к нам почаще возвращались

Знак тропика Козерога в провинции Жужуй.

В АРГЕНТИНЕ

Фото А. СОФРОНОВА.

На центральной площади города Кордовы.

Исполнительница индейских танцев Аманкай.

Аргентинский гаучо. →

Девушка с индейским барабаном.

Известная танцовщица Урпилай исполняет аргентинский танец самбо.

Кактусы в провинции Жужуй (север Аргентины). ↓

Медная пуговица

Роман

Л. ОВАЛОВ

Рисунки П. КАРАЧЕНЦОВА.

16. СВАДЕБНОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ

У Железнова в Риге было много дел, и я понимал, что работа его по связи рижских подпольщиков с партизанами могла прекратиться лишь одновременно с изгнанием гитлеровцев из Латвии. Зато с возложенным на меня заданием следовало спешить. Польман не хвастался, когда говорил, что не бросает слов на ветер,— в этом скоро убедилось все население Риги: там, где Эдингер пытался забрасывать удочки, Польман ставил непроходимые сети.

Постепенно Железнов раскрыл секрет таинственных цифр, и тогда он показался нам столь простым, что мы долго недоумевали, почему нам так упорно не давалась разгадка.

Для примера сошлюсь хотя бы на того же Озолса. На открытке с незабудками значилось число «3481», на открытке с видом Стрелковой улицы в Мадоне — «1843». Железнов всевозможным образом комбинировал эти цифры, пока не попытался извлечь из них число «14» — номер дома, в котором жил на Стрелковой улице Озолс. В числе «3481» это были вторая и четвертая цифры, причем читать число следовало справа налево; это же число значилось и на другой открытке, но только написанное в обратном порядке. Так мы, узнав сперва фамилии всех «незабудок» и «фиалок», установили затем, где эти «цветы» живут: город или поселок, улицу или площадь мы видели воочию, а номер дома заключался в обоих числах, которые связывали определенный «цветок» с определенным адресом. Нам оставалось только убедиться в реальности существования этих людей, так сказать, узнать их физически, узнать, как их полностью зовут и чем они занимаются.

В связи с этим мы с Железновым много поездили по Латвии, выезжали в маленькие города, на железнодорожные станции, в дачные местечки, встречались с этими людьми и все больше понимали, чего стоил наш улов.

Нет нужды подробно рассказывать о наших поисках и встречах, но о двух — трех стоит упомянуть, чтобы ясней стало, что это были за люди.

На одной из открыток был напечатан снимок вокзала в Лиепае; цифры, написанные на снимке, повторялись на открытке с изображением двух желтых тюльпанов. В списке тюльпаном назывался некий Квятковский...

Мы нашли его на вокзале в Лиепае, он оказался помощником начальника станции. Я подошел к нему будто бы с намерением что-то спросить, показал открытку с тюльпанами, и этот «тюльпан» сам потащил меня к себе домой. Дома он предъявил мне такую же открытку и спросил, что ему надо делать. Выяснилось, что может он очень многое: задержать или не принять поезд, что угодно и кого угодно отправить из Лиепаи и даже вызвать железнодорожное крушение.

Я поблагодарил его и сказал, что хотел проверить его готовность к выполнению заданий, которые он, возможно, скоро получит.

Действительно, по прошествии нескольких дней я представил ему Железнова, представил, разумеется, под другой фамилией, как своего помощника, от которого Квятковский будет непосредственно получать практические задания.

Железнов, в свою очередь, связал Квятковского с одним из руководителей партизанского движения, и «тюльпан», который отнюдь не питал добрых чувств ни к русскому, ни к латышскому народу, принял участие в подготовке нескольких серьезных диверсий на железнодорожном транспорте, убежденный в том, что выполняет поручения британского командования.

Еще более интересна была другая встреча.

На открытке была изображена Мариинская улица, одна из самых больших и оживленных торговых улиц Риги.

Адрес мы установили без труда: Мариинская 39, Блюмс, и он же «фиалка».

В Блюмсе я узнал того самого заведующего дровяным складом, который приходил ко мне с предложением купить дрова. Я помнил, что он показывал мне какую-то открытку с цветами, но тогда я не придал значения его визиту и не запомнил, какие цветы он показывал.

Так вот, эта «фиалка» оказалась «цветком» куда более серьезным, чем «тюльпан» и, помоему, даже чем «незабудка».

Прежде всего этот маленький, кругленький человечек принялся меня экзаменовать, пока не убедился, что я действительно Блейк,— я уже достаточно вжился в этот образ, чтобы ни в ком не вызывать сомнений. Затем он стал упрекать меня в том, что я не хотел признать его, когда он ко мне являлся,— он запомнил все подробности своего посещения. Я сказал, что во время его посещения в соседней комнате у меня находился подозрительный человек, и я боялся подвести Блюмса. Кажется, я оправдал себя в его глазах. Выяснилось, что он приходил ко мне советоваться, как поступить с запасами бензина и керосина, находившимися тогда в городе: продать или уничтожить. И так как я не пожелал с ним разговаривать, предпочел, будучи коммерсантом, их продать.

В очень умеренной степени, правда, но я выразил удивление, какое отношение к бензину мог иметь заведующий дровяным складом, и узнал, что заведующим складом он стал после установления в Латвии Советской власти, а до этого был одним из контрагентов могучего нефтяного концерна «Ройял Датч Шелл» и связан со всеми топливными предприятиями в стране.

С этой «фиалкой», от которой шел густой запах керосина, я встретился два или три раза; он и при немцах, во всяком случае до окончания войны, предпочитал оставаться заведующим дровяным складом, но, на мой взгляд, в буржуазной Латвии смело мог бы стать министром топливной промышленности. По своим связям, влиянию и пронырливости он без особого труда мог вызвать если не кризис, то, во всяком случае, серьезные перебои в снабжении прибалтийских стран горючим.

Материально Блюмс и при немцах жил с большим достатком: в его квартире было много дорогих ковров и хорошей посуды; немцы частенько захаживали к нему, и он занимался с ними какими-то коммерческими делами.

Говоря короче, люди Блейка в той тайной войне, которая постоянно ведется империалистическими государствами и в военное и в мирное время, были реальной силой, которую следовало учесть, в будущем обезвредить и, может быть, даже уничтожить, а пока что использовать в борьбе против врага.

Но о том, как Железнов подключился к замороженной английской агентуре, как сумел связать с нею деятелей антифашистского под-

---

Продолжение. См. «Огонек» №№ 20—33.

полья, как удавалось иногда заставить ее работать на нас, я рассказывать не буду, хотя об этом можно было бы написать целую книгу...

Из числа тех, кто значился в списке, мы не нашли троих; они не жили по адресам, указанным в картотеке Блейка. Когда-то жили, но уехали. Соседи не знали, куда. Возможно, бежали куда-нибудь от войны: на запад или на восток, сказать было трудно.

По четырем адресам мы с Железновым так и не успели побывать: неожиданный поворот событий помешал нам это сделать, — а после войны из этих четырех человек нашли лишь одного «гиацинта».

К счастью, в нашу деятельность не вмешивались ни гестапо, ни Янковская. Гестапо не лишало нас своего внимания. Я не сомневаюсь, что после появления Польмана в Риге я все время находился под наблюдением, но, поскольку мною было получено приказание передать немцам свою агентурную сеть и я после этого принялся метаться по населенным пунктам Латвии, Польман должен был думать, что я спешу удовлетворить его требование. Что касается Янковской, то после того, как Гренер объявил об их помолвке, у нее прибавилось личных дел. Удовлетворение безграничного честолюбия Гренера должно было стать теперь и ее делом, и единственно, чего я мог опасаться, чтобы ей не пришла в голову идея каким-нибудь радикальным способом избавиться от меня как от лишнего свидетеля в ее жизни.

Поэтому, когда она появилась у меня после нескольких дней отсутствия, я встретил ее с некоторой опаской: кто знает, какая фантазия могла взбрести ей в голову!

Она вошла и села на краешек стула.

Я внимательно к ней присматривался. Она была в узком, плотно облегавшем ее зеленом суконном костюме, ее шляпка с петушиным пером была какой-то модификацией тирольской охотничьей шляпы. Она медленно стянула с пальцев узкие желтые лайковые перчатки и протянула мне руку.

— Прощайте, Август.

Она любила все делать шиворот-навыворот.

— Странная манера здороваться,— сказал я.— Мы не виделись три... нет, уже четыре дня.

— Вы скоро совсем забудете меня,— сказала она без особого ломанья.— Что я вам!

— Неужели, став госпожой Гренер, вы лишите меня своего внимания? — спросил я, чуть-чуть ее поддразнивая.— Я не предполагал, что ваш супруг способен полностью завладеть вашей особой.

— Не смейтесь, Август,— серьезно произнесла Янковская.— Очень скоро нас разделит целый океан.

Я решил, что это — фигуральное выражение.

— Мы с Гренером уезжаем за океан,— опровергла она мое предположение.— Мне жаль вас покидать, но...

Она находилась в состоянии меланхолической умиротворенности.

— Как так? — вполне искренне удивился я.— Как же это профессор Гренер отказывается от участия в продвижении на Восток?

— Видите ли... — Она потупилась совсем так, как это делают девочки-подростки, когда в их присутствии заходит разговор на смущающие их темы. — Гренер внес свой вклад в дело национального возрождения Германии, — неуверенно произнесла она. — Но, как всякий большой ученый, он должен подумать и о своем месте в мире...

Ее речь была что-то очень туманна!

— Впрочем, лучше спросите его об этом сами,— сказала она.— Он заедет сюда за мной, в конце концов мне теперь остается только сопутствовать ему...

Она выступала в новом репертуаре.

Действительно, Гренер появился очень скоро. Полагаю, он просто боялся оставлять надолго свою будущую жену наедине с Блейком, от которого с таким трудом ее, как он думал, отнял.

Ученый генерал на этот раз произвел на меня какое-то опереточное впечатление. Он порозовел и сделался еще длиннее, движения его стали еще более механическими, он двигался точно на шарнирах; вероятно, ему хотелось казаться и он казался себе моложе.

— Дорогой Август!

Он приветственно помахал мне рукой, подошел к Янковской, поцеловал ей руку повыше ладони.

Янковская встрепенулась:

— Ехать?

— Как вам угодно, дорогая,— галантно отозвался Гренер.— Вы распоряжаетесь мной.

— Мне хочется чаю,— капризно сказала она и повернулась ко мне.— Вы позволите у вас похозяйничать?

Я позвонил.

Пришла Марта, враждебная, отчужденная, поздоровалась без слов, одним кивком, стала у двери.

— Дорогая Марта,— обратилась к ней Янковская,— не напоите ли вы нас в последний раз чаем?

Марта удивленно на нее посмотрела.

— Я уезжаю,— объяснила Янковская.— Мы никогда уже больше не увидимся.

Марта, кажется, не очень ей поверила, но, судя по быстроте, с какой сервировала чай, думаю, ей хотелось избавиться от Янковской поскорее.

Мои гости пили чай так, что чем-то напоминали балетную пару, столь согласованны и пластичны были их движения.

— Софья Викентьевна сообщила мне, что вы уезжаете, господин профессор,— сказал я.— Мне не совсем только понятно, кто же теперь будет опекать валькирий в их стремительном полете на Восток?

— Ах, милый Август! — сентиментально ответил Гренер.— Ветер истории несет нас не туда, где нам приятнее, а где мы полезнее.

Мне почему-то вдруг вспомнился Гесс, один из самых верных соратников Гитлера, которого ветер истории занес в Англию...

Я посмотрел на него оценивающим взглядом и вдруг заметил, как он с мальчишеским торжеством смотрит на меня поверх своей чашки. Старый журавль воображал, что отнял у меня Янковскую, и светился самодовольством.

— Да, дорогой Август,— не смог он сдержаться.— All is fair in love and war — все позволено в любви и на войне.

— Что ж, желаю вам счастья,— сказал я.— Как же это вас отпускают?

— Да, отпускают,— многозначительно заявил Гренер.— Я улечу в Испанию, потом в Португалию и уже оттуда за океан.

— Мы получим там все,— подтвердила Янковская.— Нельзя увлекаться сегодняшним днем. Предоставим войну юношам. Работу профессора Гренера нельзя подвергать риску. За океаном у него будут лаборатории, больницы, животные...

— Но позвольте,— сказал я,— заокеанская держава находится с Германией в состоянии войны!

— Не будьте мальчиком,— остановила меня Янковская.— Воюют солдаты, для ученых не существует границ.

— И вас там примут? — спросил я.

— Меня там ждут,— ответил Гренер.

— Мы не знаем, как это еще будет оформлено,— добавила Янковская.— Объявят ли профессора Гренера политическим эмигрантом или до окончания войны вообще не будет известно о его появлении, но, по существу, вопрос этот решен.

Я посмотрел на Гренера; во всем его облике было что-то не только птичье, но и крысиное, взгляд его голубоватых бесцветных глаз был зорким и плотоядным.

— Когда же вы собираетесь уезжать? — спросил я.

— Недели через две — три,— сказала Янковская.— Не позже.

— Но ведь перебраться не так просто,— заметил я.— Это ведь не уложить чемодан: у профессора Гренера лаборатории, сотрудники, библиотека...

— Все предусмотрено,—самодовольно произнес Гренер.— За океаном я получу целый институт. А что касается сотрудников, за ними дело не станет.

Но меня тревожил и другой вопрос, хотя он не имел прямого отношения к моим делам.

— А что будет... с детьми?

Все последние дни меня не оставляла мысль о детях, находившихся на даче Гренера.

— С какими детьми? — удивился было Гренер и тут же догадался: — Ах, с детьми... О них позаботится наша гражданская администрация,— равнодушно ответил он.— Они будут возвращены туда, откуда были взяты. В конце концов, я не брал по отношению к ним никаких обязательств.

Я промолчал. Было вполне понятно, какая участь ждет этих детей.

— Может быть, вы еще передумаете и останетесь? — спросил я, хотя было совершенно очевидно, что все уже твердо решено.

— Увы! — высокопарно, как он очень любил, ответил Гренер.— Муза истории влечет меня за океан!

— Увы! — повторила вслед за ним Янковская, хотя каждый из них вкладывал в это междометие разное содержание.— Мы не принадлежим себе.

Они допили свой чай.

— Да, отныне вы будете полностью принадлежать заокеанской державе,— сказал я.— Мне только непонятно, чем это будет способствовать величию Германии.

Гренер пожал плечами.

— Наука не имеет границ...— Он посмотрел на часы и встал.— Моя дорогая...

Янковская тоже поднялась.

— Идите! — небрежно приказала она будущему супругу.— Я вас сейчас догоню!

Гренер церемонно со мною раскланялся, я проводил его до дверей.

— Так внезапно? — обратился я к Янковской, когда мы остались одни.— Что это значит?

— Ах, Андрей Семенович, я загадывала иначе,— грустно ответила она.— Увы! Я ведь знаю, как много вы работали в последнее время. Для кого, вы думаете, старается Польман? Почему он вас щадил? Как только вы передадите свою сеть, вас отправят обратно в Россию. А я, я устала уже рисковать...

Она протянула мне руку, и я задержал ее пальцы.

— Мы еще увидимся? — спросил я.

— Конечно!

— Вы у меня в долгу,— упрекнул я ее.— Вы не открыли мне всех тайн, связанных с нашим знакомством.

— Вы их узнаете,— пообещала она.— Это еще не последний наш разговор.

Она задумчиво посмотрела на меня.

— Поцеловать вас?

Я покачал головой.

Она вырвала свою руку из моей.

— Как хотите...

Она переступила порог и, не дав мне выйти на лестницу, резким толчком захлопнула за собой дверь.

Не успел я вернуться в столовую, как передо мной появился Железнов.

— Что это все значит? — нетерпеливо спросил он.

— Очередная лирическая сцена,— пошутил я.— Госпожа Янковская в одной из ролей своего репертуара!

— Марта сказала, что они уезжают?

— Совершенно верно,— подтвердил я.— Господина Гренера сманили за океан жареным пирогом!

— Каким еще там пирогом? — с досадой отозвался Железнов.— Сейчас не время шутить!

— А я не шучу. Повторяется старая история. Совесть можно продать лишь один раз, а затем сколько ни одолжаться, придется рассчитываться.

Действительно, подумал я, куда делись все патриотические речи Гренера, как только он услышал хозяйский оклик?!

Но Железнов не склонен был заниматься отвлеченными рассуждениями.

— Неужели ты не понимаешь, как осложнится твое положение после отъезда Янковской? — с упреком сказал он.— Оберегая себя, она в какой-то степени вынуждена была оберегать и тебя. Ты был ширмой, за которой ей удобно было прятаться. Один ты вряд ли сможешь нейтрализовать Польмана и попадешься, как кур во щи...

— Мне кажется, ты сгущаешь краски. В конце концов, я могу рискнуть...

— Мы можем рисковать собой, но не вправе рисковать делом! — резко оборвал меня Железнов.— Свое поручение ты, можно сказать, выполнил. Мы обязаны спасти тебя, но, признаться, очень жаль детей. Их тоже хотелось бы спасти. А кроме того, есть, кажется, еще одно немаловажное обстоятельство, которое может ускорить твое возвращение домой.

— Что же ты собираешься делать? — спросил я.

— Говорить с Прониным,— ответил он.— На этот раз он очень-очень нам нужен!

17. У лукоморья дуб зеленый...

Через день или два после визита Янковской и Гренера в тех кругах Риги, где волею судеб и своего начальства пришлось мне вращаться весь последний год, заговорили о предстоящем отъезде профессора в Испанию.

Его научные исследования, которые он не прекращал, даже находясь, как выражался он сам, на аванпостах германского духа, вступили в такую фазу, что потребовали всех сил ученого. Поэтому он решил на некоторое время уехать в далекую от войны страну, которая на самом деле являлась как бы испытательным полигоном для ученых гитлеровского рейха. Такова была официальная версия. А неофициально в Риге, посмеиваясь, говорили, что просто-напросто Гренер решил провести свой медовый месяц в Мадриде.

Истину знали немногие, знали, разумеется, в Берлине и два — три человека в Риге; мне о ней стало известно только в силу особых отношений, сложившихся между мной и Янковской.

Что касается Железнова, он был озабочен предстоящим отъездом новоиспеченной четы, по-моему, больше самого Гренера.

— В связи с этим отъездом ухудшается ваше положение,— говорил мне Железнов,— и очень хотелось бы как-нибудь помочь ребятишкам...

Железнов находился на опаснейшей работе, приходилось все время думать, как бы сохранить на плечах собственную голову, но этот удивительный человек меньше всего думал о себе.

— Пронин примет нас сегодня,— сказал мне через несколько дней Железнов.— Не уходите никуда, я слетаю в одно местечко...

Он исчез и сравнительно скоро явился обратно.

— Знаете Промышленную улицу? — спросил он меня.— По-латышски называется Рупниецибас. Запомните: Рупниецибас, дом 7, квартира 14.

— А что дальше? — спросил я.

— Сейчас запоминайте, а завтра забудьте. Ровно через час приходите по этому адресу. «Руслана и Людмилу» проходили в школе?

— Разумеется...

— Начало помните? — спросил Железнов.

— Там, кажется, посвящение есть,— неуверенно произнес я.— Посвящения не помню.

— Нет, нет! — нетерпеливо перебил меня Железнов.— То, что в школе учили: «У лукоморья дуб зеленый»?

— «Златая цепь на дубе том»?

— Вот и хорошо! — облегченно сказал Железнов.— А то сейчас было бы некогда заучивать стихи. Я уже условился. Вы позвоните и скажете первую строку, вам ответят второй, дальше вы третью, вам четвертую, вы пятую, а вам... Понятно?

— Понятно,— ответил я.

— Вот и ладно,— сказал он.— Помните: ровно через час! А я побегу...

И он исчез опять.

Ровно через час я поднимался по тихой и чистой лестнице дома № 7, а спустя минуту стоял у дверей квартиры № 14 и нажимал кнопку звонка.

Дверь мне открыла какая-то пожилая, хорошо одетая и представительная дама.

Она ничего не сказала и только вопросительно поглядела на меня.

Я неуверенно посмотрел на нее и с довольно-таки глуповатым видом произнес:

— «У лукоморья дуб зеленый»...

Дама слегка улыбнулась и тихо ответила:

— «Златая цепь на дубе том»...

Затем открыла дверь пошире и пригласила:

— Заходите, пожалуйста.

Я очутился в просторной передней. Дама тотчас закрыла дверь и повела меня по коридору в кухню; там у плиты возилась какая-то женщина, одетая попроще.

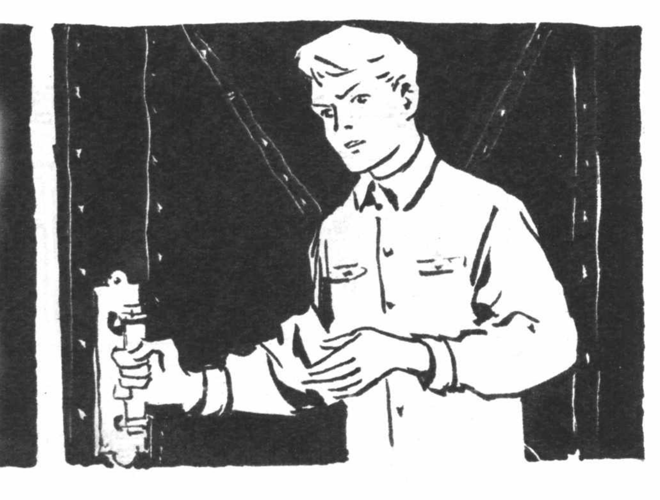
— Эльза,— сказала дама,— проводите этого господина...

Эльза тотчас вытерла передником руки и, не говоря ни слова и не оглядываясь, открыла выходную дверь. Мы оказались на черной лестнице, спустились на улицу, миновали несколько домов, вошли в какие-то ворота и

завернули за угол. Моя провожатая остановилась перед входом в какую-то полуподвальную квартиру, указала на дверь и пошла прочь, даже не поглядев на меня.

Я секунду постоял перед дверью, дернул ручку звонка и услышал дребезжание колокольчика.

Дверь тотчас отворилась, передо мной появился юноша, скорее даже подросток, в серой рабочей блузе.

— Вы к кому? — спросил он довольно недружелюбно, готовый вот-вот захлопнуть передо мной дверь.

— «И днем и ночью кот ученый...» — твердо сказал я.

Подросток окинул меня внимательным взглядом и быстро пробормотал:

— «Все ходит по цепи кругом».

Он выскочил во двор и, полуобернувшись в мою сторону, небрежно кинул:

— Пошли!

По черной лестнице этого же дома мы поднялись на второй этаж; паренек, не стучась и не звоня, решительно открыл незапертую дверь чьей-то квартиры, миновал кухню, в которой у окна, спиной к нам, стоял какой-то мужчина, не обративший на нас внимания, остановился перед закрытой дверью, коротко сказал: «Стучите» — и сразу покинул меня.

Дверь приоткрылась, из-за нее выглянула голубоглазая девушка.

— Вам кого? — спросила она.

— «Идет направо — песнь заводит», — сказал я.

Но она не успела мне ответить.

— «Налево — сказку говорит», — услышал я из-за двери знакомый голос...

Девушка выскользнула в коридор, я вошел в комнату и увидел... Пронина!

Неподалеку от него стоял Железнов.

— Здравствуйте, — сказал Пронин; при встречах в Риге он никогда не называл меня по имени.

— Прибыл в ваше распоряжение, — сказал я.

— Ну, как дела? — спросил Пронин. — Рассказывайте.

— Вероятно, вам уже докладывал товарищ Железнов. Можно сказать, успешно. С девятнадцатью познакомились лично, лицом к лицу, троих нет, исчезли неизвестно куда, с четырьмя еще не встречались.

— Значит, можно домой? — спросил Пронин.

— Это зависит от вас, товарищ майор, — сдержанно произнес я, хотя мое сердце сжалось от радостного предчувствия.

— Да, домой, — повторил Пронин. — Вы сделали большое дело. И, кроме того...

— Ну, без Железнова я бы ничего не добился, — убежденно ответил я. — Он многому меня научил.

— А ему и карты в руки, он специалист, — сказал Пронин, усмехнулся и кивнул в сторону Железнова. — Знаете, о чем он просит?

— Догадываюсь.

— А что скажете?

— Поддерживаю просьбу капитана Железнова. Если только возможно что-нибудь...

Пронин насупился.

— Да... — неодобрительно произнес он. — Оба вы специалисты...

На секунду воцарилось молчание.

— Придвигайтесь ко мне, — прервал молчание Пронин. — Давайте подумаем.

Кажется, это было единственное совещание, в котором мне пришлось участвовать за всю мою бытность в Риге.

— Спасти детей... — задумчиво произнес Пронин. — Вывезти с дачи, фактически превращенной в крепость... Невозможное дело! Вывезти чуть ли не целый детский сад из города, находящегося во власти гитлеровцев...

Пронин забарабанил пальцами по столу. Железнов и я молчали. В конце концов, решение зависело от Пронина.

— Однако докладывай, — обратился он к Железнову. — Что имеешь предложить?

— Самолет, — ответил Железнов. — Вызвать самолет. План такой. Самолет посадить у дома Гренера. Ведь это же аэродром! Засекреченный аэродром специального назначения. Среди наших летчиков найдутся такие, которые и захотят и сумеют это сделать. Прохоров, Столярчук... Товарищ Макаров выполнил задание, его все равно надо перебрасывать обратно. Гестапо вот-вот нацелится на него. Вместе с ним забрать детей. И, кроме того... Сами понимаете, что будет... Посадка произойдет ночью. Все будет сделано в течение получаса...

Пронин сосредоточенно рассматривал поверхность стола, точно на ней лежала карта или какие-нибудь чертежи.

Мы с опасением посматривали на Пронина: согласится или нет?

— Рискованное предприятие, — произнес он. — Аэродром или дача, как их там, охраняются. Крепко охраняются. Приземление самолета будет замечено. Эти стервятники кинутся туда в мгновение ока... — Он замолчал, а мы затаили дыхание. — Но рискнем...

Мы облегченно вздохнули.

— Риск — благородное дело, а в этом случае особенно благородное. Тем более, что...

Он быстро посмотрел на нас, и в глазах его загорелся огонек.

Пронин жестом предложил нам сесть еще ближе.

— Но помните, ребята, все рассчитать, как в аптеке. Надо проявить максимум самообладания и выдержки. Макарову узнать, какая на даче охрана. Железнову сегодня же связаться по рации с командованием. Лично я советую такой вариант. Когда наши бомбардировщики вылетят на задание, один из них, после того как сбросит бомбы, завернет на дачу. К тому времени надо быть уже там. На помощь обера Гашке особых надежд не возлагайте. Андрею Семеновичу подготовиться к возвращению. Захватите картотеку, открытки, список. Копию списка передадите мне: мало ли что может стрястись. Командовать операцией будет капитан Железнов. — Пронин строго посмотрел на меня. — Понятно, Андрей Семенович? Каждое слово Железнова — для вас закон.

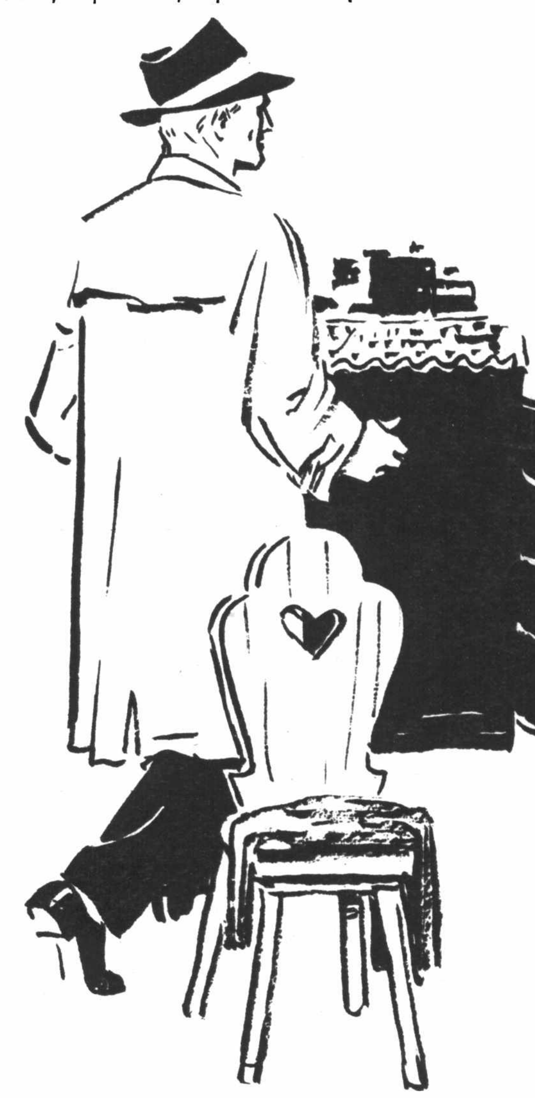
Он встал, пожал нам руки.

— Идите, — сказал он мне. — Прямо во двор и на улицу. Виктор уйдет позже, вы еще его сегодня увидите.

Я опять миновал кухню, все тот же мужчина по-прежнему стоял у окна, рука его была засунута в карман. Только сейчас я догадался, что он, вероятно, охранял Пронина.

На улице, у ворот, тоже стоял какой-то человек — кто знает, свой или чужой. Я прошел мимо, он не последовал за мной.

Дома я выбрал нужные открытки, проверил список, переписал, спрятал в сейф.

К вечеру пришел Железнов.

— Ну как? — спросил я.

— Все в порядке, — сказал он как ни в чем не бывало. — Попробую связаться с людьми, к которым я возил вас в гости.

— К утру вернетесь?

— Навряд ли. Машину надо поберечь, — сказал Виктор. — А вы пока собирайтесь.

Через час он ушел.

Я поехал искать Янковскую.

В гостинице ее не было, мне сказали, что она почти не бывает у себя.

Я нашел ее по телефону у Гренера.

— Я хотел бы вас видеть, — сказал я.

— Приезжайте, — пригласила она.

— А ваш жених не будет недоволен?

— Он вернется нескоро, — объяснила она.

В квартире Гренера она чувствовала себя полной хозяйкой.

— Я готов к расчету, — сказал я. — Агентура Блейка у меня как на ладони.

— Правда? — обрадовалась она. — Я все время колебалась, получится или не получится.

— Кому же отдать список? — спросил я.— Польману?

— Ни в коем случае! — воскликнула она.— Вы должны отдать Гренеру, но можете передать мне, я сама вручу ему. Мы привезем хороший подарок за океан.

Но вдруг как бы облако печали пробежало по ее лицу.

— А может быть, повременить? — неожиданно предложила она. — Мне жаль вас. Как только вы отдадите список, вам предложат вернуться в Россию. Там все горит у Тэйлора. Для вас найдется дело...

— Чему быть, того не миновать,— философски ответил я. — Попадете за океан и быстро все забудете.

— О, нет! — сказала она.— Вас я не забуду.

— Полетите на самолете? — спросил я.

— Да. Сначала в Испанию. Но самолет пришлют из-за океана.

— И полетите со своего аэродрома?

— Да, Гренер сразу захватит свои книги и материалы.

— А вам не помешают? — заботливо осведомился я.

— Кто? — удивилась Янковская. — Дачу охраняют эсэсовцы, а они подчинены Польману.

Я усмехнулся:

— Дачу или аэродром?

— И то и другое,— сказала Янковская.— О том, что там аэродром, почти никто не знает. Там всего десять эсэсовцев, и их еще ни разу не сменяли. Так что болтать было некому. А для того, чтобы туда не проникли любопытные, достаточно и этого десятка...

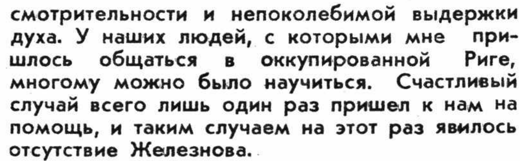
Я узнал то, что нужно было узнать, да Янковская и не пыталась что-либо скрыть: она считала меня своим человеком, и ее самоуверенность усилил еще скорый отъезд за океан — она строила большие планы насчет своего будущего.

Она немного изменила себе только тогда, когда я уже собрался уходить. Сев за стол, она подперла голову ладонями, жалостливо на меня посмотрела и сказала:

— Ох, Андрей, если вы все-таки попадете когда-нибудь за океан, разыщите меня, я сделаю для вас, что могу...

Распрощались мы очень церемонно. В передней, помимо Янковской, меня провожал один из гренеровских денщиков...

И здесь, пожалуй, следует отметить, что все, что происходило со мной, с Железновым, с Прониным в течение этого года, не было следствием каких-либо случайностей — все было результатом правильных умозаключений, точного расчета, тщательной преду-

смотрительности и непоколебимой выдержки духа. У наших людей, с которыми мне пришлось общаться в оккупированной Риге, многому можно было научиться. Счастливый случай всего лишь один раз пришел к нам на помощь, и таким случаем на этот раз явилось отсутствие Железнова.

Ночью ко мне на квартиру нагрянули гестаповцы.

Польман не походил на Эдингера, ко мне в друзья он не набивался, не доверял мне, как и всем остальным, и предпочитал никого ни о чем не предупреждать.

Гестаповцы искали Железнова.

Это было естественно. Если Эдингер говорил мне о том, что гестапо подозревает Железнова в связях с советскими партизанами, знать об этом должен был не один Эдингер! Его смерть приостановила на некоторое время преследование Железнова, но постепенно все должно было завертеться своим чередом.

Со мной гестаповцы держались достаточно корректно. Они вломились в квартиру с обоих входов, но вели себя так, будто я их не интересую. Не найдя Железнова, они не стали делать обыска.

Меня только спросили:

— Где ваш шофер? Где господин Чарушин?

Я сделал таинственное лицо.

— Мне кажется, господа,— сказал я,— что он бежал!

Думаю, гестаповцы были согласны со мной.

И то, что я был на месте, хотя Железнов исчез, выглядело как доказательство того, что я к его исчезновению не причастен.

Гауптштурмфюрер, командовавший нагрянувшей ко мне бандой, даже попрощался со мной.

Во всяком случае, было очевидно, что в отношении меня Польман никаких указаний не давал.

Утром ненадолго заехала Янковская.

— Где ваш Виктор? — прямо спросила она. Она, конечно, знала о ночном посещении.

— Кажется, он удрал, — виновато сказал я.

— Вот видите,— обрадовалась она.— Я вас предупреждала!

Железнов должен был вернуться примерно через сутки. Во что бы то ни стало требовалось предупредить его о том, что в дом ему возвращаться нельзя.

Когда Янковская уехала, я позвал Марту.

— У меня к вам просьба,— сказал я.— Господин Чарушин только случайно избежал ареста. Если он и я, дорогая Марта, не совсем вам безразличны, я попрошу вас помочь мне предупредить Виктора об опасности. Вполне возможно, что за нашей квартирой установлено наблюдение. Если бы вы попытались встретить Виктора! Он появится со стороны Мельничной улицы. Объясните, что ему нельзя приближаться к нашему дому. Пусть он назначит мне свидание...

Марта только молча кивнула и принялась одеваться.

— А вы не боитесь, Марта? — спросил я.— Не наведете гестаповцев на след Виктора?

— Не волнуйтесь, господин Берзинь,— рассудительно объяснила мне Марта.— Полиция поручает дворникам осведомлять ее обо всем, что происходит. Но ведь дворники-то в нашем городе латыши! У меня есть знакомый дворник, он поможет мне...

Я не знаю, как Марта встретилась с Железновым, у меня не было времени расспросить ее об этом, знаю только, что в сумерки она вернулась домой и деловито сказала:

— Господин Чарушин дожидается вас за углом, в воротах дома № 3, они просили вас захватить какой-то список.

Я вышел из дому, вывел со двора машину, поставил ее у подъезда, точно собирался куда-то ехать, сам поднялся обратно в квартиру, снова спустился по черному ходу во двор, выскользнул в переулок и, обойдя квартал, очутился возле дома № 3, где и нашел за воротами Железнова.

— Тебя ищут,— сказал я.— Что нам делать?

— Уже стемнело,— ответил он.— Рискнем, пройдемся.

Мы смешались с толпой и неторопливо пошли по улице.

— Как дела? — спросил я.

— Великолепно, — ответил он. — Послезавтра ночью самолет приземлится у дачи Гренера. Вы должны быть совершенно готовы часам к семи. Если до этого не получите от меня или Пронина каких-либо известий, выезжайте в половине восьмого; на углу, возле гостиницы «Даугава», задержитесь и заберете меня. Не смущайтесь, вероятно, я буду в эсэсовском мундире. Оттуда мы махнем с вами прямо в Лиелупе. Если нас с вами и будут искать, то, во всяком случае, не на даче Гренера.

— Пронин знает об этом? — спросил я.

— Знает,— коротко сказал Железнов.— И недоволен, что мы забыли о подставных лошадях...

Я ничего не понял.

— Каких лошадях?

— Читали «Три мушкетера»? — спросил Железнов. — Помните, д'Артаньян возвращается с бриллиантовой подвеской от герцога Бэкингема? Он не успел бы вернуться вовремя в Париж, если бы по дороге его не ждали подставные лошади. Пронин обещал о них позаботиться.

— Машина не лошадь! — возразил я.— Да еще такая отличная машина, какая имеется у нас. Мы домчим с вами до Лиелупе за двадцать минут!

— Не знаю, что практически имеет Пронин в виду, говоря о подставных лошадях,— отозвался Железнов. — Но можете быть уверены, говорит не зря. Вы еще не знаете этого человека!

Мы прошли мимо кафе; из дверей доносилась веселая музыка.

— Список у вас с собой? — осведомился Железнов.— Давайте, я передам копию.

Я незаметно сунул ему листок в карман.

— Значит, если ничего не произойдет,— повторил Железнов,— послезавтра, чуть позже половины восьмого, на углу, около гостиницы «Даугава».

Он отделился от меня, отстал и тут же нагнал снова.

— Еще два слова,— сказал он.— До своего отъезда отпустите Марту, пусть она куда-нибудь скроется, иначе ей не миновать гестапо.

Он был верен себе: в эти тревожные минуты он не забыл и о Марте.

Он опять отстал, а когда я спустя некоторое время повернул обратно, навстречу мне лилась обычная толпа прохожих, и среди них не мелькало ни одного знакомого лица.

Продолжение следует.

И. С. Зиновьев с дочерью Галей.
Фото А. Сосимовича

КОНЦЕРТ В КОЛХОЗЕ

Распахнулся занавес, ведущий объявил:

— Вальс «Над волнами». Исполняют на скрипках отец и дочь Зиновьевы.

Мы в клубе колхоза «40 лет Октября». Колхозники слушают музыку и после каждой новой песни награждают артистов рукоплесканиями.

Иван Семенович Зиновьев, директор ивано-лисичанской средней школы Грайворонского района, Белгородской области, мастерски владеет смычком. Он играет на баяне, гитаре, мандолине, балалайке. Свою любовь к музыке передал и дочке Гале, которая только что перешла в 3-й класс.

В свободное время отец и дочь Зиновьевы берутся за скрипки и разучивают все новые и новые произведения.

В. АНПИЛОВ

Грайворон.

Домик, где родился И. Н. Крамской
Фото автора.

ЗЕМЛЯКИ ХРАНЯТ ПАМЯТЬ О ХУДОЖНИКЕ

В городе Острогожске родился и провел свое детство выдающийся русский художник Иван Николаевич Крамской. Недавно здесь торжественно отметили 50-летие картинной галереи имени И. Н. Крамского.

Мысль о создании галереи возникла еще в 1907 году — в день 70-летия со дня рождения художника. Были разосланы письма родственникам, знакомым и друзьям И. Н. Крамского с просьбой принять участие в собирании рисунков и картин для новой галереи. Первой отозвалась семья художника. Из семейных реликвий были присланы три портрета работы И. Н. Крамского и двенадцать его академических рисунков. И. Е. Репин подарил галерее свой эскиз «Иуда Искариот», а В. Д. Поленов — «Призраки Эллады» и три этюда. Были получены полотна Шишкина, Куинджи, Маковского, Волкова, Айвазовского, Корзухина и других художников.

В июле 1908 года открылась выставка этих подарков, и она положила начало картинной галерее имени И. Н. Крамского. В 1910 году на средства общественности было построено специальное здание, в котором галерея находится и поныне.

На домике, в котором прошло детство И. Н. Крамского, установлена ныне мемориальная доска.

М. СТОЛПОВСКИХ

Острогожск,
Воронежская область.

ЦИРК В МИНСКЕ

Новый цирк в Минске возводится в центре города, неподалеку от парка и реки. Строительство, начавшееся в 1954 году, подходит к концу.

Проект принадлежит киевскому архитектору В. А. Жукову. Вместимость зрительного зала примерно на 2 тысячи человек. Манеж рассчитан на массовые представления.

Еф. САДОВСКИЙ

Минск.

Новые встречи с Айвазовским

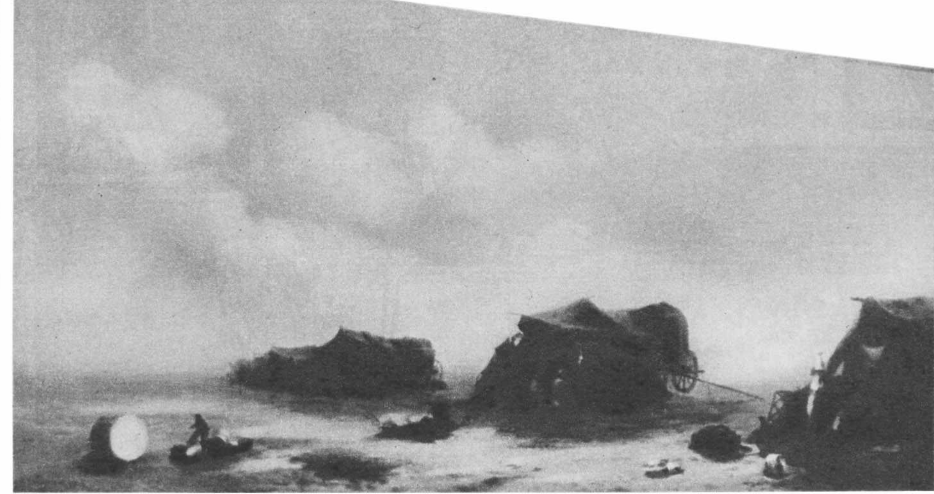
Певцом моря называли Ивана Константиновича Айвазовского. Шесть тысяч полотен — и из них четыре тысячи изображают бурлящее, неистовствующее или затихшее море... Если бы все эти большие и маленькие полотна собрать вместе, понадобились бы сотни выставочных залов.

Богатая коллекция работ Айвазовского собрана в Армянской государственной галерее в Ереване. А недавно были приобретены еще сорок полотен художника, являвшихся до сих пор собственностью живущего в Париже Абрама Чинчяна. Эти произведения относятся к 70—90-м годам прошлого столетия.

Вот названия некоторых из них: «Перед бурей. Феодосия», «Спокойное море», «Буря на море», «Буря у берегов Ниццы», «Волна, ударяющаяся о берег», «Беспокойное море», «Восход солнца»... Есть среди приобретений и большая жанровая картина («Чумаки»), и пейзажи Италии и Крыма, и «Портрет юноши» (П. Чайковского), и маленькие акварели. И во всех этих работах—тонкое чувство природы и жизни, вера в силу человека, подлинный оптимизм.

Ал. ГАСПАРЯН

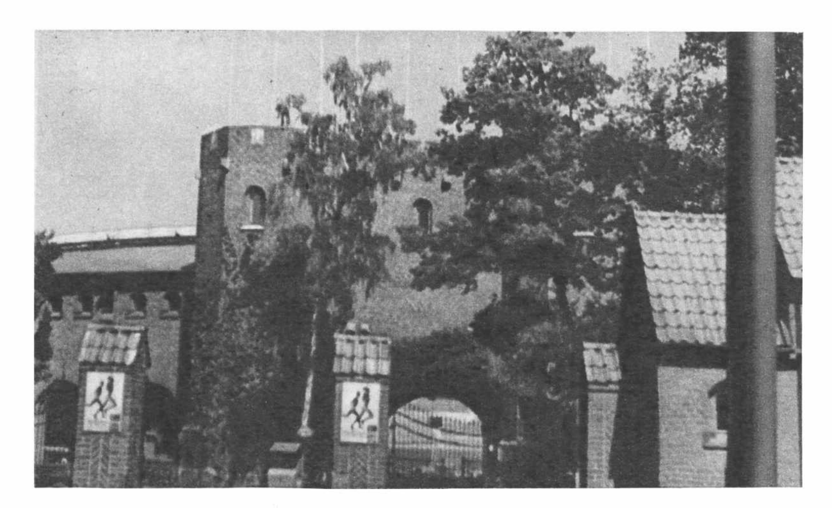
Ереван.

Цыганский табор.

Буря на море.

Вход на Олимпийский стадион в Стокгольме.
Фото М. Мержанова.

Стокгольм, проспект Валхаллавеген

Иван ГОРЕЛОВ

В заголовке — адрес Олимпийского стадиона в Стокгольме, который ожидает посланцев спорта. Теперь уже не «Рассунда», а стадион, находящийся в центре города, в зеленой части его, будет притягательным местом для спортсменов европейских стран.

Высокие и стройные дубы стоят у Олимпийского стадиона на проспекте Валхаллавеген. Будто знаменосцы-атлеты, приветливо машут они прохожим роскошными зелеными макушками. Это деревья зрелого возраста. Они посажены здесь в 1912 году, когда был сооружен для V Олимпийских игр кирпичный Стокгольмский стадион — большое, капитальное строение, выполненное искусными каменщиками и плотниками. Сверху стадион напоминает вытянутую подкову, передним шипом которой является выходная башенная надстройка, а задними — две усеченные кирпичные башни.

По всему полукругу стадиона над зрительными местами нависает надежный железный козырек крыши. С внешней стороны стены узорно оплетены диким виноградом. Стадион небольшой — он вмещает до 34 тысяч зрителей.

Вокруг стадиона зеленое кольцо парковых насаждений, а вблизи стен на мраморных постаментах бронзовые фигуры легкоатлетов в натуральную величину.

По всему городу уже развешаны щиты с большими плакатами. На них как символ предстоящих соревнований — два обнаженных спринтера перед финишем и большие буквы «ЕМ» — Европа, Мэстерскапен — шведские слова, означающие европейское первенство. Бегун на плакате — это скульптура, стоящая у входа на Олимпийский стадион.

В европейском первенстве этого года будут участвовать 28 стран. Ожидается приезд более тысячи человек, в том числе 808 участников соревнований.

Большие спортивные делегации посылают: Швеция — 69 человек, Польша — 60 человек, Англия — 55 человек, Франция—50 человек, Италия — 45 человек, Норвегия — 44 человека, Финляндия — 44 человека, Швейцария — 35 человек. Западная и Восточная Германия посылают вместе 74 спортсмена и будут выступать единым коллективом, но при победе спортсменов из западного или восточного сектора будут исполняться различные гимны. Советский Союз посылает на европейское первенство 80 спортсменов.

В Стокгольм приедут из разных стран около 600 спортивных обозревателей и фоторепортеров.

Немецкая фирма «Ганс Шуберт» (город Мюнхен) купила монопольное право киносъемок первенства. Даже любительские съемки на шестнадцатимиллиметровую пленку запрещены.

Оргкомитет познакомил нас с размещением спортивных делегаций в городе. Небольшие делегации остановятся в отелях, а крупные — в общественных зданиях, главным образом в школах.

Советской спортивной делегации отведен зеленый парковый район города, вблизи аэропорта Бромма. Около станции метро «Фредхалльсплан» — отличный тренировочный стадион Кристинеберг, где будут готовиться к соревнованию наши спортсмены.

В начале августа шведский спортивный союз пригласил нас присутствовать при финальных легкоатлетических соревнованиях страны. Они проходили на Олимпийском стадионе три дня.

Мы наблюдали соревнования сильнейших легкоатлетов Швеции. Спортивные союзы городов Стокгольма, Гетеборга, Мальме, Норчепинга, Сольна, Бромма и других отобрали для соревнований достойных атлетов. Мы были свидетелями рождения нескольких шведских рекордов. В стремительном, изумительно рассчитанном беге на 5 тысяч метров Свен Лундгрен вырвал победу у своих 14 соперников. Неподдельным счастьем загорелись глаза белокурой юной Бритт Мертенссон, когда она пробежала стометровку за 12,1 секунды. В беге на 1500 метров первым финишировал с отличным результатом — 3 минуты 47,1 секунды—Дан Ваерн.

Мы ненамного ошибемся, если скажем, что, кроме названных победителей, имена шведских легкоатлетов Карла Лунда, Стига Юнсона, Руне Эглюнда, Инги Броберг, Альфа Петерсона и других будут занесены в почетные списки рекордсменов.

В перерыве мы беседовали с пресс-комиссаром европейского Оргкомитета Стигом Фахтом. Этот приветливый, уже немолодой человек любезно рассказывает о том, что все спортивные коллективы отобраны на местах в результате многодневных соревнований.

Спортсмены и руководители команд — подлинные энтузиасты спорта. Они приехали на соревнования за счет своих отпусков. Им никто не оплачивает здесь ни суточных, ни квартирных. Да и сам пресс-комиссар, оказывается,—большой энтузиаст легкой атлетики. Он майор запаса, но, по его выражению, предан спорту больше, чем бывшей своей профессии.

Вот снова рукоплещет Олимпийский стадион. Сегодня воскресенье. Места почти все заняты. Публика приветствует Марию Луизу Дурэ из Норчепинга, которая установила в беге на 400 метров новый рекорд страны, пройдя эту дистанцию за 59,0 секунды.

Зеленый ковер поля. Выутюженная, ровная и разлинованная, будто школьная доска, полевая лужайка. Автоматические демонстрационные щиты с огневыми цифрами. Мальчишки в красной униформе, разносящие на лотках бананы, шоколад. Дробно выстукивающие машинки репортеров. Судьи на ступеньках и скамейках, будто деревенские ребятишки на бревнах. Неожиданные выстрелы сигналов...

Все это повторится на стокгольмском Олимпийском стадионе 19 августа, в день открытия европейского легкоатлетического первенства.

Стокгольм.

РЕШАЮЩАЯ ФАЗА

Футбольное обозрение

М. МЕРЖАНОВ

Отшумели международные игры за рубежом, и футболисты вернулись к родному очагу, в «отчий дом» своих клубов.

Вновь начались самые популярные и значительные матчи — матчи за право называться лучшей командой страны.

За последний месяц нам удалось увидеть несколько состязаний большого спортивного накала, состязаний красивых и темпераментных, главное в которых было взаимопонимание игроков, так недостающее нашей сборной.

Август — месяц «футбольного созревания». Команды в августе играют лучше, чем в мае. Это определяется без логарифмической линейки, ибо видно невооруженным глазом: быстрее бегают игроки, послушнее становится мяч, красивее приемы и комбинации.

Не случайно именно в августе собирается футбольный «урожай». В «Динамо» вырос В. Урин, в «Спартаке» А. Солдатов, у армейцев Ю. Олещук — игроки высокого класса.

В состязаниях на первенство страны наступила решающая фаза. Сейчас каждая победа или поражение чувствительно сказывается на положении клубов в турнирной таблице. Большинство коллективов уже сыграло по 3—4 матча второй половины розыгрыша. Выражаясь языком легкоатлетов, команды пошли «последний круг», на котором, как известно, борьба обостряется до больших степеней.

Цифры говорят о том, что в этом году общее число забитых мячей является рекордным. В среднем в каждом матче мяч гостит в сетке ворот больше трех раз. Это отрадное явление, по-моему, свидетельствует не только о наступательных тактических принципах большинства наших команд, но также и о том, что нападающие постепенно находят новые формы борьбы с системой «трех защитников», формы, блестяще показанные бразильцами в Швеции.

Заметна стала легкость, с которой форварды проникают в опасную зону ворот, ставя в тупик защитников, привыкших к схематически организованному нападению. Даже самые опытные футболисты обороны — динамовские защитники и их первоклассный вратарь Л. Яшин — не могут противостоять стремительным атакам (в прошлом году за весь сезон в ворота «Динамо» влетело 15 мячей, а нынче уже пропущено 20). Больше, чем в прошлом году (к этому периоду), пропущено голов «Спартаком», «Торпедо», динамовскими коллективами Киева и Тбилиси и другими.

Правда, найдя новые лазейки в позиционной расстановке трех защитников и оказавшись в непосредственной близости от ворот, нападающие не могут еще привыкнуть к необычной свободе на штрафной площадке, а потому медлят, теряются и ведут себя, как люди с завязанными глазами. Отсюда масса ударов мимо ворот с самого близкого расстояния. Здесь, как нигде, сказывается невысокий технический уровень наших форвардов, неумение обращаться с мячом на больших скоростях. Только мячи Н. Симоняна, В. Иванова, А. Ильина, А. Мамедова, В. Урина летят, как правило, по точному адресу и доставляют много хлопот вратарям.

Каково же положение команд в турнирной таблице?

Лидером чемпионата по-прежнему остаются футболисты «Спартака». Они добились наибольшего количества побед и имеют лишь одно поражение. Спартаковцы занимают также первое место по числу забитых мячей. Команда в этом сезоне ввела новых, молодых игроков, которые рядом с опытными мастерами довольно быстро повышают класс своей игры. Прочно вошли в состав спартаковцев защитник А. Солдатов, полузащитник В. Чистяков и нападающий В. Мишин.

Второе место занимают армейские футболисты, которые из пяти последних матчей четыре выиграли и один, с «Зенитом», свели к ничьей. Команда хорошо организована в защите и обладает завидным свойством вести атаки в течение всего матча.

С большим успехом в этом сезоне выступает ленинградский «Зенит» (тренер — Г. Жарков). Коллектив, составленный в основном из молодых спортсменов, одержал ряд важных побед (в том числе и над чемпионом страны) и имеет лишь два поражения.

Удачнее обычного выступает «Шахтер» (тренер — А. Дангулов). Донбасские футболисты в матчах с первоклассными соперниками показали не только хорошую спортивную подготовленность, но и решительность, смелость, волю к победе.

Рядом стоит «Локомотив»—команда, обладающая энергичным нападением и стойкой защитой.

Плохо начали сезон чемпионы страны — динамовцы Москвы. Правда, последние матчи они провели без поражений и выглядят значительно лучше, чем весной. С опозданием, но все же стабилизировалась линия нападения. Это дает основание предполагать, что в скором времени мы увидим столичное «Динамо» в группе лидеров.

Неудачи преследуют грузинских футболистов. В четырех последних играх с московскими командами они четырежды были «уложены на лопатки». При этом защитные линии еще раз показали свою неспособность вести игру в высоком темпе. Не случайно в их ворота уже влетело 44 мяча! Укрепление защиты может резко изменить положение команды в турнирной таблице.

Очень неровно играют киевские динамовцы. Пока они ничем не могут похвастать.

Аутсайдерами по-прежнему остаются коллективы: «Молдова» (Кишинев), «Крылья Советов» (Куйбышев) и «Адмиралтеец» (Ленинград).

Интересно отметить, что куйбышевские спортсмены за последние шесть матчей забили всего один мяч, и то с пенальти. Поистине рекорд, который, надо надеяться, никем не будет побит.

Матч команд ЦСК МО — «ЗЕНИТ» (Ленинград). Опасный момент у ворот ленинградских футболистов. Гол? Нет. Мяч попал в штангу ворот.
Фото Н. Волкова.

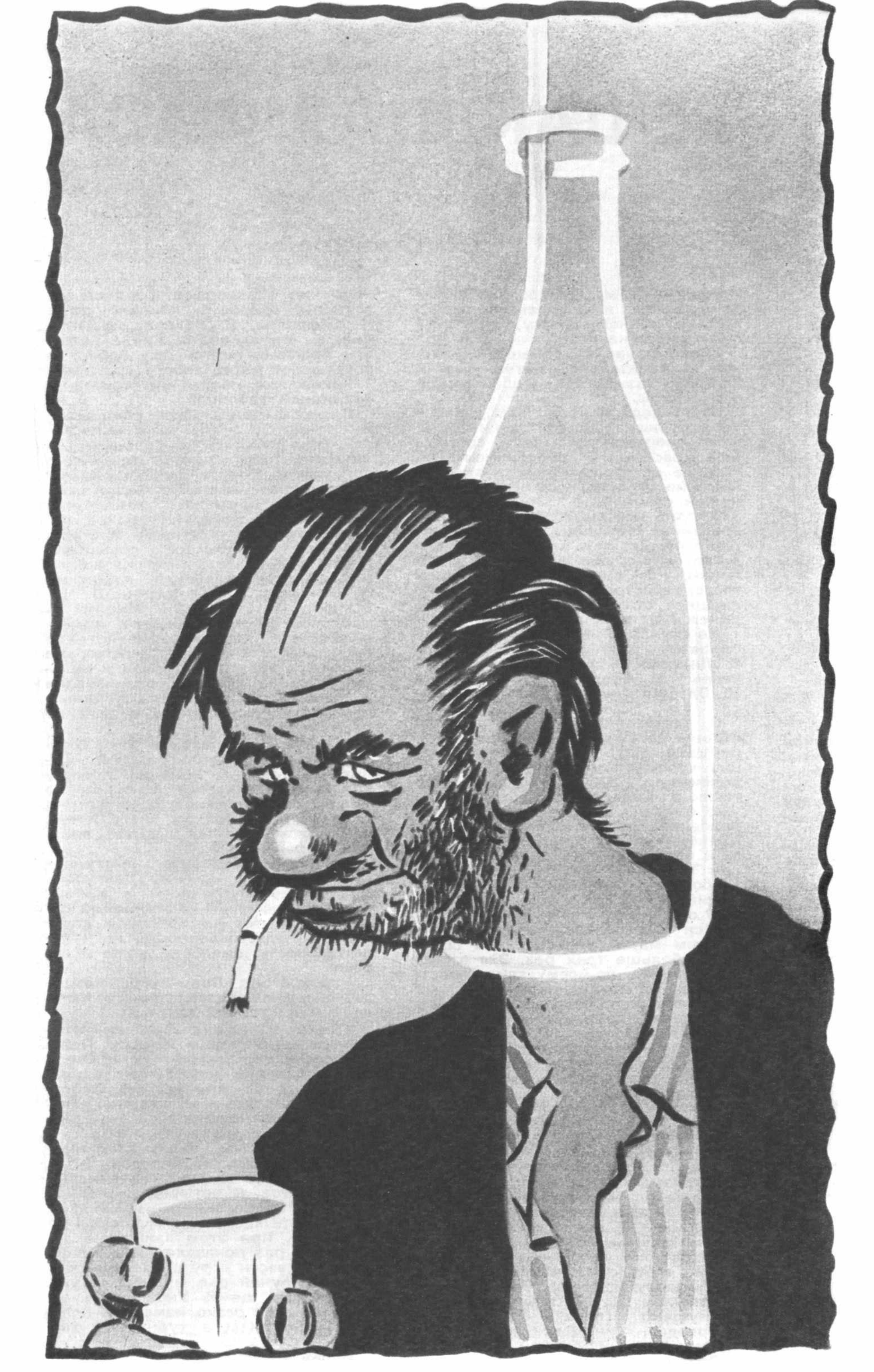

Рисунок И. МАССИНА.

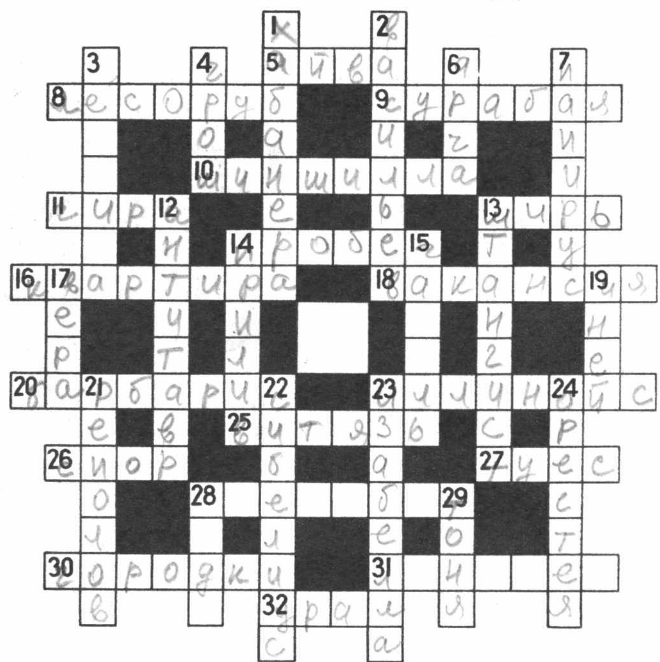
Дядя Ик

Ик-то Ик, а вот вначале
сам собой вопрос возник:
почему же вдруг прозвали
дядю Ваню дядей Ик?
Сам собой ответ дается:
потому что потому,
потому что не живется,
а икается ему.
Правда, правда, в самом деле:
дядя Ик наш (без прикрас)
скажет фразу еле-еле,
а икнет десяток раз.
Жуть берет, на Ика глядя.
Что с ним? Может, угорел?
Нет, не это. Это дядя,
называется, «дозрел».
Перебрал. Перестарался.
Через меру. Через край.
Так сказать, проспиртовался,
хоть бери и зажигай!

Стыд глядеть на Ика рыло:
весь фасад заполоня,
рыло дядино покрыла
ржавым ворсом волосня.
Не огонь в глазах, а тина,
крепко слиплись кромки век.
Дядя вроде не скотина,
но уже не человек.
Вывод жесткий, но бесспорный.
Все за это говорит:
и пейзаж, и стиль, и вид,
и отборно-подзаборный
свекловично-помидорный
баклажанный колорит.
— Слушай, дядя, что с тобою?
Почему ты так поник?
—...Эт-т-то, б-р-р-а-тцы, с пе-р-р-е-п-п-ою...—
отвечает дядя Ик.

Сергей ВАСИЛЬЕВ

КРОССВОРД

По горизонтали:

5. Плодовое дерево. 8. Рабочий, занятый на заготовке древесины. 9. Порт на острове Ява. 10. Порода кроликов. 11. Народный поэт Литвы. 13. Простор, раздолье. 14. Спортивное соревнование. 16. Жилое помещение. 18. Свободная должность. 20. Декоративный кустарник, медонос. 23. Приток Миссисипи. 25. Советское научно-исследовательское судно. 26. Стихотворение М. Ю. Лермонтова. 27. Берестяной короб. 28. Парусное одномачтовое судно. 30. Игра. 31. Животное тропических лесов Южной Америки. 32. Ежемесячный журнал, издающийся в Свердловске.

По вертикали:

1. Испанский танец-песня. 2. Русский живописец-пейзажист XIX века. 3. Верхний слой почвы. 4. Разменная монета Польской Народной Республики. 6. Среднеазиатский можжевельник. 7. Древний свиток. 12. Горная система в Турции. 13. Тяжелоатлет. 14. Периодический подъем уровня океана. 15. Стихотворная форма в поэзии народов Востока. 17. Действующее лицо в романе И. А. Гончарова «Обрыв». 19. Атмосферный осадок. 21. Коноплянка. 22. Финский композитор. 23. Сорт винограда. 24. Оперная трилогия С. И. Танеева. 28. Ткань. 29. Участок водоема для лова рыбы.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 33

По горизонтали:

6. Растениеводство. 11. Аврал. 12. Девиз. 13. Искусство. 14. Миссия. 16. Лоджия. 18. Ондатра. 21. Полька. 22. Эталон. 23. Плотина. 24. Побег. 25. Цокор. 26. Ложбина. 27. Ошанин. 28. Онегин. 29. Арктика. 33. Опенок. 36. Прокат. 38. Удобрение. 39. «Игнат». 40. Риони. 41. Существительное.

По вертикали:

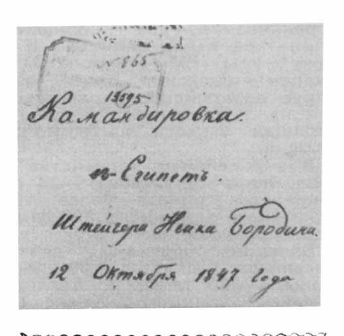
1. Италия. 2. Индикан. 3. Береста. 4. Доватор. 5. Асидол. 7. Адрес. 8. «Вывод». 9. Шарикоподшипник. 10. Взаимопонимание. 15. Инкогнито. 17. Ортоцентр. 19. Дворжак. 20. Тбилиси. 30. Реометр. 31. Терапия. 32. Канклес. 34. Нанду. 35. Куттер. 36. Персье. 37. Олово

Редкие автографы

«Сочинял гитеншрейбер Иван Ползунов». Такая подпись стоит под старинным чертежом, который удалось обнаружить в Свердловском архиве. Чертежи деталей оборудования для Барнаульского завода сделал в середине XVIII века русский теплотехник И. И. Ползунов.

Среди других архивных находок — «Сказки, составленные государственным крестьянином Григорием Никифоровичем Постниковым в 1767 году, об открытии им семи медных рудников»; список сборника «Арабских сказок» («1000 и одна ночь»), переписанный демидовским служащим примерно в 1753 году.

А. КОЗЛОВ

№ 865

1895

Командировка

в Египет.

Штейгера Ивана Бородина

12 Октября 1847 года

На вкладках этого номера: репродукции картин К. Ф. Юона — «Мост через реку Оку в Нижнем Новгороде», П. П. Верещагина — «Рынок в Нижнем Новгороде», П. О. Ковалевского — «Спуск к перевозу», И. И. Ендогурова — «Половодье» и четыре страницы цветных фотографий.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ. Редакционная коллегия: В. Ф. БАРЫКИН, А. С. ВАРШАВСКИЙ, Н. Н. КРУЖКОВ, Л. А. КУДРЕВАТЫХ (зам. главного редактора), Л. М. ЛЕРОВ, Е. Н. ЛОГИНОВА, И. А. УРАЗОВ.

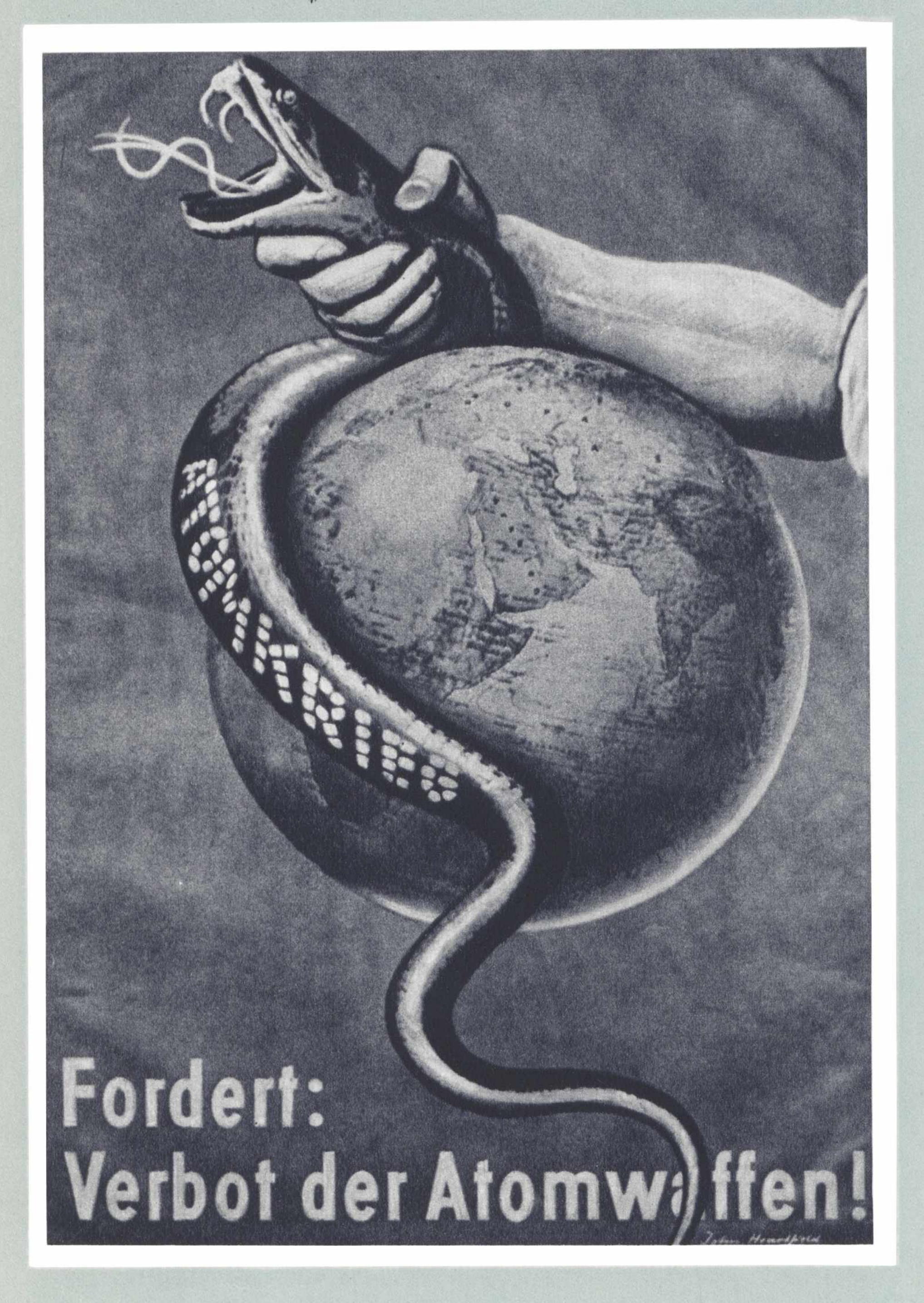
Адрес редакции: Москва, Д-47, ул. «Правды», 24. **Рукописи не возвращаются.** Оформление С. Зуськова.

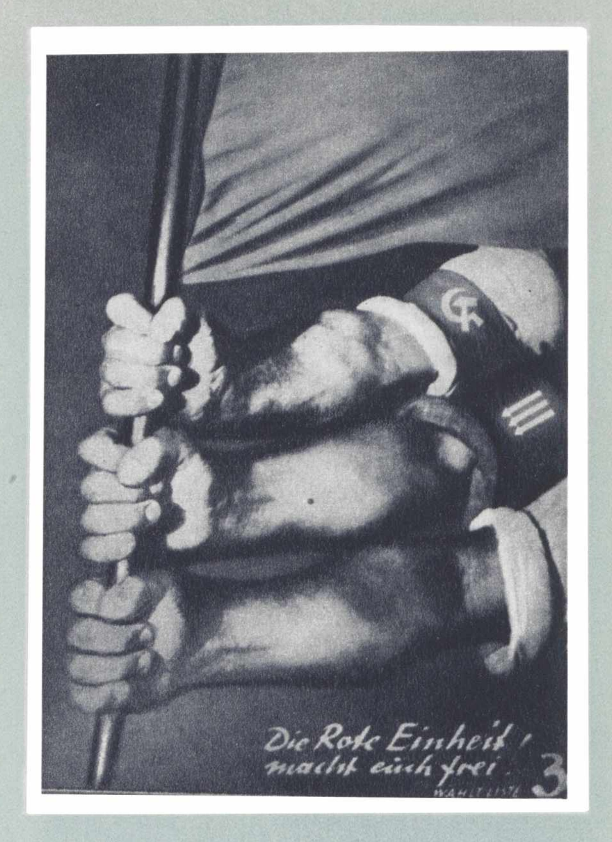
Телефоны отделов редакции: Секретариат — Д 3-38-61; Отделы: Внутренней жизни — Д 3-39-07; Международный — Д 3-38-63; Искусств — Д 3-38-67; Литературы — Д 3-31-83; Библиографии — Д 3-38-26; Науки и техники — Д 3-38-65; Юмора и сатиры — Д 3-32-13; Спорта — Д 3-32-67; Фото — Д 3-35-48; Оформления — Д 3-38-44; Писем — Д 3-36-28; Литературных приложений — Д 3-30-39.

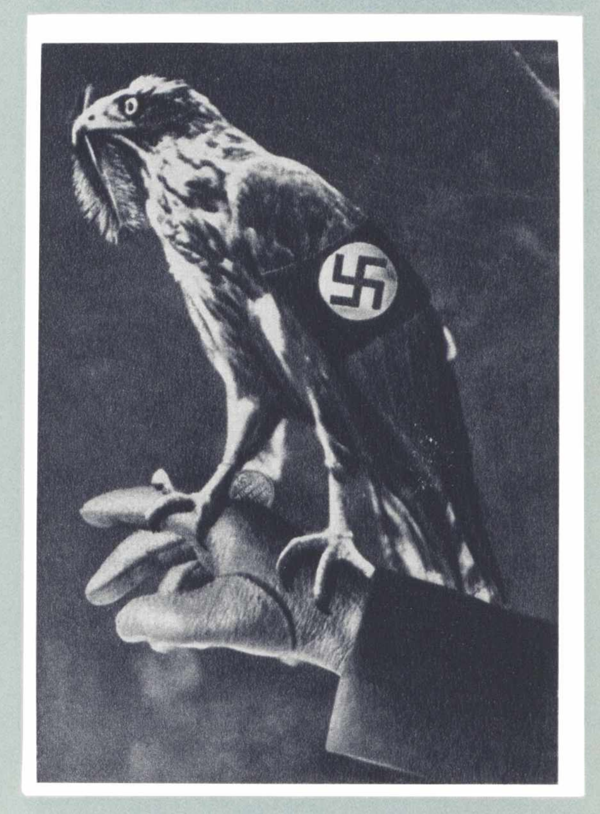
А 03561. Подписано к печати 13/VIII 1958 г. Формат бум. 70×108¹/₈. 2,5 бум. л. — 6,85 печ. л. Тираж 1 420 000. Изд. № 894. Заказ № 1768.

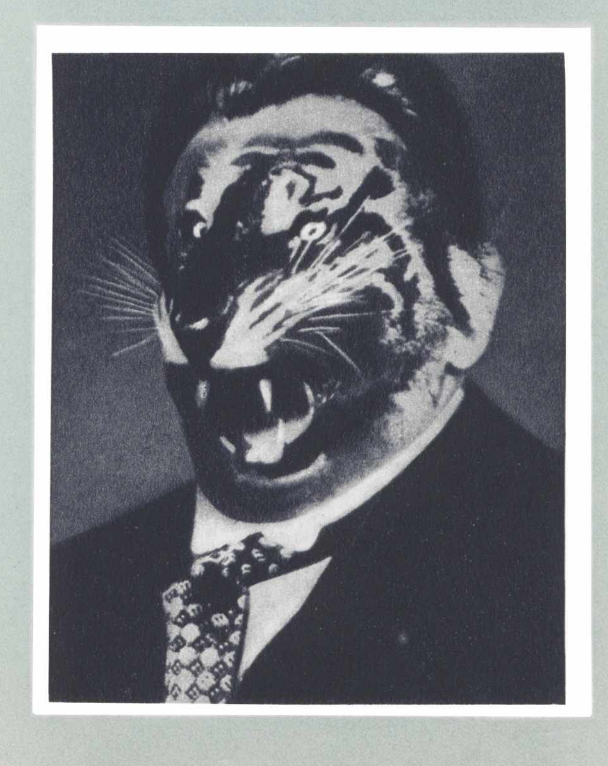
Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, Д-47, ул. «Правды», 24.

Джон Хартфильд

В Москве состоялась выставка работ известного немецкого художника Джона Хартфильда.

Более сорока лет фотомонтажи этого художника воспроизводятся на страницах журналов и газет многих стран мира.

Слева: Требуйте запрещения атомного оружия.

Справа, сверху вниз: Красное знамя освободит вас. 1932.

Гитлеровский «голубь мира». 1935.

Лицо фашизма. 1931.

Цена номера 3 руб.